

Издательский дом «Академик»

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НАУЧНЫЙ СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (ЯНВАРЬ-МАРТ)

2026 ГОД

Учредитель: Грудцына И.В.

Издатель: Издательский дом «Академик» (<https://academ-publish.com>)

Журнал является сетевым изданием и выходит с 2025 г. один раз в три месяца

Официальный сайт журнала: <https://h-rights.online/>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90917 от 13 февраля 2026 г.)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НАУЧНЫЙ СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научный сетевой РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера, основными целями которого являются научные публикации и исследования, посвященные правам и свободам человека и гражданина, обмен результатами таких исследований между учеными и практиками, освещение актуальных и нерешенных проблем в данной сфере, а также повышение интереса к правам и свободам человека, их охране и защите в современном мире.

Главный редактор: Булаков Олег Николаевич

Заместитель главного редактора: Усанов Владимир Евгеньевич

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Ерошина Екатерина Андреевна

Корректор и компьютерная верстка: Саблина Ирина Александровна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2.
Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://h-rights.online/> **E-mail:** mail@h-rights.online

WhatsApp*: +7 999-914-10-69 **Telegram:** @academ_publish

*При использовании опубликованных материалов ссылка
на научный сетевой журнал «Права человека в современном мире» обязательна.*

*Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены
в электронных правовых базах и справочных системах.*

*Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование.
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.*

** принадлежит Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории России.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член Экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Заместитель главного редактора:

Усанов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Специальность: 5.1.2. — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

- **Миронов Василий Олегович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.
- **Садовникова Галина Дмитриевна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).
- **Сангаджиев Бадма Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
- **Усанов Владимир Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Специальность: 5.1.3. — Частно-правовые (цивилистические) науки

- **Грудцына Людмила Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).
- **Иванова Светлана Анатольевна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Почетный адвокат России, эксперт РАН.
- **Левушкин Анатолий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.
- **Стригунова Дина Павловна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Специальность: 5.1.4. — Уголовно-правовые науки

- **Дубровин Сергей Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.
- **Лебедев Семен Яковлевич**, Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина.
- **Николаева Юлия Валентиновна**, доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
- **Шайхуллин Марат Селирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Bulakov Oleg Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Deputy Editor-in-Chief:

Usanov Vladimir Evgenievich, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Specialty: 5.1.2. - Public legal (state legal) sciences

- **Mironov Vasily Olegovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.
- **Sadovnikova Galina Dmitrievna**, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, FSAEI HE «Moscow State Law University named after O.E. Kutafin» (MSLA).
- **Sangadzhiev Badma Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
- **Usanov Vladimir Evgenievich**, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Specialty: 5.1.3. - Private law (civil) sciences

- **Grudtsina Ludmila Yuryevna**, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
- **Ivanova Svetlana Anatolyevna**, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences.
- **Levushkin Anatoly Nikolayevich**, Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice.
- **Strigunova Dina Pavlovna**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.»

Specialty: 5.1.4. - Criminal Law Sciences

- **Dubrovin Sergey Viktorovich**, Doctor of Law, Professor, Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University.
- **Lebedev Semyon Yakovlevich**, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Advocacy, Russian State University named after A.N. Kosygin.
- **Nikolaeva Yulia Valentinovna**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
- **Shaikhullin Marat Selirovich**, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

С.А. Иванова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

- **А.П. Галоганов**, доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.
- **В.Н. Жуков**, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
- **В.В. Комарова**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
- **А.В. Рагулин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.
- **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
- **Б.С. Эбзеев**, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), член ЦИК России.
- **Н.Д. Эриашвили**, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman:

S.A. Ivanova, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences.

• **A.P. Galoganov**, Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• **V.N. Zhukov**, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• **V.V. Komarova**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• **A.V. Ragulin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

• **B.S. Ebzeev**, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

• **N.D. Eriashvili**, Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Булаков О.Н. * Конституционно-правовые основы реализации прав человека в России 9

Седой И.С. * Конституционные основы системы правоохранительных органов и реализация прав человека в современной России 18

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Грудцына Л.Ю. * Актуальные проблемы защиты прав человека в странах европейского союза (на примере ФРГ и Франции) 23

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Кононов Д.А. * Реализация прав человека в электронном правосудии в гражданском и арбитражном процессе в условиях цифровизации 37

Газимагомедов М.А. * Развитие американского прецедентного права в аспекте прав человека 41

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Белявский С.В. * Реализация прав человека при создании и деятельности товарищества на вере (коммандитного товарищества) 47

Гончаров И.А. * Права человека и трансформация правовых основ института собственности: историко-правовой аспект 51

Грудцына Л.Ю. * Оценка научной деятельности и результативности ученых в США 59

CONTENT:

CONSTITUTIONAL BASIS OF HUMAN RIGHTS

Bulakov O.N. * Constitutional and Legal Framework for the Implementation of Human Rights in Russia 9

Sedoy I.S. * Constitutional Framework for the Law Enforcement System and the Implementation of Human Rights in Modern Russia 18

HUMAN RIGHTS IN THE COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION

Grudtsyna L.Yu. * Actual Problems of Human Rights Protection in European Union countries (on the Example of Germany and France) 23

JUDICIAL POWER AND HUMAN RIGHTS

Kononov D.A. * Proposal, methodological foundations and features of the administration of justice in civil and arbitration proceedings in the context of digitalization 37

Gazimagomedov M.A. * Development of American Case Law in the Aspect of Human Rights 41

IMPLEMENTATION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

Belyavsky S.V. * Implementation of Human Rights in the Creation and Operation of a Limited Partnership 47

Goncharov I.A. * Human Rights and the Transformation of the Legal Foundations of the Institution of Ownership: A Historical and Legal Aspect 51

Grudtsyna L.Yu. * Evaluation of Scientific Activity and Performance of Scientists in the USA 59

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.03.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 01.04.2026 г.

БУЛАКОВ Олег Николаевич,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры публичной власти и правового положения личности,

Институт Правоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),

Москва, Россия,

e-mail: bulakov62@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Аннотация. В статье исследуются конституционно-правовые основы реализации прав человека в Российской Федерации. Обосновывается, что современная модель правового статуса личности в России строится на аксиологическом приоритете человека, его прав и свобод, непосредственном действии конституционных норм, связанности публичной власти правами и свободами, а также на наличии разветвленной системы институциональных и процессуальных гарантий. Показано, что реализация прав человека не исчерпывается их нормативным закреплением в Конституции Российской Федерации, а предполагает сложный механизм правового обеспечения, включающий законодательную конкретизацию, административные процедуры, судебную защиту, деятельность Уполномоченного по правам человека, институт общественного контроля и систему бесплатной юридической помощи. Особое внимание уделено правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, раскрывающим содержание достоинства личности, права на обращение, свободы передвижения и права на судебную защиту.

Ключевые слова: Конституция, права человека, конституционные гарантии, достоинство личности, судебная защита, Конституционный Суд, Уполномоченный по правам человека, общественный контроль.

BULAKOV Oleg Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor,

Professor, Department of Public Authority and Legal Status of the Individual,

Institute of Law, Russian State University for the Humanities (RSUH),

Moscow, Russia

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS FOR THE IMPLEMENTATION OF HUMAN RIGHTS IN RUSSIA

Annotation. This article examines the constitutional and legal foundations for the implementation of human rights in the Russian Federation. It is argued that the modern model of the legal status of the individual in Russia is based on the axiological priority of the individual, their rights and freedoms, the direct application of constitutional norms, the connection of public authority with rights and freedoms, and the existence of a comprehensive system of institutional and procedural guarantees. It is shown that the realization of human rights is not limited to their legal enshrinement in the Constitution of the Russian Federation, but rather requires a complex mechanism of legal support, including legislative specification, administrative procedures, judicial protection, the activities of the Human Rights Commissioner, the institution of public oversight, and a system of free legal aid. Particular attention is paid to the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which elucidate the essence of individual dignity, the right to petition, freedom of movement, and the right to judicial protection.

Key words: Constitution, human rights, constitutional guarantees, individual dignity, judicial protection, Constitutional Court, Human Rights Commissioner, public oversight.

Введение

Конституционно-правовые основы реализации прав человека в России образуют один из центральных институтов современного российского консти-

туционализма. Это объясняется тем, что в действующей Конституции Российской Федерации именно человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью, а их признание, соблюдение и за-

щита возложены на государство как на его прямую обязанность [1]. Тем самым права и свободы выступают не периферийным, а системообразующим элементом конституционного строя, определяющим пределы публичной власти, смысл законодательства, содержание правоприменения и направление судебного контроля. Конституционный Суд Российской Федерации последовательно исходит из того, что достоинство личности и права человека образуют фундамент всей государственно-правовой организации, а гражданин не может рассматриваться как объект государственной деятельности, но должен восприниматься как равноправный субъект публично-правовых отношений [10; 18].

Для российской правовой системы принципиально важно, что права и свободы человека не только закреплены в главе 2 Конституции Российской Федерации, но и признаны непосредственно действующими. Согласно статье 18 Конституции Российской Федерации именно права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием [1]. Это означает, что Конституция не ограничивается декларативным перечислением прав; она задает обязательный нормативный стандарт для всех ветвей власти. Следовательно, реализация прав человека должна пониматься как процесс претворения конституционных предписаний в фактическое поведение государства, общества и личности, а не как простое наличие текста Основного Закона [1; 14–18].

В научной литературе обоснованно проводится различие между закреплением, обеспечением, охраной и защитой прав личности. Закрепление означает их нормативное признание; обеспечение — создание условий для использования прав; охрана — предупреждение нарушений; защита — восстановление нарушенного состояния и применение юридических средств реагирования [15; 17]. В этом смысле реализация прав человека в конституционном государстве всегда имеет комплексный характер. Она невозможна без точной законодательной конкретизации содержания прав, без процедур доступа к компетентным органам, без эффективного судопроизводства и без развитой системы правовых средств, позволяющих человеку оспаривать действия публичной власти. Иначе говоря, права человека становятся реально действующими лишь тогда, когда между конституционной нормой и жизненной ситуацией существует работающий юридический механизм ее воплощения [14–18].

1. Ценностные и нормативные основы конституционного статуса личности

В российской конституционной модели права человека имеют не только юридическое, но и выраженное аксиологическое значение. Статья 2 Конституции Российской Федерации закрепляет приоритет человека и его прав, статья 17 — неотчуждаемость и принадлежность прав каждому от рождения, статья

19 — равенство всех перед законом и судом, статья 21 — охрану достоинства личности, статья 45 — государственную защиту прав и свобод, статья 46 — судебную защиту, статья 55 — пределы ограничения прав федеральным законом [1]. Совокупность этих положений формирует каркас реализации прав человека, в котором свобода не противопоставляется государству, а получает институциональную поддержку именно через государственно-правовые механизмы. Ограничения прав допустимы только при соблюдении требований необходимости, соразмерности и конституционно значимой цели, что неоднократно подчеркивалось в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации [10; 11; 12].

Особое место в системе конституционных ценностей занимает достоинство личности. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что статья 21 Конституции Российской Федерации требует рассматривать гражданина не как объект государственной деятельности, а как равноправного субъекта, обладающего самостоятельной ценностью [18]. Из этого вытекает не только запрет унижающего достоинство обращения, но и более широкий стандарт отношения государства к личности: публичная власть обязана выстраивать процедуры таким образом, чтобы человек сохранял возможность быть выслушанным, влиять на решения, затрагивающие его правовую сферу, и получать эффективные средства восстановления нарушенного права. Следовательно, конституционно-правовая реализация прав человека невозможна без процедур, уважающих автономию личности и ее правовой голос [10; 18].

Наряду с достоинством фундаментальное значение имеет принцип равенства. Равенство перед законом и судом не означает механического единообразия правового регулирования; оно требует, чтобы различия в положении субъектов имели объективное и разумное оправдание, а любые ограничения основывались на конституционно допустимых критериях [1; 16]. Для реализации прав человека это имеет непосредственное значение, поскольку неравенство часто проявляется не на уровне формулировки права, а на стадии доступа к процедуре: к правосудию, к социальной поддержке, к юридической помощи, к возможности подать обращение либо жалобу. Поэтому конституционное равенство должно пониматься не только как запрет дискриминации, но и как требование выравнивания реальных процессуальных возможностей для осуществления прав [15–17].

Положения главы 2 Конституции Российской Федерации образуют в своем единстве целостный правовой статус личности. Их значение определяется тем, что они обладают повышенной юридической устойчивостью и не могут быть произвольно пересмотрены в порядке обычной законодательной процедуры [1]. Такая конституционная защита обеспечивает стабильность базовых правовых ориентиров и препятствует их ведомственной или ситуатив-

ной эрозии. Вместе с тем сама по себе устойчивость конституционного текста еще не гарантирует эффективную реализацию прав. Требуется постоянное согласование отраслевого законодательства и правоприменительной практики с аксиологией и смыслом конституционных положений [14; 16; 17].

2. Прямое действие Конституции и законодательная конкретизация прав

Одной из важнейших особенностей российской конституционной модели является признание непосредственного действия прав и свобод. Эта формула означает, что права человека должны учитываться не только законодателем, но и любым правоприменителем, включая суд, администрацию и иные органы публичной власти [1; 7]. Прямое действие Конституции не исключает необходимости детализации прав в федеральных законах; напротив, оно требует, чтобы такая детализация не искажала конституционное содержание права и не превращала его в декларацию. Именно поэтому российская конституционная доктрина рассматривает законодательную конкретизацию как производную по отношению к Конституции, а не как автономный источник объема прав [14; 16].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 сыграло важную роль в утверждении практики прямого применения Конституции судами [7]. Высшая судебная инстанция подчеркнула, что правосудие должно обеспечивать надлежащую защиту прав и свобод, а суд вправе опираться на конституционные нормы в случаях, когда закон противоречит Конституции, отсутствует необходимое регулирование либо закон требует конституционно-сообразного толкования [7]. Тем самым был заложен принцип, согласно которому Конституция не является лишь программным актом, а выступает непосредственно применимым источником судебной аргументации. Практическое значение этой позиции трудно переоценить: она препятствует подмене конституционных гарантий усмотрением текущего законодательства и позволяет личности ссылаться на Основной Закон как на реальный юридический ресурс [1; 7; 16].

Одновременно прямое действие Конституции не освобождает государство от обязанности создавать детально урегулированные и понятные процедуры реализации прав. Без развитого законодательства право нередко остается слишком общим и потому недостаточно пригодным для повседневного применения. Так, право на обращение, на получение бесплатной юридической помощи, на участие в общественном контроле, на доступ к информации или на судебную защиту нуждается в особых механизмах подачи заявлений, сроках, правилах компетенции, стандартах рассмотрения и обжалования [4–6]. Иначе говоря, реальность конституционного права определяется не только его высотой в иерархии норм, но и качеством процессуальной инфраструктуры, через которую оно осуществляется.

Для российской практики характерно, что мно-

гие нарушения прав возникают не на уровне их формального отрицания, а в форме процедурного усложнения. Право не запрещается, но его реализация ставится в зависимость от многочисленных справок, подтверждений, согласований, территориальных барьеров и цифровых фильтров. Поэтому важнейшей задачей конституционно-правового развития становится перевод правовой материи из состояния признанного права в состояние доступного права. Именно процедурная доступность является главным показателем зрелости современного правового государства [15–18].

3. Институциональные гарантии реализации прав человека

Реализация прав человека в России обеспечивается не только Конституцией как нормативным актом, но и системой государственных и общественных институтов. Ключевое значение имеет сама организация публичной власти, поскольку статья 2 Конституции Российской Федерации связывает государство обязанностью признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина [1]. Это означает, что все органы публичной власти — законодательные, исполнительные, судебные, федеральные и региональные — должны рассматривать защиту прав не как факультативную социальную функцию, а как конституционное содержание своей деятельности.

В системе институциональных гарантий особая роль принадлежит Президенту Российской Федерации как гаранту Конституции, прав и свобод человека и гражданина [1]. Однако конституционная функция гарантирования не должна пониматься в сугубо символическом смысле. Она выражается в формировании государственной правовой политики, в определении общих ориентиров деятельности органов власти, в использовании кадровых, контрольных и координационных механизмов, обеспечивающих устойчивость конституционного пространства прав человека. Вместе с тем подлинная реализация прав зависит не от декларации гарантирования, а от того, насколько последовательно эти ориентиры трансформируются в административные процедуры, стандарты оказания публичных услуг и судебную практику [14; 16].

Существенное место занимают законодательные гарантии. Федеральное Собрание Российской Федерации, принимая федеральные законы, должно не только регулировать конкретные общественные отношения, но и сохранять конституционный баланс между публичным интересом и автономией личности. От качества закона в значительной степени зависит, станет ли право реально осуществимым либо окажется чрезмерно ограниченным за счет расплывчатых полномочий администрации и неопределенных процедур. В этом смысле законодатель выступает не только творцом нормы, но и ответственным субъектом за уровень правовой определенности и предсказуемости механизма реализации прав [15–17].

Исполнительная власть, в свою очередь, играет

решающую роль на стадии практического доступа человека к государственным услугам, социальным гарантиям, разрешительным процедурам, регистрационным действиям, рассмотрению жалоб и обращений. Именно здесь чаще всего выявляется разрыв между конституционным признанием права и фактической возможностью им воспользоваться. Даже самая совершенная законодательная формула теряет эффективность, если административная практика перегружена формализмом, закрытостью либо несоразмерными требованиями к гражданину. Поэтому современная доктрина реализации прав справедливо акцентирует внимание на качестве административных процедур как самостоятельного показателя соблюдения Конституции [4; 15; 17].

4. Право на обращение и административно-процедурное измерение прав человека

Право на обращение является одной из базовых форм реализации прав человека в публично-правовой сфере. Оно позволяет личности вступать в юридически значимый диалог с государством, сообщать о нарушениях, ставить вопросы, затрагивающие общественный и личный интерес, добиваться пересмотра решений и получать мотивированный ответ [1; 4]. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ закрепляет право граждан направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы, органы местного самоуправления и должностным лицам [4]. Тем самым обращение выступает не вспомогательной бюрократической процедурой, а самостоятельным конституционным механизмом участия личности в публичной жизни.

Особое значение права на обращение подтверждено новейшей практикой Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 4 декабря 2025 г. № 43-П Суд отметил, что конституционное право граждан на обращение в совокупности с другими элементами правового статуса позволяет человеку влиять на деятельность публичной власти и добиваться устранения выявленных нарушений [10]. Данная правовая позиция имеет более широкое значение, чем разрешение конкретного спора: она подчеркивает, что для современного конституционного строя обратная связь между государством и личностью является не факультативным сервисом, а обязательным признаком демократического правопорядка [10; 16].

Административно-процедурное измерение реализации прав человека нередко недооценивается в теории. Между тем именно через обращение человек наиболее часто сталкивается с государством: при защите социальных прав, в вопросах жилища, образования, здравоохранения, миграции, пенсий, регистрации, земельных и коммунальных споров. Если процедура рассмотрения обращения затянута, непрозрачна или сводится к формальной отписке, это деформирует не только отдельную административную практику, но и само конституционное содержание права. Следовательно, право на обращение должно оцениваться с позиции его эффективности:

реального срока ответа, мотивированности решения, доступности формы подачи и последующего обжалования [4; 10].

В современных условиях особое значение приобретают электронные формы обращения. Они способны упростить взаимодействие гражданина с государством, снизить территориальные барьеры и ускорить коммуникацию. Однако цифровизация не должна создавать новые формы исключения: право на обращение не может зависеть от уровня цифровой грамотности, наличия технических средств либо устойчивого интернет-доступа. Поэтому электронные каналы должны дополнять традиционные способы обращения, а не вытеснять их, иначе формально расширенный доступ превратится в скрытое ограничение конституционного права [4; 13; 17].

5. Право на судебную защиту и роль судов в обеспечении прав человека

Центральным механизмом реализации прав человека в конституционном государстве является судебная защита. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод [1]. Данная гарантия охватывает не только возможность обратиться в суд, но и право на справедливую, эффективную и исполнимую процедуру. Без судебной защиты все иные формы обеспечения прав — административные, контрольные, посреднические — в конечном счете лишаются окончательной юридической опоры [1; 7; 12].

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 февраля 2026 г. № 6-П специально подчеркнул, что право на судебную защиту предполагает обеспечение всем субъектам права доступа к правосудию [12]. Эта формула принципиальна: защита права не исчерпывается формальным существованием судебной системы. Она включает фактическую возможность подать иск или жалобу, преодолеть процессуальные барьеры, получить рассмотрение дела в разумный срок и добиться исполнения судебного акта. Исполнение решения, таким образом, является не внешним по отношению к правосудию элементом, а его завершающей стадией [12].

Для российской практики остается актуальной проблема чрезмерного процессуального формализма. Даже при наличии материально обоснованного требования гражданин может столкнуться с отказом в принятии заявления, возвращением документов, неподсудностью, сложностями с подсчетом сроков либо чрезмерной сложностью формы обращения. Верховный Суд Российской Федерации в 2026 г. указал, что формальная ошибка в иске не должна автоматически лишать гражданина права на судебную защиту [7]. Эта позиция заслуживает поддержки, поскольку конституционное право на суд принадлежит человеку, а не идеально оформленному документу. В условиях, когда многие лица не обладают профессиональной юридической подготовкой, процесс должен быть построен так, чтобы обеспечивать доступность правосудия, а не превращаться в систему

формальных фильтров [5; 7; 12].

Значение судебной защиты особенно велико для реализации социальных и публичных субъективных прав, поскольку именно здесь гражданин часто оказывается в асимметричном отношении с государством. Спор о пенсии, пособии, инвалидности, предоставлении жилья, медицинской помощи, обжаловании бездействия органа власти или отказа в услуге — это не просто частный конфликт, а проверка того, насколько конституционное государство способно обеспечить фактическую достижимость обещанных прав. В этом смысле суд является не только органом разрешения спора, но и важнейшим корректором административной практики [1; 5; 12; 16].

6. Конституционный Суд Российской Федерации как гарант прав и свобод

Особое место в механизме реализации прав человека занимает Конституционный Суд Российской Федерации. Его функция состоит не просто в абстрактной проверке законов, а в восстановлении конституционного содержания права в тех случаях, когда законодательное либо правоприменительное решение искажает его смысл [2; 16]. Конституционный контроль позволяет устранить из правовой системы неконституционные барьеры, скорректировать чрезмерные ограничения и сформулировать обязательные ориентиры для дальнейшего правоприменения.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации часто раскрывают не только пределы допустимого ограничения права, но и позитивные обязанности государства по созданию условий для его реализации. В этом проявляется современное понимание конституционной юстиции: она защищает не только пространство свободы от вмешательства, но и минимальные стандарты организационной и процедурной обеспеченности права [16; 18]. В условиях усложнения государственного управления такая коррекция особенно важна, поскольку многие ограничения возникают не в прямой законодательной форме, а через сложные регламенты, ведомственные практики и пробелы в процедурах.

Новейшие решения Конституционного Суда Российской Федерации демонстрируют тенденцию к более детальной процессуализации прав человека. Так, в Постановлении от 3 февраля 2026 г. № 4-П, раскрывая содержание статьи 27 Конституции Российской Федерации, Суд подтвердил, что свобода передвижения принадлежит каждому, кто законно находится на территории Российской Федерации [11]. В Постановлении от 11 февраля 2026 г. № 6-П право на судебную защиту было интерпретировано через категорию реального доступа к правосудию [12]. Ранее в правовых позициях о достоинстве личности Суд неоднократно подчеркивал, что человек в отношениях с государством не может рассматриваться как объект публичного воздействия [18]. Эти

ориентиры имеют общее значение для всей системы правоприменения: они требуют исходить из приоритета личности и сущностного содержания права, а не из удобства ведомственной практики.

Следует подчеркнуть и еще один аспект. Конституционный Суд Российской Федерации влияет на реализацию прав человека не только через постановление по конкретным делам, но и через общую конституционную аргументацию, формирующую стандарт юридического мышления. В этом проявляется его доктринальная роль: он воспроизводит и закрепляет в публичном праве язык достоинства, соразмерности, правовой определенности, доверия к закону, баланса частного и публичного интереса. Без такой аргументации конституционный контроль рисковал бы превратиться в узкоспециальную процедуру, оторванную от общей культуры прав человека [16; 18].

7. Уполномоченный по правам человека, бесплатная юридическая помощь и общественный контроль

Система реализации прав человека в России не исчерпывается судебной защитой. Значимую роль играет институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, правовой статус которого определен Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ [3]. Само существование этого института свидетельствует о стремлении законодателя создать особый механизм связи между личностью и государством, позволяющий фиксировать системные нарушения, реагировать на обращения граждан, осуществлять посредничество между человеком и органами власти и инициировать правовое совершенствование.

Официальные данные о деятельности Уполномоченного по правам человека показывают устойчивую востребованность данного института. Согласно сообщениям на официальном сайте, в 2024 году количество обращений к федеральному омбудсмену выросло на треть и достигло 126 тысяч, а помощь в восстановлении прав была оказана более чем 104 тысячам человек [13]. Эти цифры важны не сами по себе, а как индикатор того, что значительное число граждан либо не может эффективно реализовать свои права через обычные административные каналы, либо нуждается в дополнительной институциональной поддержке при защите уже нарушенных интересов.

Содержание ежегодных докладов Уполномоченного также позволяет выявить наиболее проблемные сегменты правового статуса личности. Значительный массив обращений связан с реализацией социальных, трудовых, жилищных и пенсионных прав, а также с доступом к медицинской помощи, образованию и справедливым административным процедурам [13]. Это подтверждает принципиально важный вывод: в современной России центральное место в повестке реализации прав человека занимают не только классические гражданские и политические свободы, но и вопросы социальной защищенности,

доступности государственных услуг и качества правоприменения.

Большое значение имеет и институт бесплатной юридической помощи. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ закрепляет право граждан на получение бесплатной юридической помощи в случаях и порядке, предусмотренных законом [5]. Данный институт имеет не только социальное, но и конституционное измерение, поскольку без доступа к профессиональной правовой помощи право на обращение, на защиту, на обжалование и на судебное представительство может оставаться номинальным. Особенно это касается социально уязвимых категорий граждан, для которых стоимость квалифицированной юридической поддержки становится фактическим барьером к осуществлению права [5; 15].

Смежным по значению выступает общественный контроль. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ установил основы общественного контроля в Российской Федерации [6]. Его значение состоит в том, что реализация прав человека не может быть целиком замкнута внутри государственной машины; она требует и участия институтов гражданского общества, способных выявлять системные нарушения, мониторить деятельность учреждений, формировать общественный запрос на соблюдение конституционных стандартов. Через общественный контроль права человека получают коллективное измерение и дополнительную вневедомственную защиту [6; 15; 17].

8. Социальные права как особая сфера конституционной реализуемости

Особого внимания заслуживает вопрос о реализации социальных прав. Российская Конституция закрепляет право на социальное обеспечение, охрану здоровья, образование, жилище, труд, защиту семьи, материнства, отцовства и детства [1]. В отличие от многих гражданских свобод, социальные права требуют не только воздержания государства от вмешательства, но и позитивных действий: финансирования, организационного обеспечения, создания инфраструктуры, административных процедур допуска к благам. Именно поэтому социальные права наиболее остро демонстрируют различие между нормативным признанием и фактической реализуемостью [15–17].

Конституционно-правовая природа социальных прав долгое время была предметом дискуссий. Однако современная доктрина и практика исходят из того, что они не могут рассматриваться как политические обещания без юридического содержания. Хотя конкретный объем социальных гарантий зависит от экономических возможностей государства и законодательной конкретизации, само право не теряет своего конституционного характера. Это означает, что законодатель и правоприменитель связаны требованиями разумности, справедливости, соразмерности и недопустимости произвольного снижения уже достигнутого уровня защиты [14; 16; 17].

На практике основные трудности возникают в

сфере критериев предоставления социальных благ, доказательственных требований, территориальной привязки услуг, цифровизации социальной сферы и сложности процедур обжалования. Гражданин нередко оказывается в положении, когда право формально существует, но его реализация затруднена обилием ведомственных требований, межведомственной несогласованностью и необходимостью многократного подтверждения уже имеющихся сведений. С конституционной точки зрения подобное положение является проблематичным, поскольку чрезмерная бюрократизация способна свести на нет саму социальную функцию права [5; 13; 15].

В этом контексте конституционная реализация социальных прав предполагает не только наличие бюджетного ресурса, но и такую организацию процедуры, при которой гражданин не несет неоправданное бремя доказывания, поиска информации и преодоления ведомственных барьеров. Чем более уязвима соответствующая категория населения, тем выше должна быть ответственность государства за понятность и доступность правового механизма. Социальное государство, провозглашенное Конституцией Российской Федерации, проявляется прежде всего не в объемах лозунгов, а в способности правовой системы превращать конституционные гарантии в простые и работоспособные процедуры [1; 15; 17].

9. Международно-правовой компонент и изменение внешнего контура защиты прав

Конституционно-правовые основы реализации прав человека в России традиционно включали и международно-правовой компонент. Конституция Российской Федерации закрепляет включенность международных договоров Российской Федерации в национальную правовую систему, а Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 разъяснил судам правила применения общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации [1; 8]. В течение длительного времени это означало, что защита прав человека в России осуществлялась в логике сочетания внутренних и внешних механизмов интерпретации и контроля.

После прекращения участия Российской Федерации в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод с 16 сентября 2022 года конфигурация правозащитного пространства изменилась. Совет Европы официально указал, что Россия перестала быть стороной Конвенции с этой даты, хотя Европейский суд по правам человека сохранял компетенцию по жалобам, касающимся событий, имевших место до 16 сентября 2022 года [8]. В результате объективно возросла нагрузка на внутренние конституционные механизмы: именно национальные институты стали окончательным и основным пространством защиты большинства правовых притязаний.

Это изменение не означает исчезновения международно-правового измерения как такового. Рос-

сия продолжает участвовать в ряде международных договоров о правах человека, а суды и правоприменители сохраняют обязанность учитывать общепризнанные принципы международного права в пределах действующей конституционной модели [1; 8]. Однако практически это приводит к более высокой ответственности внутреннего законодателя, судов и иных органов за качество национальных гарантий. Если прежде часть дискуссий о стандартах справедливого процесса, допустимости ограничений и защите частной жизни поддерживалась внешней прецедентной средой, то теперь эти вопросы в большей степени должны разрешаться средствами внутреннего конституционного правопорядка [8; 16].

Следовательно, современный этап развития российского конституционализма требует укрепления внутренних механизмов реализации прав не в качестве временной компенсации, а как самостоятельной стратегии. Сильное национальное правовое государство предполагает такие институты, которые обеспечивают защиту личности прежде всего собственными силами — за счет качества Конституции, закона, суда, юридической помощи и административной процедуры [1; 2; 7; 8].

10. Современные проблемы реализации прав человека в России

Современные проблемы реализации прав человека в России связаны прежде всего с тем, что нормативное признание прав во многих случаях опережает качество процедур их осуществления. К числу таких проблем относятся правовая фрагментация гарантий, перегруженность и сложность административных и судебных процедур, неодинаковый региональный уровень доступности правовой помощи, цифровое неравенство, а также сохраняющийся формализм в правоприменении [4; 5; 7; 13; 15–17]. Даже там, где право закреплено ясно, человек может сталкиваться с существенными транзакционными издержками: необходимостью собирать многочисленные документы, обращаться в несколько инстанций, компенсировать информационную асимметрию за свой счет и нести расходы, несоразмерные ценности защищаемого интереса.

Особую актуальность приобретают риски цифровой трансформации публичного управления. Электронные сервисы, личные кабинеты, дистанционные формы подачи заявлений и жалоб объективно расширяют возможности гражданина, но одновременно способны создавать новые барьеры. Отсутствие устойчивого интернет-доступа, недостаточная цифровая грамотность, технические сбои, невозможность оперативно получить очную помощь или представить документы в ином формате приводят к тому, что часть населения оказывается в менее благоприятном положении. Следовательно, цифровизация должна рассматриваться через призму конституционного равенства: технологическое развитие допустимо лишь постольку, поскольку оно не ведет к фактической дискриминации уязвимых групп [4; 5; 13].

Не менее значимой остается проблема территориального неравенства. Реализация права в крупном городе и в отдаленном районе нередко различается по скорости, качеству юридической помощи, доступности суда, наличию профильных специалистов, устойчивости связи и уровню правового информирования населения. Формально единая Конституция и единое федеральное законодательство должны обеспечивать равный стандарт правового статуса личности на всей территории страны. Однако фактическая неоднородность инфраструктуры приводит к тому, что конституционные гарантии реализуются с разной степенью полноты. Преодоление этого разрыва требует не только нормотворчества, но и продуманной организационной политики государства [1; 5; 13; 15].

К числу системных проблем относится и дефицит конституционной культуры правоприменения. Реализация прав человека зависит не только от числа гарантий и институтов, но и от того, воспринимает ли правоприменитель право личности как исходную презумпцию либо как препятствие для ведомственной целесообразности. Если доминирует второе, то даже формально безупречные законы превращаются в инструмент ограничения. Поэтому развитие конституционных основ реализации прав предполагает не только совершенствование текста закона, но и последовательное внедрение конституционно-сообразного стандарта мышления в деятельность всех публичных органов [10–12; 16; 18].

11. Перспективы совершенствования конституционно-правового механизма реализации прав

Совершенствование конституционно-правового механизма реализации прав человека в России должно осуществляться по нескольким взаимосвязанным направлениям. Во-первых, необходима дальнейшая процессуализация конституционных прав, то есть развитие таких законодательных и административных форм, которые превращают общую конституционную гарантию в понятный алгоритм действий для гражданина. Речь идет о снижении избыточных формальностей, унификации требований к документам, сокращении числа межведомственных барьеров и внедрении презумпции доверия к заявителю там, где это не противоречит публичному интересу [4–6; 15].

Во-вторых, требуется укрепление доступности судебной защиты. Это предполагает не только совершенствование процессуального законодательства, но и развитие сервисов навигации по судебной системе, расширение возможностей получения первичной бесплатной юридической помощи, стандартизацию понятных форм процессуальных документов, а также минимизацию случаев, когда формальные дефекты обращений приводят к фактическому лишению человека доступа к правосудию [5; 7; 12].

В-третьих, особое значение имеет укрепление роли Конституционного Суда Российской Федерации

и распространение конституционной аргументации в текущем правоприменении. Правовые позиции Конституционного Суда не должны восприниматься как узкоспециальные решения для профессионального сообщества. Они должны становиться рабочими ориентирами для судов общей юрисдикции, органов исполнительной власти, муниципальных структур, а также для разработчиков цифровых государственных сервисов. Только в этом случае конституционный стандарт реализации прав станет повседневным, а не исключительным [2; 10–12; 16; 18].

В-четвертых, необходимо развивать внесудебные механизмы защиты — институт Уполномоченного по правам человека, систему бесплатной юридической помощи, формы общественного контроля, процедуры медиации в публично-правовых спорах. Их усиление важно не как замена суда, а как средство раннего реагирования на нарушение права и снижения конфликтности отношений между личностью и государством [3; 5; 6; 13].

В-пятых, важнейшим направлением является обеспечение реальной инклюзивности цифровой трансформации публичной власти. Любая цифровизация должна проектироваться с учетом потребностей пожилых граждан, инвалидов, жителей удаленных территорий, лиц с низкой цифровой грамотностью. Система реализации прав человека не может строиться по принципу цифровой нормы и офлайн-исключения; напротив, именно офлайн-альтернативы и очная поддержка должны рассматриваться как обязательный элемент конституционно совместимой цифровой среды [4; 5; 13; 17].

Заключение

Таким образом, конституционно-правовые основы реализации прав человека в России имеют многоуровневый характер. Их ядро составляют ценностные положения Конституции Российской Федерации о высшей ценности человека, прямом действии прав и связанности ими государства; их институциональное развитие обеспечивают суды, Конституционный Суд Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека, процедуры обращения, общественный контроль и система бесплатной юридической помощи; их динамическое содержание формируется через правовые позиции высших судебных инстанций [1–18].

Вместе с тем именно на стадии реализации обнаруживается главное противоречие современного российского конституционализма: между высокой нормативной плотностью гарантий и неравномерной, иногда затрудненной процедурной доступностью этих гарантий для конкретного человека. Поэтому дальнейшее развитие конституционного механизма защиты прав должно быть связано с упрощением доступа к правосудию, укреплением процедурных гарантий, снижением формализма, повышением качества юридической помощи и утверждением в правоприменении приоритета достоинства личности как стержневого начала всего конституционного строя [1; 5; 7; 10–18].

Российская Конституция уже содержит мощный нормативный потенциал для обеспечения прав и свобод. Ключевая задача сегодняшнего этапа состоит в том, чтобы этот потенциал был полноценно реализован в законе, в административной процедуре, в судебной практике и в повседневной деятельности публичной власти. Только при таком условии права человека будут выступать не декларативным символом, а реально действующим основанием правового статуса личности в Российской Федерации [1; 14–18].

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.02.2026).
- [2] О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. URL: <https://www.szrf.ru/> (дата обращения: 18.02.2026).
- [3] Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ // Российская газета.
- [4] О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Российская газета. 2006. 5 мая.
- [5] О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.
- [6] Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.
- [7] О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/ (дата обращения: 18.02.2026).
- [8] О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/ (дата обращения: 18.02.2026).
- [9] Официальное сообщение о прекращении участия Российской Федерации в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод с 16 сентября 2022 г. // Совет Европы.
- [10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2025 г. № 43-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/

ru/document/cons_doc_LAW_520623/ (дата обращения: 18.02.2026).

[11] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2026 г. № 4-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_525729/ (дата обращения: 18.02.2026).

[12] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2026 г. № 6-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_526323/ (дата обращения: 18.02.2026).

[13] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org> (дата обращения: 18.02.2026).

[14] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. 864 с.

[15] Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2016. 527 с.

[16] Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 447 с.

[17] Лукашева Е. А. Права человека. М.: Норма, 2011. 559 с.

[18] Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2005. 284 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date accessed: February 18, 2026).

[2] On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. URL: <https://www.szrf.ru/> (date accessed: February 18, 2026).

[3] On the Human Rights Commissioner of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of February 26, 1997 No. 1-FKZ // Rossiyskaya Gazeta.

[4] On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation: Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2006. May 5.

[5] On free legal aid in the Russian Federation: Federal Law of November 21, 2011 No. 324-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6725.

[6] On the fundamentals of public control in the Russian Federation: Federal Law of July 21, 2014 No.

212-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 30 (Part I). Art. 4213.

[7] On Certain Issues of the Application of the Constitution of the Russian Federation by Courts in the Administration of Justice: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 1995, No. 8 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/ (accessed: February 18, 2026).

[8] On the Application of General Jurisdiction Courts of General Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 10, 2003, No. 5. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/ (accessed: February 18, 2026).

[9] Official announcement on the termination of the Russian Federation's participation in the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms as of 16 September 2022 // Council of Europe.

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 4 December 2025 No. 43-P // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520623/ (date of access: 18.02.2026).

[11] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 3 February 2026 No. 4-P // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_525729/ (date of access: 18.02.2026). [12] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 11, 2026, No. 6-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_526323/ (date of access: February 18, 2026).

[13] Report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation for 2024 // Official website of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation. URL: <https://ombudsmanrf.org> (date of access: February 18, 2026).

[14] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia: Study Course: in 2 volumes. 7th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma, 2021. 864 p.

[15] Bondar N. S. Judicial Constitutionalism: Doctrine and Practice. 2nd ed., revised. Moscow: Norma, 2016. 527 p.

[16] Vitruk N. V. General Theory of the Legal Status of an Individual. Moscow: Norma, 2008. 447 p.

[17] Lukasheva E. A. Human Rights. Moscow: Norma, 2011. 559 p.

[18] Ebzееv B. S. Man, People, State in the Constitutional System of the Russian Federation. Moscow: Legal Literature, 2005. 284 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.03.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 01.04.2026 г.

СЕДОЙ Илья Сергеевич,

начальник отделения по борьбе с имущественными преступлениями

ОУР МУ МВД России «Люберецкое»,

Люберцы, Россия,

e-mail: mail@h-rights.online

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. При исследовании конституционных аспектов реформирования системы правоохранительных органов следует исходить из конституционной реформы, происходящей в Российской Федерации. С внесением изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, которые затронули и правоохранительные органы, будут вноситься коррективы в текущее законодательство, которое не только будет менять подходы к регулированию тех или иных общественных отношений, но и методы к реализации конституционных положений.

Ключевые слова: правоохранительные органы, конституция, законность, права человека, прокуратура, государственная власть.

SEDOY Ilya Sergeevich,

Head of the Property Crime Department of the

Criminal Investigation Department of the

Lyubertsy Municipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Lyubertsy, Russia

CONSTITUTIONAL FRAMEWORK FOR THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM AND THE IMPLEMENTATION OF HUMAN RIGHTS IN MODERN RUSSIA

Annotation. The constitutional aspects of law enforcement reform should be examined on the basis of their constitutional reform in the Russian Federation. With amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020, which affected law enforcement agencies, adjustments will be made to current legislation, which will not only change approaches to regulating certain public relations, but also methods for implementing constitutional provisions.

Key words: law enforcement agencies, constitution, legality, human rights, prosecutor's office, state power.

Исследования в области конституционно-правовых гарантий публичной власти, показывают, что население в качестве конституционных гарантий воспринимает суд и правоохранительные органы, в основном - прокуратуру. [1] Это означает, что реформа прокуратуры должна учитывать возрастающие потребности и интересы граждан, особенно в области реализации прав и свобод, их государственной охраны и защиты. А это возможно сделать только при тесном взаимодействии населения и органов прокуратуры. Такое взаимодействие являлось эффективным в Советский период, когда прокуроры взаимодействовали с местными советами депутатов, часто проводили лекции перед населением по профилактике и предупреждению правонарушений и преступлений, однако в настоящее время, такая практика не имеет широкого распространения, что естественно сказывается на уровне соблюдения законности и правопорядка в нашем государстве.

С этой позиции важно восстанавливать те луч-

шие традиции правового просвещения, которые существовали в социалистическом обществе. В настоящее время важно создать диалоговые площадки, с использованием которых прокуроры могли бы общаться с людьми, обсудить наболевшие проблемы, принять жалобы, требующие оперативного вмешательства, особенно те, которые затрагивают интересы большинства населения. [2] Прокуроры, обладая высокой юридической квалификацией должны доводить до граждан положения Конституции Российской Федерации и законов на понятном им языке. Это очень важно для граждан, поскольку позволяет без лишних затруднений реализовывать и защищать свои права, свободы и законные интересы. [3] Во-первых, относительно высокий уровень материального и финансового обеспечения работников прокуратуры должен мотивировать на аналогичную высокую степень отдачу на службе. В этом плане важен разумный альтруизм, который в конечном итоге обеспечит высокую степень доверия граждан к орга-

нам российской прокуратуры, призванным охранять и защищать конституционные ценности. Во-вторых, с теоретико-правовой точки зрения, возможно, было бы совершенствовать дефинитивный аппарат понятия прокуратуры в части выработки основной компетенции надзорных ведомств, поскольку в редакции части 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации указано, что прокуратура осуществляет надзор за соблюдением и исполнением законов, а как быть с «использованием» и «применением»? – весьма важными стадиями реализации права, наряду с «соблюдением» и «исполнением».

Разве прокуратура Российской Федерации не осуществляет надзор за «применением» или «правоприменением»? Представляется, что прокуратура для того и создана, чтобы осуществлять надзор за правоприменителями т.е. теми нижестоящими органами исполнительной власти, которые в реальном, оперативном режиме осуществляют оперативно-розыскную деятельность, предварительное следствие, дознание и др. [4] С телеологической позиции толкования Конституции Российской Федерации, прокуратура должна не только осуществлять надзор за субъектами исполнительной ветви власти в части реализации права, но и осуществлять мониторинг объективного права т.е. должна анализировать законодательство, муниципальные правовые акты на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации. С этой точки зрения Конституция Российской Федерации наполняет прокуратуру субъектно-объектным смыслом и содержанием, что делает ее работу не только специфической, но и даже универсальной. При этом реформирование прокуратуры в свете новых конституционных положений позволяет прокуратуре не только осуществлять надзор за соблюдением и исполнением законов, но и способствовать защите самой Конституции Российской Федерации используя возможности, предоставленные Генеральному Прокурору Российской Федерации. [5]

Конституционная реформа в Российской Федерации, затронувшая прокуратуру, акцентировала внимание на таком важном вопросе, как ограничения, вводимые в отношении лиц, замещающих должности прокуроров. В частности, в соответствии с частью 2 ст. 129 Конституции Российской Федерации, прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства. Прокурорам в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. Вряд ли здравомыслящие прокуроры будут нарушать, установленные Конституцией Российской Федерации запреты и ограничения.

Другое дело - близкие родственники. Вместе с тем, с целью реализации положений части 2 ст.

129 Конституции Российской Федерации, Президент Российской Федерации наделил прокуратуру правом запроса в центральный банк Российской Федерации о наличии у лиц, прежде всего, государственных служащих, в том числе, работников органов прокуратуры, денежных вкладов в зарубежных банках. [2] Данный вопрос является настолько дискуссионным и сложным, что можно отметить одно обстоятельство, заслуживающее, на наш взгляд, определенное внимание. В соответствии со статьей 2 Федерального закона № 79 «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» супруги и несовершеннолетние дети подпадают под ограничения открывать вклады в иностранных банках и т.п., но для родителей дети всегда остаются детьми, вне зависимости от того несовершеннолетние они или нет.

Кроме того, указанный закон распространяет запреты и ограничения лишь в отношении тех супругов и детей, которые перечислены в подпунктах «а» - «з» пункта 1 ст. 2 указанного федерального закона № 79. Это означает, что такие требования не распространяются в отношении близких родственников служащих Центрального Банка РФ, должностных лиц работающих в государственных корпорациях, всевозможных государственных компаниях и фондах, созданных Российской Федерацией. Соответствует ли это Конституции Российской Федерации? На эти риторические вопросы сложно дать однозначные ответы. Следовательно, в аспекте реформирования системы правоохранительных органов на современном этапе важно затронуть и эти субъективные моменты, поскольку реформирование такой важной для государства системы, как правоохранительная, прежде всего, должна подвергаться всесторонней оценке субъективные факторы, нахождения на службе в правоохранительных органах честных, ответственных граждан, воспитанных в духе патриотизма, любви к собственному отечеству, высокой морали и нравственности. [6]

Не случайно Генеральный Прокурор Российской Федерации пообещал увольнять прокуроров за безразличие к интересам граждан. [7] А такой подход прямо согласуется с новыми конституционными положениями, закрепленными в статьях 75 и 75.1 Конституции Российской Федерации, устанавливающими систему социальных гарантий граждан, за соблюдением которых должны надзирать органы прокуратуры. С этой позиции введение критерия оценки эффективности деятельности органов прокуратуры населением является и закономерным и социально обоснованным, приближенным к конституционным нормам прямого действия. Не случайно, Генеральный Прокурор Российской Федерации отметил, что «оценивать работу прокуроров нужно не по числу мер реагирования, а по их результатам, по степени удовлетворенности людей надзорной деятельностью».

Представляется, что одной из объективных оценок деятельности правоохранительных органов может быть опрос населения посредством беспроводных средств телефонной связи (мобильной связи). При этом следует учитывать, что не все граждане используют современные средства беспроводной связи, имея в виду, что граждане старшего поколения все еще используют мобильные средства связи, не подключенные к интернету «кнопочные телефоны», а это не позволяет использовать мобильные приложения, посредством которых возможно расширять критерии оценки эффективности любых органов государственной власти, включая правоохранительные.

Решение актуальных вопросов, стоящих в аспекте реформирования системы правоохранительных органов на современном этапе должно исходить из анализа проблемных аспектов совершенствования деятельности правоохранительных органов и выработки мер по их решению. Наиболее важными в этом аспекте являются проблемы излишней централизации правоохранительных учреждений. По словам профессора А.С. Александрова, если бы «министерства» не существовало, сотрудникам оперативно-следственных подразделений было бы гораздо проще выполнять возложенные на них задачи и функции. [8] С чем связана такая позиция ученого? Как представляется с тем, что система правоохранительных органов действительно весьма централизована. Однако, это не основная проблема, поскольку больше волнует вопрос о построенной организационной структуре правоохранительных органов, в которых порой создаются подразделения, мешающие эффективно работать рядовым сотрудникам органов правопорядка, которые в реальном режиме времени предотвращают преступления и правонарушения. Так, А.С. Александров отмечает, что в системе МВД России, широкое распространение получили так называемые контрольно-методические управления, которые занимаются согласованием различных значимых решений, формируют стандарты правоприменения, занимаются распределением дел.

По некоторым данным, однако, требующим проверки, численность полиции в России сегодня составляет более 500 полицейских на 100 тыс. жителей. В развитых странах (Западная Европа и США) численность полиции находится в интервале 155-370 на 100 тыс.; в среднеразвитых (Южная и Центральная Европа) этот показатель составляет 200-450 сотрудников на 100 тыс. населения. Более многочисленна, чем в России, полиция только в Беларуси (813). Среднемировой показатель - 300 полицейских на 100 тыс. жителей. [9] Совершенно очевидно, что развитие бюрократической модели в структурах правоохранительных органов никак не сказывается на эффективности их работы, а создание дополнительных органов, комиссий, комитетов и проч., ведет к дополнительным расходам из федеральной казны. [10] Поэтому соглашаемся с мнением А.А. Гришкова, о необходимости демилитаризации системы органов внутренних дел, которая

означает процесс разаттестации сотрудников органов внутренних дел, не имеющих прямого отношения к раскрытию и расследованию преступлений. Представляется, что этот процесс демилитаризации должен сопровождаться и упразднением тех структурных единиц правоохранительных органов, которые затрудняют развитие современной, отвечающей реалиям времени системы правоохранительных органов. При этом проблема преобладающей вертикальной координации в системе правоохранительных органов обуславливает более серьезную проблему – нарушение нормального морально-психологического климата в конкретной структурной единице правоохранительного органа. [5] В свою очередь от морально-психологического климата в коллективе сотрудников правоохранительных органов зависит фактурность возникающих конфликтов между ними и гражданами, что, конечно же, не способствует решению задачи переориентации органов правопорядка на охрану и защиту конституционных ценностей, поскольку в случае возникновения конфликтных ситуаций, возникающих, к примеру, между сотрудниками правоохранительных органов, каждый стремится защитить самого себя. [6]

Авторы комплексной организации управленческой реформы правоохранительных органов Российской Федерации указывают на слабость судов их неспособность выполнять роль арбитра, призванного соблюдать в уголовном процессе законные интересы граждан (потерпевшего и обвиняемого). С этим также нельзя согласиться, поскольку в российские суды нельзя оценивать, как слабые или сильные. Они выполняют важнейшую государственную функцию осуществления правосудия не в части соблюдения законных интересов потерпевших или обвиняемых, а скорее гарантируют соблюдение прав и свобод при осуществлении уголовного судопроизводства. Суды в порядке осуществления конституционного, гражданского, административного, арбитражного и уголовного судопроизводства обеспечивают принцип законности в отношении лиц, привлеченных к участию в деле, в том числе, дисциплинируют участников процесса в случаях, когда они выходят за рамки своих полномочий. Вместе с тем, в процессе реформирования судебной системы в Российской Федерации следует учитывать обстоятельства субъективного плана [11] – негативные традиции, существующие в российских судах, когда судьи тесно коммуницируют со стороной обвинения, что редко приходится наблюдать по отношению к стороне защите.

Представляется, что в целях обеспечения соблюдения принципа состязательности в уголовном судопроизводстве следует искоренять такие негативные традиции, и наоборот возрождать институт народных заседателей, разумеется, в трансформированной форме. В настоящее время существуют идеи, которые проходят апробацию о введении института «судебных приставников» т.е. судей в отставку, которые будут привлекаться для помощи судьям с небольшим опытом работы. В этом плане мы придерживаемся нейтральной позиции, поскольку

с одной стороны введение такого института позволило влиять на судебные решения, с другой стороны может обеспечить качество принимаемых судебных актов.

Важнейшим аспектом реформирования системы правоохранительных органов является вопрос о материальных гарантиях и финансовом обеспечении, как отдельных правоохранительных учреждений в общем смысле, так и сотрудников правоохранительных органов в частности. Концепция реформирования системы правоохранительных органов в части финансового обеспечения должна исходить из капиталоёмкого подхода, когда немногочисленные отделы и службы правопорядка качественно выполняют свои задачи и функции при условиях высокой оплаты труда. Следует продолжить реализовывать конституционные положения об охране общественного порядка на муниципальном уровне с тем, чтобы снизить нагрузку на органы внутренних дел в районах и сельских поселениях, а формирование и функционирование муниципальной службы по охране общественного порядка финансировать за счет средств местных бюджетов. Это повлечет за собой пересмотр подходов к численному составу должностных лиц, занятых на муниципальной службе.

В статье автором аргументирована позиция о том, что в аспекте исследования роли и места правоохранительных органов в системе решения задач государства имеет высокое теоретическое значение вопрос о *правильном или ложном правопонимании, конституционном правопонимании* осуществления профессиональных компетенций должностными лицами исследуемых органов. Этот вопрос имеет существенное значение, поскольку исключение *ложного правопонимания* при осуществлении профессиональных функций дает возможность в правильном направлении ориентировать правоохранительные органы на выполнение задач, поставленных перед ними государством.

Обоснована авторская позиция о необходимости разработки концепции охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина правоохранительными органами Российской Федерации, поскольку это, во-первых, позволило бы выделить роль конкретных правоохранительных органов в такой охране и защите, во-вторых, позволило бы разгруппировать правоохранительные органы на те, которые участвуют в охране прав и свобод человека и гражданина, которые непосредственно обеспечивают права и свободы, на те, которые создают условия для реализации прав и свобод, и те, которые приводят реализацию прав и свобод в работоспособное (действенное) состояние.

Список литературы:

- [1] Шайхуллин М.С. Конституционно-правовые гарантии местного самоуправления в Российской Федерации: монография / М. С. Шайхуллин. – Москва: Юрлитинформ, 2016. С. 6.
- [2] Гандалоев Р.Б. Понятие политического единства // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. №

3. С. 128-130.

[3] Албогачиев А.А. Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа / Сборник научных статей V Международной конференции / Ингушский государственный университет. 2017.

[4] Антопольский А.Б., Поляк Ю.Е., Усанов В.Е. Измерение присутствия в интернете образовательных учреждений // Проблемы современного образования. 2012. № 4. С. 117-131.

[5] Grudtsina L.Y., Filippova A.V., Makarova E.V., Kondratyuk D.L., Usanov V.E., Molchanov S.V. Preventive pedagogy: methods of research university students' readiness formation for a healthy lifestyle // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. Т. 12. № 1. С. 51.

[6] Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. Учебное пособие / Москва, 2016. 429 с.

[7] Краснов И.В. У нас должна быть обратная связь с людьми // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4483665> (дата обращения: 14.02.2026).

[8] Александров А.С. Реформа полиции, реформа обвинительной власти России – путь к Евроинтеграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-politsii-reforma-obvinitelnoy-vlasti-rossii-put-k-evrointegratsii> (дата обращения: 14.02.2026).

[9] Концепция комплексной организации управленческой реформы правоохранительных органов Российской Федерации. СПб, 2013. С. 20.

[10] Чернявский А.Г. Состояние исследования проблемы юридической ответственности в российской правовой науке // Право и общество. 2015. № 2 (14). С. 20-67.

[11] Саламов А.Х., Мартазанова Р.М., Султыгова З.Х. Организация самостоятельной работы при изучении биологической химии студентами – будущими спортсменами / В сборнике: Вузовское образование и наука. Материалы региональной научно-практической конференции. 2014. С. 175-177.

References:

- [1] Shaikhullin M.S. Constitutional and legal guarantees of local self-government in the Russian Federation: monograph / M. S. Shaikhullin. - Moscow: YurLitinform, 2016. P. 6.
- [2] Gandaloiev R.B. The concept of political unity // Education. Science. Scientific personnel. 2020. No. 3. Pp. 128-130.
- [3] Albogachiev A.A. Humanitarian and socio-political problems of the modernization of the Caucasus / Collection of scientific articles of the V International Conference / Ingush State University. 2017.
- [4] Antopolsky A.B., Polyak Yu.E., Usanov V.E. Measuring the online presence of educational institutions // Problems of modern education. 2012. No. 4. Pp. 117-131.
- [5] Grudtsina L.Y., Filippova A.V., Makarova E.V., Kondratyuk D.L., Usanov V.E., Molchanov S.V. Preventive

pedagogy: methods of research university students' readiness formation for a healthy lifestyle // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. Vol. 12. No. 1. P. 51.

[6] Pashentsev D.A., Chernyavsky A.G. History of the domestic state and law. Study guide / Moscow, 2016. 429 p.

[7] Krasnov I.V. We must have feedback from people // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4483665> (accessed: 14.02.2026).

[8] Aleksandrov A.S. Police Reform, Reform of the Prosecutor's Branch of Russia – the Path to European Integration // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

reforma-politsii-reforma-obvinitelnoy-vlasti-rossii-put-k-evrointegratsii (Accessed: 14.02.2026).

[9] Concept of a Comprehensive Organization of the Management Reform of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation. St. Petersburg, 2013. P. 20.

[10] Chernyavsky A.G. State of the Art of Research on Legal Liability in Russian Legal Science // Law and Society. 2015. No. 2 (14). P. 20-67.

[11] Salamov A.Kh., Martazanova R.M., Sulygova Z.Kh. Organization of independent work in the study of biological chemistry by students - future athletes / In the collection: Higher education and science. Proceedings of the regional scientific and practical conference. 2014. Pp. 175-177.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 01.04.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского
(<https://mipo.online>)¹,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
<https://ludmilagru.academia.edu/research>
<https://orcid.org/0000-0001-7731-724X>,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (НА ПРИМЕРЕ ФРГ И ФРАНЦИИ)

Аннотация. В статье исследуются современные проблемы защиты прав человека в государствах – членах Европейского союза на примере Федеративной Республики Германия и Французской Республики. Обосновывается, что, несмотря на общую принадлежность обеих стран к единому европейскому правовому пространству и их включенность в действие Хартии основных прав Европейского союза, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, практики Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека, германская и французская модели защиты прав человека сохраняют различную конституционную логику. Для Германии определяющими являются центральное значение достоинства человека, доктрина непосредственной обязательности основных прав и интенсивный конституционный контроль за мерами наблюдения, ограничением свободы вероисповедания и социальными стандартами в отношении уязвимых групп. Для Франции ключевую роль играют республиканский универсализм, принцип *laïcité*, особая динамика соотношения публичной безопасности и частной свободы, а также сильная роль административной юстиции и Конституционного совета.

Ключевые слова: права человека, Европейский союз, ФРГ, Франция, достоинство личности, *laïcité*, защита данных, миграция, свобода вероисповедания, дискриминация, ЕСПЧ, Суд ЕС.

GRUDTSYNA Lyudmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining
at the K.D. Ushinsky Moscow Institute of Professional Education
(<https://mipo.online>),
Professor of the Department of Constitutional and International Law
at the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Honorary Advocate of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences

ACTUAL PROBLEMS OF HUMAN RIGHTS PROTECTION IN EUROPEAN UNION COUNTRIES (ON THE EXAMPLE OF GERMANY AND FRANCE)

Annotation. The article examines the current problems of protecting human rights in the member states of the European Union on the example of the Federal Republic of Germany and the French Republic. It is substantiated that, despite the common belonging of both countries to a single European legal space and their inclusion in the Charter of Fundamental Rights of the European Union, the European Convention for the Protection of Human Rights and

¹ Повышение квалификации и профессиональная переподготовка преподавателей, юристов, адвокатов (удостоверения и дипломы государственного образца, ФИС ФРДО). Официальный сайт Института: <https://mipo.online/training>

Fundamental Freedoms, the practice of the Court of Justice of the European Union and the European Court of Human Rights, the German and French models of human rights protection retain different constitutional logic. For Germany, the central importance of human dignity, the doctrine of the immediate obligation of fundamental rights and intensive constitutional control over surveillance measures, restrictions on religious freedom and social standards in relation to vulnerable groups are decisive. For France, the key role is played by republican universalism, the principle of *laïcité*, the special dynamics of the ratio of public security and private freedom, as well as the strong role of administrative justice and the Constitutional Council.

Key words: human rights, the European Union, Germany, France, dignity of personality, *laïcité*, data protection, migration, religious freedom, discrimination, ECHR, EU Court of Justice.

Введение

Правозащитная проблематика в Европейском союзе на современном этапе все менее поддается описанию в категориях простого «расширения каталога прав». Нормативная база, которой располагают государства – члены ЕС, внешне выглядит чрезвычайно насыщенной: статья 2 Договора о Европейском союзе относит уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и прав человека к фундаментальным ценностям Союза, а статья 6 ДЕС закрепляет признание Хартии основных прав Европейского союза и значение Европейской конвенции о защите прав человека для общего права Союза [1; 2]. Вместе с тем именно развитость этого правового массива и множественность уровней правовой защиты — национального, наднационального и конвенционного — породили новые зоны напряжения. В современной Европе основной вопрос заключается уже не в том, провозглашены ли права, а в том, как именно они взвешиваются, ограничиваются, соотносятся с публичной безопасностью, миграционным управлением, цифровизацией и новой социальной конфликтностью.

Выбор Германии и Франции в качестве сравнительных примеров обусловлен не только их политическим весом в ЕС. Эти страны представляют две крупные конституционные традиции, оказывающие системное влияние на общую правовую культуру Союза. Для германской модели характерны нормативная централизация достоинства человека, высокий уровень догматизации основных прав и активная роль Федерального конституционного суда ФРГ в установлении пределов государственного вмешательства [3; 12; 15]. Для французской модели типичны республиканский универсализм, более сильная ориентация на публичный порядок и гражданскую интеграцию, а также особая роль принципа светскости как конституционно-политической матрицы, через которую решаются споры о равенстве, нейтральности и свободе религии [6; 7; 8; 19].

Актуальность исследования усиливается и тем, что в 2024–2025 гг. правозащитная повестка в ЕС оказалась под влиянием сразу нескольких факторов: дальнейшей цифровизации государства, усиления миграционного давления, роста дискриминационных практик, религиозно-культурных конфликтов, а также расширения представлений о правах как о гарантиях против долгосрочных экологических и технологических угроз [16; 31; 32; 33]. Агентство Европейского союза по основным правам в своих по-

следних обзорах фиксирует, что давление на фундаментальные права проявляется в разных регистрах — от языка ненависти и ксенофобии до уязвимости мигрантов, мусульманских сообществ и иных меньшинств [31; 32]. Поэтому сравнительный анализ Германии и Франции позволяет увидеть не абстрактные различия правовых культур, а реальные механизмы переработки общеевропейских вызовов.

1.1. Многоуровневая защита и судебный диалог в европейском пространстве прав человека

Особенность правозащитной системы ЕС состоит в том, что национальный судья в Германии и Франции сегодня мыслит не в замкнутом национальном контуре, а в режиме постоянного диалога с несколькими источниками права. Статья 47 Хартии ЕС закрепляет право на эффективное средство правовой защиты и справедливое судебное разбирательство, а сама Хартия применяется всякий раз, когда государства действуют в сфере реализации права Союза [1]. Это означает, что миграционные, антидискриминационные, цифровые и социальные конфликты все чаще попадают одновременно под действие национальной конституции, Хартии и Конвенции. В результате права человека в современном ЕС существуют не как единый кодекс, а как система перекрывающихся режимов аргументации.

Для Германии данная ситуация усиливает и без того высокую роль конституционной догматики. Федеральный конституционный суд традиционно стремится удерживать автономный язык Основного закона, но одновременно соотносит его с европейскими стандартами, особенно когда речь идет о защите личности, правосудии и предсказуемости ограничения свободы [15; 16]. Для Франции многоуровневость означает иное: значительная часть правозащитной динамики возникает через взаимодействие Конституционного совета, Государственного совета, Кассационного суда и ЕСПЧ. Французская система менее догматизирована на уровне единой общей теории основных прав, но более пластична в институциональном смысле, что позволяет ей адаптировать республиканский универсализм к требованиям европейского контроля.

Вместе с тем, на наш взгляд, многоуровневая защита не устраняет проблем, а иногда усложняет их. Во-первых, стандарты разных судов не всегда совпадают по интенсивности контроля. Во-вторых, государство может использовать расхождения между уровнями защиты для маневра, представляя ограничение как допустимое в рамках национальной традиции или как находящееся в пределах усмотрения.

В-третьих, для самого носителя права усложняется навигация по средствам защиты. Поэтому доступ к правосудию сегодня становится не только правом обратиться в суд, но и вопросом понятности правовой архитектуры. Чем более многослойной является система защиты, тем выше потребность в ясных процессуальных маршрутах и согласованных стандартах доказывания, особенно в делах о дискриминации, миграции и цифровом наблюдении.

Эта проблема имеет и теоретическое измерение. В литературе подчеркивается, что достоинство, приватность, равенство и свобода религии в Европе функционируют как понятия, содержание которых определяется контекстом и институциональной позицией суда [37; 40]. Следовательно, эффективность правозащитной системы зависит не только от наличия текста права, но и от качества межсудебного перевода: насколько национальные суды способны воспринимать европейские стандарты не как внешнее давление, а как ресурс углубления собственной правовой аргументации. В этом смысле Германия и Франция представляют два разных типа европейской правовой социализации, оба из которых влияют на будущее прав человека в Союзе.

1. Нормативно-ценностный каркас защиты прав человека в ЕС и различие германской и французской моделей

Современная система защиты прав человека в ЕС строится как минимум на трех взаимосвязанных слоях. Первый слой образуют ценности и принципы первичного права Союза. ДЕС прямо связывает европейский проект с уважением достоинства человека и прав человека, а Хартия ЕС детализирует эти начала в виде субъективных прав на достоинство, свободу, частную жизнь, защиту персональных данных, свободу мысли, совести и религии, недискриминацию и эффективную судебную защиту [1; 2]. Уже сама структура Хартии показывает, что европейское право исходит из тесной связи материальных прав и процессуальных гарантий: правозащитная проблема существует не только тогда, когда нарушается свобода, но и тогда, когда отсутствует эффективное средство ее защиты.

Второй слой составляет Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод вместе с практикой ЕСПЧ. Несмотря на то что ЕС как организация формально не стал участником Конвенции, конвенционные стандарты продолжают выполнять функцию общего ориентира для государств – членов и институтов Союза. В отношении Франции и Германии это особенно заметно в сферах миграции, дискриминации, процессуальных гарантий, приватности и свободы религии [24–29; 36]. Конвенционная система действует как внешний корректирующий механизм: она не заменяет национальные конституционные доктрины, но проверяет, не вышли ли государства за пределы допустимого усмотрения.

Третий слой формируется национальными конституционными традициями. В Германии Основной закон ставит в начало конституционного текста

достоинство человека и прямо подчиняет законодательную, исполнительную и судебную власть основным правам как непосредственно действующему праву [3]. В этом смысле немецкая модель отличается высокой догматической интенсивностью. Не случайно Д. Гримм подчеркивал, что гарантия человеческого достоинства в статье 1 Основного закона имела «не только символическое, но и непосредственное юридическое действие» [38]. В свою очередь К. Эндерс концептуализировал человеческое достоинство как «право иметь права», то есть как исходный конституционный статус личности, не зависящий от политической конъюнктуры [39]. Германская модель поэтому склонна рассматривать даже технические административные решения — например, обработку данных или размер социальных выплат — через призму их воздействия на статус личности.

Французская конструкция иная. Конституция 1958 г. опирается на преамбулу, отсылающую к Декларации прав человека и гражданина 1789 г., Преамбуле Конституции 1946 г. и Хартии окружающей среды 2004 г.; статья 1 закрепляет характеристики Французской Республики как неделимой, светской, демократической и социальной, обеспечивающей равенство перед законом без различия происхождения, расы или религии [6]. Французский правопорядок исторически меньше акцентирует абстрактную метафизику достоинства как автономного абсолютного принципа и сильнее связывает права с республиканским гражданством, публичным порядком и идеей интегрированной политической общности. С. Эннет-Воше справедливо отмечает, что достоинство в французском праве остается концептом одновременно важным и спорным, поскольку его нормативная функция колеблется между защитой автономии личности и оправданием ограничений, предпринимаемых во имя общественного представления о достойной жизни [44].

Отсюда вытекает важное сравнительное наблюдение. В Германии правозащитный анализ чаще начинается с вопроса о пределе вмешательства в сферу свободы и достоинства индивида. Во Франции — с вопроса о том, совместимы ли притязания индивида с требованиями республиканского порядка, *laïcité* и общественной безопасности. Эти подходы не исключают друг друга, но задают различные точки входа в анализ споров. Именно различие исходной конституционной логики объясняет, почему схожие по предмету конфликты — например, споры о религиозных символах, наблюдении или миграционном контроле — получают в двух странах различное нормативное оформление и разную судебную аргументацию.

2. Федеративная Республика Германия: достоинство личности, информационная свобода и новые пределы вмешательства

Для понимания актуальных правозащитных проблем в Германии принципиально важна знаменитая переписная (*sensus*) юриспруденция Федерального

конституционного суда. В решении 1983 г. Суд вывел из статей 1 и 2 Основного закона право на информационное самоопределение и указал, что ограничения этого права допустимы лишь при наличии преобладающего публичного интереса и достаточной нормативной определенности [12]. Этот прецедент давно вышел за пределы своего исторического контекста. Он стал матрицей, через которую в Германии воспринимались цифровые базы данных, полицейская аналитика, межведомственный обмен информацией и деятельность разведывательных органов.

Именно поэтому современная германская правозащитная повестка столь сильно чувствительна к технологическому расширению государственного контроля. В решении 2020 г. о внешней телекоммуникационной разведке Федеральный конституционный суд признал, что полномочия Федеральной разведывательной службы по наблюдению за иностранными телекоммуникациями в существовавшем виде нарушают фундаментальные права, и подчеркнул, что даже внешняя разведывательная деятельность должна быть «опоясана» правами, вытекающими из Основного закона и принципа правового государства [15]. Это решение показательное по двум причинам. Во-первых, оно подтверждает, что правозащитная логика Основного закона не исчерпывается внутренним национальным пространством и распространяется на трансграничные информационные операции, если германская публичная власть фактически вмешивается в свободы человека. Во-вторых, Суд ясно дал понять, что технологическая сложность наблюдения не освобождает государство от обязанности создавать понятные, дифференцированные и контролируемые правовые основания для доступа к данным.

Линия на ужесточение конституционного контроля была продолжена в решении 2023 г., где Суд признал неконституционными положения законодательства Гессена и Гамбурга об автоматизированном анализе данных в целях предотвращения преступлений [17]. В центре аргументации вновь оказалось общее право личности, связанное со статьями 1 и 2 Основного закона: автоматизированное соотношение накопленных массивов данных способно породить более глубокий и широкий цифровой профиль лица, чем отдельные акты сбора информации. Иначе говоря, опасность правонарушения состоит не только в первоначальном сборе данных, но и в новых качествах знания, возникающего в результате их машинной интерпретации. Эта доктрина чрезвычайно актуальна для всего ЕС, поскольку цифровое государство все чаще перемещает точку риска от «классического» наблюдения к аналитическим системам, которые формально работают с уже имеющимися данными, но фактически конструируют новые уровни вторжения в частную сферу.

В таком подходе проявляется германская приверженность персоналистской правовой оптике. ЕСПЧ и Суд ЕС также признают важность защиты данных и частной жизни, однако немецкая модель отличается особой готовностью связывать обработ-

ку данных с угрозой редукции личности до управляемого информационного объекта. Не случайно К. МакКрудден в своей известной работе подчеркивал, что содержание достоинства в праве всегда «контекстно-специфично» [37]. В германском контексте этот тезис означает, что достоинство личности становится не риторическим символом, а рабочим ограничителем для цифровой бюрократии.

Актуальная проблематика не исчерпывается сферой наблюдения. Германия продолжает оставаться важным примером того, как социальные права и стандарты обращения с уязвимыми группами выводятся из достоинства человека. В решении 2012 г. по Закону о пособиях просителям убежища Федеральный конституционный суд признал неконституционными действовавшие нормы о размерах базовых денежных выплат [13]. Суд прямо указал, что гарантируемый государством минимум, совместимый с человеческим достоинством, принадлежит каждому человеку и не может ставиться под сомнение в зависимости от миграционного статуса. Для современной Европы этот прецедент принципиален: он показывает, что миграционная политика может регулировать въезд, пребывание и процедуры, но не вправе девальвировать сам базовый антропологический статус лица. В ситуации политизации темы убежища и возрастающего давления на системы приема беженцев германская юриспруденция напоминает, что правозащитный минимум не может быть превращен в инструмент устрашения.

При этом нельзя идеализировать германскую практику. Основной закон в статье 16а признает право убежища, но одновременно содержит конструкцию «безопасных третьих государств», резко сужающую возможности для его реализации [3; 4]. Закон о пребывании иностранцев и Закон об убежище отражают управленческую логику контроля миграции, регистрации, размещения, выдворения и интеграции [4; 5]. В результате и в Германии возникает типичная для ЕС коллизия: достоинство и социальный минимум признаются принципиально неотчуждаемыми, но процессуальные и территориальные режимы доступа к защите остаются жесткими. Это создает напряжение между высокими конституционными принципами и административной техникой их практического исполнения.

Отдельного внимания заслуживает проблема дискриминации и этнического профилирования. Хотя германская правовая культура традиционно воспринимается как нормативно чувствительная к равенству, практика полицейских проверок показывает, что формальная антидискриминационная риторика не устраняет риск селективного контроля. В деле *Basu v. Germany* ЕСПЧ признал нарушение статьи 14 во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции, указав на отсутствие эффективного исследования заявлений о расовом профилировании при полицейской проверке личности на поезде [18; 36]. Это решение важно не только как эпизод международного контроля. Оно вскрывает системную проблему: даже развитые правовые системы нередко готовы

защищать равенство на уровне абстрактных норм, но недостаточно оснащены процессуальными механизмами для доказывания и расследования дискриминационного мотива в действиях полиции.

К числу новых правозащитных вызовов Германия добавила и экологическое измерение. В решении 2021 г. по Федеральному закону о защите климата Суд признал, что недостаточная конкретизация мер по сокращению выбросов после 2030 г. перекладывает чрезмерное бремя на будущую свободу последующих поколений [16]. Хотя Суд не сформулировал «субъективное право на климат» в простом виде, он связал климатическую политику с конституционной защитой свободы и достоинства в межвременном измерении. Тем самым в Германии защита прав человека перестала быть только реакцией на уже совершенное вмешательство: она стала включать предупреждение предсказуемых долгосрочных ограничений свободы, вытекающих из недостаточной государственной политики.

Следовательно, современная германская модель демонстрирует одновременно силу и уязвимость европейского правозащитного государства. Ее сила — в высоком уровне догматической артикуляции прав, способности суда контролировать технологические и социальные трансформации и в готовности выводить из достоинства человека конкретные требования к законодательству. Ее уязвимость — в постоянном давлении со стороны безопасности, миграционного управления и полицейской дискреции, которые стремятся переводить исключительные меры в режим обычного администрирования.

2.1. Социальное государство, миграция и минимальные условия достойного существования в Германии

Германский конституционализм важен для европейской правозащитной повестки не только благодаря доктрине приватности, но и благодаря сильной связи между достоинством личности и социальным государством. В решении о пособиях просителям убежища 2012 г. Федеральный конституционный суд фактически подтвердил, что минимум существования, совместимый с достоинством человека, не зависит от гражданства и не может быть снижен в педагогических или миграционно-сдерживающих целях [13]. Эта позиция имеет принципиальный европейский смысл. В ней содержится идея, что государство вправе спорить о праве на въезд, праве на пребывание, объеме интеграционных обязанностей, но не вправе использовать социальную нужду как инструмент де-антропологизации адресата власти.

Указанная логика особенно важна в контексте германского Закона о пребывании иностранцев. Уже в статье 1 данного закона соединяются управленческая и гуманитарная функции: с одной стороны, закон направлен на регулирование притока иностранцев с учетом интересов экономики и емкости приема, с другой — должен обеспечивать выполнение гуманитарных обязательств Германии [5]. На

практике это создает постоянное напряжение между административной рациональностью и конституционным статусом личности. Когда речь идет о размещении, социальном обеспечении, доступе к труду, медицинской помощи и интеграционным требованиям, административное право может воспринимать иностранца как объект миграционного менеджмента, тогда как конституционное право требует видеть в нем носителя неотчуждаемого достоинства.

Для современной Европы германский опыт особенно показателен потому, что кризис убежища и рост популистского давления во многих государствах сопровождаются попытками «градуировать» человеческую ценность в зависимости от статуса пребывания. Именно против такой градации направлена немецкая конституционная мысль. Как подчеркивал К. Эндерс, достоинство означает право иметь права, а не привилегию, зависящую от лояльности или гражданской полезности [39]. Отсюда следует, что даже лица с нестабильным миграционным статусом должны получать минимум судебной и социальной защиты, без которого вся конституционная конструкция превращается в форму национально ограниченного гуманизма.

Однако и в Германии нарастает искушение прагматизировать права. Дискуссии о депортации, безопасных странах происхождения, ускоренных процедурах и расширении обмена данными между ведомствами свидетельствуют, что гуманитарные обязательства все чаще конкурируют с дискурсом управляемости. Поэтому одной из актуальных проблем защиты прав человека в ФРГ является сохранение связи между достоинством, свободой и социальной защитой в условиях, когда миграция рассматривается прежде всего как вопрос государственной способности к контролю. Без этой связи германская модель рискует утратить свое главное достоинство — способность превращать абстрактную ценность достоинства в конкретные и проверяемые юридические стандарты.

3. Свобода религии, нейтралитет и равенство в Германии: пределы модели «открытого государства»

Одной из самых тонких правозащитных проблем Германии остается соотношение свободы религии, нейтралитета государства и равенства. В отличие от французской светскости, германская модель традиционно строилась не на вытеснении религии из публичной сферы, а на кооперативном, «открытом» нейтралитете государства. Статьи 3 и 4 Основного закона запрещают дискриминацию по признаку веры и гарантируют свободу вероисповедания [3]. Но именно эта открытость периодически подвергается испытанию в спорах о мусульманских символах, прежде всего о ношении платка в школе и на государственной службе.

Знаковым здесь стало решение Федерального конституционного суда 2015 г., признавшее, что общий запрет на ношение платка учителями государственных школ несовместим с Конституцией [14].

Суд подчеркнул, что абстрактный, превентивный запрет непропорционально ограничивает свободу веры и не может быть оправдан без конкретной опасности для школьного мира или государственной нейтральности. Тем самым немецкая конституционная юриспруденция отказалась признать сам видимый религиозный символ достаточным основанием для ограничения права. Иначе говоря, нейтралитет государства не тождественен невидимости религии; он означает равную дистанцию и равное уважение, а не тотальную секуляризацию публичной сферы.

Данная линия была подтверждена и в последующих решениях, где Суд отмечал, что мусульманки, носящие платок как элемент своей веры, вправе ссылаться на защиту свободы религии и свободы ее исповедания [14]. С точки зрения прав человека это чрезвычайно важный сигнал для всей Европы. Он показывает, что проблема религиозных символов не должна решаться через презумпцию угрозы со стороны меньшинства. Напротив, именно государство обязано доказать наличие реального конфликта между религиозной свободой и иными конституционными ценностями.

В научной литературе такая позиция обычно оценивается как более плюралистическая по сравнению с жесткими запретительными моделями. К. Беннуне в контексте дискуссий о платках справедливо указывала на необходимость контекстного анализа, не допускающего автоматического отождествления религиозного выражения с антиэмансипаторной практикой [43]. Для Германии это особенно актуально, поскольку германская модель интеграции долгое время стремилась сочетать открытость публичной сферы с требованиями конституционного патриотизма. Однако на практике даже здесь сохраняется риск культурной асимметрии: христианские символы часто воспринимаются как элемент традиции, а мусульманские — как вызов нейтралитету. Следовательно, проблема состоит не только в тексте закона, но и в скрытой иерархии культурной нормальности.

Именно здесь становится заметен второй слой правозащитной уязвимости. Формально германский подход выглядит более инклюзивным, чем французский, но фактически он зависит от тонкой судебной калибровки и потому остается нестабильным. Любая политизация темы интеграции, миграции или безопасности способна вновь перевести спор о свободе религии в плоскость подозрения и символического исключения. Поэтому для Германии актуальной остается задача удержания нейтралитета именно как открытого и равного режима, а не как прикрытой формы культурного доминирования большинства.

4. Французская Республика: республиканский универсализм, *laïcité* и конфликт публичного порядка со свободой личности

Французская модель защиты прав человека развивается в иной координатной системе. Формально она также глубоко укоренена в идее свободы и равенства: преамбула Конституции 1958 г. отсылает к Декларации 1789 г., а статья 1 утверждает светский

характер Республики и равенство граждан перед законом независимо от происхождения, расы и религии [6]. Однако французская правовая культура связывает защиту прав не только с автономией индивида, но и с идеалом единого гражданского пространства, в котором религия, этничность и иные особенности не должны размывать универсальный характер республиканской общности.

Наиболее ярко эта логика проявилась в регулировании религиозных символов. Закон № 2004-228 запретил в государственных школах ношение знаков и одежды, явно манифестирующих религиозную принадлежность [7]. Закон № 2010-1192 установил запрет на сокрытие лица в публичном пространстве [8]. В обоих случаях аргументация государства строилась вокруг сочетания светскости, равенства, достоинства и общественного порядка. С юридической точки зрения ключевой вопрос заключался в том, допускает ли французская конституционная и конвенционная система столь широкие ограничения свободы религии и частной автономии.

Решение ЕСПЧ по делу *S.A.S. v. France* стало поворотным моментом. Суд признал, что французский запрет сокрытия лица в публичном пространстве не нарушает Конвенцию, приняв аргумент о «минимальных требованиях совместной жизни» — *vivre ensemble* — в качестве легитимной цели вмешательства [28]. Именно эта часть решения вызвала наибольшую критику в науке. М. Пирсон справедливо отмечает, что использование концепта *vivre ensemble* после *S.A.S.* оказалось крайне спорным и само по себе требует осторожности [41]. Г. Эллиотт-Уильямс указывает, что решение по *S.A.S.* демонстрирует, насколько легко свобода манифестации религии может быть ограничена в рамках расширительно понимаемого усмотрения государства [42]. Сравнительно-правовой анализ К. Беннуне также предупреждает против упрощенных схем, в которых женская одежда автоматически превращается в показатель несвободы, а запрет — в универсальное средство эмансипации [43].

Для французской правовой системы данная линия имеет далеко идущие последствия. Она означает, что публичное пространство мыслится не как нейтральная арена сосуществования разных способов жизни, а как нормативно насыщенная среда, в которой государство вправе требовать видимой совместимости поведения с определенной моделью гражданской коммуникации. С точки зрения прав человека проблема здесь заключается не только в самом ограничении, но и в его логике: право может быть ограничено не потому, что оно причиняет конкретный вред, а потому, что его публичное проявление признается несовместимым с республиканским представлением о нормальном социальном взаимодействии.

Тем не менее французская система не сводится к безусловному приоритету запрета. Государственный совет в ряде дел о так называемом *burkini* подчеркивал, что ограничение религиозно окрашенной одежды в публичном пространстве возможно лишь

при наличии актуального и доказанного риска для общественного порядка. В 2016 г. Conseil d'État приостановил применение муниципальных мер, запрещающих купальные костюмы, которые якобы явно демонстрируют религиозную принадлежность; аналогичную позицию он занял и в 2023 г., указав, что подобный запрет должен быть подтвержден реальной угрозой публичному порядку [22]. Этот блок практики показывает, что внутри французского права существуют не только рестриктивные, но и корректирующие механизмы. Однако сама необходимость постоянной судебной коррекции свидетельствует о структурной напряженности между *laïcité* как принципом свободы совести и *laïcité* как инструментом видимого дисциплинирования публичной сферы.

Ситуацию дополнительно усложняет то, что французская модель универсализма исторически с подозрением относится к юридическому признанию групповых различий. Это снижает видимость дискриминации, которая часто не артикулируется через язык меньшинств, но проявляется в практиках отбора, контроля и символического исключения. Поэтому современная проблема защиты прав человека во Франции состоит не только в наличии отдельных ограничительных законов, но и в том, что республиканский универсализм иногда затрудняет саму диагностику неравного воздействия «нейтральных» правил на различные группы населения.

4.1. Конституционный совет Франции: *fraternité*, защита данных и пределы республиканского государства

Французская правовая система нередко описывается как менее благоприятная для прав человека по сравнению с германской, однако такая характеристика была бы односторонней. Конституционный совет Франции в последние годы выработал ряд решений, свидетельствующих о наличии внутри республиканской модели собственных правозащитных коррективов. Особое значение имеет решение № 2018-717/718 QPC, в котором из принципа *fraternité* (братства) была выведена свобода помогать другому лицу в гуманитарных целях вне зависимости от законности его пребывания [19]. Для миграционного права это был крайне важный сигнал: солидарность с уязвимым лицом не может автоматически криминализироваться лишь потому, что государство стремится усилить контроль над нелегальной миграцией.

Не менее показательным стало решение № 2018-765 DC по закону о защите персональных данных [20]. Рассматривая реформу, связанную с приведением французского права в соответствие с общеевропейскими стандартами защиты данных, Конституционный совет подтвердил значимость конституционного контроля над переработкой персональной информации. Хотя французская аргументация по защите данных не строится на развернутой теории информационного самоопределения по германскому образцу, она все же признает, что цифровая обработка личности должна подчиняться требованиям необходимости, пропорциональности и

предсказуемости. Тем самым французская модель постепенно усиливает собственный правозащитный инструментарий в сфере технологий.

Сочетание решений о *fraternité* и защите данных демонстрирует важную эволюцию. Французская республика не сводится к дисциплинирующей *laïcité* или к запретительной логике публичного порядка. Внутри нее развивается и другое направление — поиск таких конституционных аргументов, которые позволяют защитить гуманитарное действие, частную автономию и цифровую неприкосновенность, не разрушая основ республиканского государства. Именно это делает французскую модель более сложной, чем ее карикатурное изображение как «режима запрета».

Тем не менее правозащитный потенциал таких решений зависит от того, насколько последовательно они будут транслироваться в обычное законодательство и административную практику. Пока французская система продолжает демонстрировать дуализм: на уровне высоких принципов она способна выводить из *fraternité* защиту солидарного поведения и ограничивать вмешательство в сферу данных, но на уровне повседневного управления миграцией, безопасностью и религиозной видимостью сохраняется сильный рестриктивный импульс. Следовательно, одна из актуальных проблем прав человека во Франции заключается не в отсутствии прогрессивных прецедентов, а в разрыве между конституционной коррекцией и массовым административным применением.

5. Франция: миграция, убежище и кризис эффективных средств правовой защиты

Одним из наиболее чувствительных направлений французской правозащитной повестки остаются миграционные и убежищные процедуры. Здесь сталкиваются суверенный интерес государства в контроле границ и конституционные требования к защите личности от произвольного задержания, высылки и унижающего обращения. Уже в деле *Amuur v. France* ЕСПЧ дал понять, что содержание мигрантов в транзитной зоне аэропорта не освобождает государство от требований статьи 5 Конвенции и от обязанности обеспечивать законность лишения свободы [23]. Это был ранний сигнал о том, что «пространственная хитрость» миграционного права — вынесение человека в квазиинвентурную зону — не отменяет его правового статуса.

В деле *Gebremedhin v. France* Суд сформулировал еще более конкретный стандарт: ходатайствующему об убежище, чье прошение отклонено на границе, должно быть предоставлено эффективное средство правовой защиты с приостанавливающим эффектом, если высылка может повлечь риск обращения, несовместимого со статьей 3 Конвенции [24]. Дело *De Souza Ribeiro v. France* развило эту линию: исполнение решения о выдворении вскоре после подачи ходатайства о его приостановлении нарушает статью 13 Конвенции, поскольку средство защиты должно быть не только формально предусмотрено,

но и практически способно предотвратить необратимые последствия [25]. Оба прецедента имеют принципиальное значение для оценки современной французской миграционной политики. Они требуют видеть в праве на эффективное средство защиты не технический процессуальный атрибут, а материальную гарантию от необратимого вмешательства в судьбу человека.

Особо показательным стало дело *Khan v. France*, где ЕСПЧ установил нарушение статьи 3 в связи с тем, что несовершеннолетний иностранный ребенок без сопровождения находился в крайне уязвимых и унижающих условиях в импровизированном лагере, а судебное решение о его помещении под защиту не было исполнено [26]. Правозащитный смысл этого дела выходит за пределы индивидуального эпизода. Суд напомнил, что государство несет позитивные обязательства по защите особенно уязвимых лиц, и именно неисполнение внутренних судебных решений может превратить миграционную ситуацию в зону фактической деградации достоинства человека.

Вместе с тем, французская система демонстрирует и другой тип конфликта — между безопасностью и защитой беженцев. В деле *K.I. v. France* рассматривался вопрос о последствиях отзыва статуса беженца у лица, осужденного за террористическое преступление; при этом Суд анализировал одновременно национальные процедуры и риск высылки в контексте статьи 3 Конвенции [27]. Значение данного дела для более общей темы состоит в том, что оно иллюстрирует новый тип правозащитной дилеммы: даже серьезная угроза общественной безопасности не освобождает государство от абсолютного запрета на высылку в условия реального риска пыток или бесчеловечного обращения. Эта логика была дополнительно прояснена Судом ЕС в деле *M and Others (Revocation of refugee status)*, где было подчеркнуто различие между отзывом статуса и реальной защитой от *refoulement* [30].

Следовательно, современная французская правовая реальность характеризуется не отсутствием правовых гарантий, а их постоянным испытанием на прочность. Административная эффективность, ускоренные процедуры, приграничное регулирование и безопасность порождают искушение воспринимать право на убежище как вопрос управленческой логики. Но именно здесь и проявляется уязвимость прав человека: чем быстрее и техничнее становится административный процесс, тем выше риск, что эффективное средство защиты превратится в формальность. Французская и конвенционная судебная практика последовательно сопротивляются этой трансформации, однако сама повторяемость подобных дел свидетельствует о системности проблемы.

6. Цифровое наблюдение и алгоритмическая безопасность во Франции: новые формы риска для приватности

Еще одной зоной обострения правозащитной проблематики во Франции стало расширение цифрового наблюдения и алгоритмической обработки

изображений в публичном пространстве. Закон № 2023-380, посвященный в том числе обеспечению безопасности Олимпийских и Паралимпийских игр 2024 г., разрешил экспериментальное использование алгоритмической обработки изображений, собранных системами видеонаблюдения и камерами на воздушных судах, для выявления определенных событий, способных представлять угрозу общественной безопасности [9]. Декрет № 2023-828 конкретизировал порядок реализации таких средств и указал, что эксперимент может действовать до 31 марта 2025 г. [10]. Конституционный совет в решении № 2023-850 DC признал соответствующие положения конституционными при соблюдении ряда оговорок [21].

На первый взгляд французский законодатель пытался создать более «умеренную» модель контроля, чем классическое распознавание лиц. CNIL специально подчеркивала, что используемые в рамках олимпийской безопасности «augmented cameras» не являются средствами *facial recognition* и что закон прямо исключил биометрическую идентификацию и технологии распознавания лиц [34]. Однако правозащитная проблема от этого не исчезает. Во-первых, сама алгоритмическая селекция событий в публичном пространстве меняет режим видимости гражданина: человек оказывается не просто объектом записи, а элементом потока данных, подвергаемого предиктивной интерпретации. Во-вторых, даже без прямой идентификации алгоритмический анализ поведения и движения способен подрывать анонимность публичной сферы, особенно если используется в сочетании с другими административными базами данных. Наконец, в-третьих, временный эксперимент имеет свойство превращаться в модель будущего обычного регулирования.

Именно поэтому CNIL последовательно настаивает на том, что системы распознавания лиц и расширенные технологии компьютерного зрения несут значительные риски для свобод, включая подрыв анонимности в публичном пространстве, использование чувствительных и постоянных биометрических данных, а также технологические ошибки и смещения в зависимости от пола или цвета кожи [34; 35]. Эта позиция особенно важна в сравнительном плане. Она показывает, что внутри самого французского правового порядка присутствует мощный правозащитный контрбаланс: даже когда государство расширяет арсенал безопасности, специализированный регулятор данных предупреждает о системных рисках для прав человека.

Проблема здесь носит общеевропейский характер. Цифровое наблюдение все реже оформляется как классическая оперативно-розыскная мера, направленная на конкретное лицо. Вместо этого возникает инфраструктурная система непрерывной аналитики публичного пространства, оправдываемая превенцией риска, управлением массовыми мероприятиями, транспортной безопасностью или борьбой с насилием. Для прав человека это означает смещение фокуса: если раньше спор шел о

законности индивидуального вторжения, то теперь — о допустимости самой архитектуры постоянной машинной оценки поведения.

Французский опыт важен еще и потому, что он демонстрирует, насколько соблазнительно для государства использовать массовые события как лабораторию правовых исключений. Олимпийские игры позволили провести эксперимент в режиме общественной поддержки безопасности, однако пределы такого «эксперимента» принципиальны для будущего европейского права. Если алгоритмическое наблюдение укоренится как допустимый стандарт без убедительных процедурных гарантий, независимого аудита, минимизации данных, запрета вторичного использования и судебного контроля, то европейская правозащитная система столкнется не с отдельными нарушениями, а с новой нормальностью, в которой свобода передвижения и анонимность публичной жизни будут постепенно размываться.

В этом пункте особенно заметно различие германского и французского подходов. Германия через юриспруденцию Федерального конституционного суда стремится превентивно ограничить саму способность государства конструировать глубокие цифровые профили личности [15; 17]. Франция же чаще идет путем допуска ограниченного эксперимента под надзором регулятора и суда [21; 34]. Для прав человека вопрос состоит в том, какой из этих путей лучше отвечает идее эффективной превенции злоупотреблений. Представляется, что германская модель, при всей ее сложности, предоставляет более сильные конституционные предохранители.

7. Дискриминация, этническое профилирование и кризис формально нейтральных практик

Одной из наиболее показательных актуальных проблем защиты прав человека в ЕС стала трансформация классической дискриминации в трудноуловимые, формально нейтральные практики. Германия и Франция долгое время предпочитали рассматривать себя как правопорядки, где дискриминация осуждена и потому ее остаточные проявления носят исключительный характер. Однако новейшая практика ЕСПЧ и материалы европейских органов свидетельствуют, что проблема этнического и расового профилирования сохраняет системное значение.

В деле *Basu v. Germany* ЕСПЧ отметил, что в ситуации обоснованного утверждения о расовой дискриминации государство обязано проявлять особую бдительность и обеспечивать действенное расследование мотивации полицейской проверки [18; 36]. Для Франции аналогичную функцию выполнило недавнее дело *Seydi and Others v. France*. В 2025 г. Суд рассмотрел жалобы шести заявителей, описывавших себя как лиц африканского или североафриканского происхождения, подвергавшихся полицейским проверкам личности на улице; в отношении одного из заявителей была установлена материальная дискриминация по статье 14 во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции [29; 36]. Даже если по части заявителей нарушение не было установлено, сам факт при-

знания Судом дискриминационного характера одной из проверок имеет большое правовое значение. Он подтверждает, что этническое профилирование в европейских демократиях является не абстрактной социальной жалобой, а юридически верифицируемой формой нарушения прав.

Актуальность этой проблемы возрастает на фоне более широкой атмосферы подозрения к миграционным и религиозным меньшинствам. Агентство ЕС по основным правам в обзорах 2024–2025 гг. фиксирует устойчивые формы расизма, дискриминации и социального исключения в отношении мусульман и иных уязвимых групп [31; 32]. Речь идет не только о преступлениях ненависти или прямой враждебности, но и о накопительном эффекте формально нейтральных решений: повышенной вероятности полицейского контроля, селективного внимания в процедурах безопасности, недоверия к внешним религиозным маркерам, более высокой чувствительности к «необычному» поведению в публичном пространстве. Таким образом, дискриминация в современных условиях все чаще действует через инфраструктуру повседневного администрирования.

Правовая трудность здесь очевидна. Формальная модель равенства плохо работает там, где нарушением является не прямо выраженное правило, а совокупность вероятностных решений, дискреционных фильтров и неявных предубеждений. Поэтому все большее значение приобретают процессуальные стандарты: обязанность мотивировать проверку, документировать основания вмешательства, создавать независимые механизмы жалобы и не перекладывать на заявителя непосильное бремя доказывания скрытого дискриминационного мотива. Иными словами, современная защита равенства зависит не только от запрета дискриминации в законе, но и от того, насколько правовая система умеет работать с труднодоказуемыми, контекстными и структурными формами неравного обращения.

Сравнение Германии и Франции показывает, что обе страны находятся лишь в начале этой перестройки. Германия сильнее в конституционной догматике и защите частной сферы, Франция — в развитости административной юстиции и публичной аргументации о допустимых пределах полицейского усмотрения. Но ни одна из моделей пока не может считаться окончательно успешной в преодолении логики профилактической подозрительности по отношению к «видимым» меньшинствам. Отсюда следует общий для ЕС вывод: антидискриминационный стандарт должен быть интегрирован в обычную правоприменительную технику полиции, миграционных органов и цифровых систем, а не существовать только как абстрактное конституционное обещание.

7.1. Права человека и доступ к правосудию: процессуальное измерение европейского правозащитного государства

Сравнение Германии и Франции показывает, что во многих современных правозащитных конфликтах решающее значение имеет не столько формальное

признание права, сколько доступность и эффективность средств его защиты. В миграционных делах это очевидно: право не быть подвергнутым высылке в условиях риска пыток утрачивает смысл, если жалоба не приостанавливает исполнение решения [24; 25]. В делах о дискриминации проблема иная, но логика сходна: запрет расового профилирования становится декларацией, если заявитель не располагает механизмами для фиксации фактов, получения доказательств и перераспределения бремени доказывания [18; 29; 36].

Статья 47 Хартии ЕС и статья 13 Конвенции позволяют рассматривать доступ к правосудию как самостоятельную центральную ценность правовозащитного государства [1; 24; 25]. Но именно эта ценность сегодня сталкивается с новыми угрозами. Ускорение административных процедур, цифровизация сервиса, размывание личного контакта с судом и правовой помощью, а также усложнение многоуровневой структуры средств защиты приводят к тому, что формальная открытость системы не гарантирует ее реальной доступности. Особенно уязвимы в такой ситуации иностранцы, дети без сопровождения, лица с ограниченными ресурсами, этнические и религиозные меньшинства.

Германия и Франция решают эту проблему по-разному. Германия больше полагается на сильную догматику основных прав и возможность конституционной жалобы как финального инструмента контроля. Франция — на развитые формы административного судопроизводства, включая срочные процедуры *référé*. Однако обе модели сталкиваются с общим ограничением: даже эффективный судебный механизм работает с опозданием, если лицо не может своевременно активировать его, собрать материалы, понять применимый режим и удержаться в стране или в безопасной среде до завершения рассмотрения спора. Следовательно, современная защита прав человека требует переноса части правовозащитных гарантий «вперед» — в стадию первого административного контакта, полицейской проверки, пограничного решения, цифровой регистрации и первоначальной оценки риска.

В практическом плане это означает необходимость обязательной мотивировки вмешательства, доступного разъяснения прав на понятном языке, оперативного допуска к адвокату или правовому консультанту, а также возможности оспаривания не только окончательного решения, но и промежуточных действий, создающих необратимые последствия. Именно процессуальная инфраструктура сегодня во многом определяет, останется ли европейская модель прав человека живой системой защиты или будет все чаще сводиться к ретроспективной констатации уже совершившихся нарушений.

8. Сравнительный анализ: пять узловых актуальных проблем защиты прав человека в ФРГ и Франции

Проведенный анализ позволяет выделить пять узловых проблем, которые определяют современ-

ное состояние защиты прав человека в Германии и Франции и одновременно отражают общие тенденции развития европейского права.

Первая проблема — конфликт между безопасностью и приватностью в условиях цифрового государства. И Германия, и Франция признают необходимость использования новых технологий для предотвращения преступлений, терроризма и массовых беспорядков. Однако различие состоит в интенсивности конституционной настороженности. Германский подход, восходящий к праву на информационное самоопределение, склонен видеть в алгоритмической переработке данных самостоятельную и качественно новую угрозу свободе личности [12; 15; 17]. Французский подход в большей степени допускает экспериментальное и мотивированное расширение видеонаблюдения при условии регуляторного надзора и ограничений на распознавание лиц [9; 10; 21; 34]. С правовозащитной точки зрения проблема в обоих случаях заключается в том, что цифровое вмешательство становится инфраструктурным, то есть менее заметным, но более масштабным.

Вторая проблема — напряжение между свободой религии и различными моделями нейтралитета государства. Германия в большей степени исходит из открытого нейтралитета и плюралистического включения религиозных проявлений, что видно по делам о платке [14]. Франция же склонна связывать нейтралитет с более высокой степенью видимой секуляризации публичной сферы, особенно в школе и в контексте сокрытия лица [7; 8; 28]. Спор здесь не сводится к одежде или символам. На более глубоком уровне он касается вопроса, может ли государство во имя республиканского единства или «совместной жизни» ограничивать способы публичной самоидентификации индивида. Современная правовозащитная доктрина все более скептически относится к таким ограничениям, если они не подтверждены конкретной опасностью и непропорционально затрагивают меньшинства [41–43].

Третья проблема — кризис процессуальных гарантий в миграционном праве. Германия и Франция имеют развитые законодательные рамки убежища и пребывания иностранцев, однако на практике именно скорость процедур, пространственная изоляция заявителей и превалирование логики контроля границ создают наибольшие риски для прав человека [4; 5; 23–27]. ЕСПЧ последовательно подчеркивает, что право на эффективное средство защиты в миграционных делах должно быть реально способно остановить необратимое нарушение, а особая уязвимость детей и просителей убежища требует усиленных позитивных обязанностей государства [24–26]. Правозащитная проблема здесь заключается в том, что административная рациональность стремится сокращать время и увеличивать управляемость, тогда как права человека требуют паузы, индивидуализации и проверки риска.

Четвертая проблема — скрытая дискриминация и этническое профилирование. Практика Basu и

Seydi показывает, что даже при формальном равенстве полицейское усмотрение может воспроизводить устойчивые модели селективного контроля [18; 29; 36]. В социальном плане это усиливается общим ростом подозрительности к миграционным и религиозным меньшинствам, что фиксируют европейские доклады о фундаментальных правах [31; 32]. Следовательно, защита права на равенство требует не только запрета дискриминации, но и процессуальной реконструкции повседневной работы полиции, транспортной безопасности, пограничного контроля и алгоритмических систем.

Пятая проблема — расширение правозащитного измерения на новые сферы, прежде всего экологическую и технологическую. Германская климатическая юриспруденция продемонстрировала, что права человека могут быть использованы для контроля не только уже совершенного вмешательства, но и недостаточности государственной политики в отношении будущих поколений [16]. Французские и общеевропейские дискуссии о наблюдении, алгоритмах и ИИ показывают аналогичное смещение: права человека становятся инструментом оценки архитектурных решений, которые еще не вызвали индивидуального вреда, но системно перераспределяют свободу и уязвимость. Это одна из главных особенностей современной правозащитной эпохи: спор идет все чаще не о единичном акте произвола, а о проектировании правил, способных заранее изменить положение человека в цифровом, экологическом и миграционном обществе.

8.1. Будущее прав человека в ЕС: от каталога свобод к управлению уязвимостью

Один из наиболее примечательных выводов сравнительного анализа Германии и Франции состоит в том, что современное право прав человека постепенно меняет собственную функцию. Если классическая модель была ориентирована преимущественно на защиту лица от видимого запрета, цензуры, ареста или конфискации, то нынешняя модель все чаще работает с распределением уязвимости. Речь идет о том, какие группы чаще становятся объектом проверки, кто в большей степени теряет анонимность в цифровой среде, кто несет непропорциональные издержки климатической политики, кому сложнее активировать средство защиты и чьи способы жизни признаются «проблемными» для публичного порядка.

В таком контексте права человека перестают быть только языком пределов для государства; они становятся языком оценки управленческих архитектур. Германская линия на конституционный контроль цифрового анализа данных и климатического законодательства [15–17] как раз показывает переход от проверки отдельного акта к контролю проектной логики публичной власти. Французские споры о *laïcité*, миграции и алгоритмическом наблюдении обнаруживают тот же сдвиг: ключевым становится вопрос, какие модели видимости, идентификации и принадлежности встраиваются в обычное административ-

ное действие [8; 9; 21; 28; 34].

Для Европейского союза это означает необходимость более тесного соединения материальных и процедурных гарантий. Нельзя эффективно защищать свободу религии, не анализируя полицейские и школьные процедуры; нельзя защищать частную жизнь, ограничиваясь запретом на распознавание лица, если сохраняется массовая аналитическая оценка поведения; нельзя говорить о недискриминации, не реформируя доказательственные стандарты; нельзя всерьез защищать достоинство мигранта, если логика управления границей по-прежнему строится на ускоренном оттеснении жалобы. Иными словами, будущая эффективность прав человека в ЕС зависит от того, сможет ли правовая система перейти от символического провозглашения прав к тонкой настройке институтов, которые производят уязвимость.

В этом смысле, на наш взгляд, опыт Германии и Франции имеет общеевропейскую ценность. Германия напоминает, что без сильной конституционной догматики достоинства и свободы цифровое и социальное администрирование легко выходит из-под контроля. Франция напоминает, что права человека не могут игнорировать проблематику общего пространства, публичной безопасности и гражданской интеграции. Но обе страны вместе показывают и более важное: главная задача XXI века состоит не в изобретении новых громких деклараций, а в том, чтобы научиться конституционно управлять сложностью — технологической, культурной, миграционной и экологической — не жертвуя человеком как конечной целью права.

9. Направления совершенствования правовой защиты прав человека в ЕС на примере Германии и Франции

Анализ германского и французского опыта позволяет сформулировать несколько предложений *de lege ferenda* и *de lege lata*, значимых не только для этих стран, но и для европейского пространства в целом.

Во-первых, требуется более жесткая конституционная и законодательная привязка всех форм алгоритмического наблюдения к критериям необходимости, соразмерности, функционального ограничения и независимого контроля. Простого различия между «распознаванием лиц» и «небиометрической» аналитикой уже недостаточно. Если технология позволяет автоматически выявлять, классифицировать и прогнозировать поведение в публичном пространстве, она должна рассматриваться как чувствительное вмешательство в частную жизнь и свободу передвижения. Германская юриспруденция о цифровых профилях здесь может служить ориентиром для всего ЕС [15; 17].

Во-вторых, необходимо институционально укрепить процессуальные гарантии в миграционных и убежищных делах. Это означает обязательный приостанавливающий эффект средств защиты в делах, где существует риск нарушения статьи 3 Конвенции;

расширение бесплатной правовой помощи; независимый контроль приграничных зон; приоритетное обеспечение защиты детей без сопровождения; создание стандартов доказуемости условий содержания и доступа к процедурам [23–27]. В противном случае право на убежище будет все больше превращаться в символическую формулу, зависящую от скорости и непрозрачности административной логики.

В-третьих, следует переосмыслить практику светскости и нейтралитета в направлении более строгого теста конкретной опасности. Ни в Германии, ни во Франции нельзя допускать, чтобы религиозный символ сам по себе считался угрозой публичному порядку, школьному миру или достоинству иных лиц. Чем более абстрактна заявленная цель ограничения, тем выше риск, что под видом нейтралитета будет осуществляться дисциплинирование конкретных меньшинств. С этой точки зрения французская доктрина *vivre ensemble* требует особенно осторожного применения, а германская модель открытого нейтралитета заслуживает дальнейшего развития [14; 28; 41–43].

В-четвертых, антидискриминационная защита должна быть операционализирована в повседневных процедурах полиции и органов безопасности. Необходимы обязательная фиксация оснований проверки личности, доступные средства последующего обжалования, статистический и независимый аудит практик контроля, а также судебное перераспределение бремени доказывания в случаях, где имеются веские признаки селективного вмешательства [18; 29; 36]. Без этого запрет дискриминации будет оставаться декларацией, слабо воздействующей на реальную административную практику.

Закключение

Защита прав человека в странах Европейского союза на примере Германии и Франции демонстрирует парадокс современного европейского конституционализма. С одной стороны, никогда ранее права не были столь подробно институционализированы: существует многослойная система конституционных текстов, Хартия ЕС, Конвенция, практика ЕСПЧ и Суда ЕС, специализированные органы контроля данных и развитые национальные суды. С другой стороны, именно в этих насыщенных правопорядках проявляются новые формы уязвимости личности — не всегда грубые и очевидные, но зачастую более системные, потому что встроенные в технологию, административную процедуру или риторику публичной безопасности.

Германский опыт показывает высокую продуктивность доктрины человеческого достоинства и информационного самоопределения как инструментов сопротивления цифровому государству, недооценке социального минимума для мигрантов и формальному ограничению религиозной свободы [12–17]. Французский опыт, в свою очередь, ясно демонстрирует амбивалентность республиканского универсализма: он способен служить языком равенства и общей

гражданской свободы, но при определенных условиях превращается в язык нормализации публичного пространства, допускающий ограничения во имя *laïcité*, публичного порядка и «совместной жизни» [7; 8; 21; 28].

В конечном счете актуальные проблемы защиты прав человека в ЕС связаны не с дефицитом правовых деклараций, а с изменением самой природы угроз. Сегодня права человека сталкиваются не только с традиционным запретом или наказанием, но и с алгоритмической классификацией, ускоренной миграционной процедурой, профилактическим полицейским подозрением, символическим исключением религиозных меньшинств и климатическим горизонтом ограничения будущей свободы. Германия и Франция отвечают на эти вызовы по-разному, однако обе правовые системы подтверждают один общий вывод: устойчивость европейской модели прав человека зависит от способности судов и законодателя удерживать достоинство личности, равенство и эффективную судебную защиту в качестве реальных ограничителей власти, а не декоративных принципов.

Именно поэтому дальнейшее развитие правозащитных механизмов в ЕС должно идти по линии усиления процессуальных гарантий, конституционного контроля за цифровыми технологиями, недопущения скрытой дискриминации и более строгой проверки ограничений свободы религии и миграционных прав. Только в этом случае европейское право сможет сохранить свой гуманистический потенциал в условиях новой технологической и политической турбулентности.

Список литературы:

- [1] Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal of the European Union. 2012/C 326/02.
- [2] Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 2012/C 326/01.
- [3] Basic Law for the Federal Republic of Germany (Grundgesetz). Official English translation. Gesetze im Internet.
- [4] Asylum Act (Asylgesetz). Official English translation. Gesetze im Internet.
- [5] Act on the Residence, Economic Activity and Integration of Foreigners in the Federal Territory (Residence Act – AufenthG). Official English translation. Gesetze im Internet.
- [6] Constitution du 4 octobre 1958; Déclaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789 // Légifrance.
- [7] Loi n° 2004-228 du 15 mars 2004 encadrant, en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appartenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics // Journal officiel de la République française. 2004.
- [8] Loi n° 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public // Journal officiel de la République française. 2010.
- [9] Loi n° 2023-380 du 19 mai 2023 relative aux

jeux Olympiques et Paralympiques de 2024 et portant diverses autres dispositions // Journal officiel de la République française. 2023.

[10] Décret n° 2023-828 du 28 août 2023 relatif aux modalités de mise en œuvre des traitements algorithmiques sur les images collectées au moyen de systèmes de vidéoprotection et de caméras installées sur des aéronefs // Journal officiel de la République française. 2023.

[11] Code de la sécurité intérieure. Titre V : Vidéoprotection // Légifrance.

[12] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 15 December 1983, 1 BvR 209/83 (Census Act decision).

[13] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 18 July 2012, 1 BvL 10/10, 1 BvL 2/11 (Asylum Seekers Benefits Act).

[14] Federal Constitutional Court of Germany. Order of 27 January 2015, 1 BvR 471/10, 1 BvR 1181/10 (Headscarf ban for teachers).

[15] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 19 May 2020, 1 BvR 2835/17 (Foreign telecommunications surveillance by the BND).

[16] Federal Constitutional Court of Germany. Order of 24 March 2021, 1 BvR 2656/18 and others (Federal Climate Change Act).

[17] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 16 February 2023, 1 BvR 1547/19 and others (Automated data analysis).

[18] ECtHR. Basu v. Germany, no. 215/19, Judgment of 18 October 2022.

[19] Conseil constitutionnel. Décision n° 2018-717/718 QPC du 6 juillet 2018.

[20] Conseil constitutionnel. Décision n° 2018-765 DC du 12 juin 2018.

[21] Conseil constitutionnel. Décision n° 2023-850 DC du 17 mai 2023.

[22] Conseil d'État. Décision n° 403578 du 26 septembre 2016; décision du 17 juillet 2023 concernant l'interdiction de tenues religieusement connotées sur les plages.

[23] ECtHR. Amuur v. France, no. 19776/92, Judgment of 25 June 1996.

[24] ECtHR. Gebremedhin [Gaberamadhien] v. France, no. 25389/05, Judgment of 26 April 2007.

[25] ECtHR. De Souza Ribeiro v. France [GC], no. 22689/07, Judgment of 13 December 2012.

[26] ECtHR. Khan v. France, no. 12267/16, Judgment of 28 February 2019.

[27] ECtHR. K.I. v. France, no. 5560/19, Judgment of 15 April 2021.

[28] ECtHR. S.A.S. v. France [GC], no. 43835/11, Judgment of 1 July 2014.

[29] ECtHR. Seydi and Others v. France, no. 35844/17, Judgment of 26 June 2025.

[30] Court of Justice of the European Union. M and Others (Revocation of refugee status), Joined Cases C-391/16, C-77/17 and C-78/17, Judgment of 14 May 2019.

[31] European Union Agency for Fundamental Rights. Fundamental Rights Report 2025. Luxembourg, 2025.

[32] European Union Agency for Fundamental Rights. Being Muslim in the EU – Experiences of Muslims. Luxembourg, 2024.

[33] European Commission. 2025 Rule of Law Report. Brussels, 2025.

[34] CNIL. 2024 Olympics: CNIL's Q&A on your privacy and freedoms. 25 June 2024.

[35] CNIL. Facial recognition: for a debate living up to the challenges. Paris, 2019.

[36] European Court of Human Rights. Guide on Article 14 of the Convention and on Article 1 of Protocol No. 12; Factsheet "Racial profiling". Strasbourg, 2025.

[37] McCrudden C. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. No. 4.

[38] Grimm D. The Role of Fundamental Rights after Sixty-Five Years of Constitutional Jurisprudence in Germany // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. No. 1.

[39] Enders C. A Right to Have Rights – The German Constitutional Concept of Human Dignity // NUJS Law Review. 2010. Vol. 3. No. 3.

[40] Fikfak V., Izvorova L. Language and Persuasion: Human Dignity at the European Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2022. Vol. 22. No. 3.

[41] Pearson M. What Happened to 'Vivre Ensemble?': Developments after S.A.S. v France // Oxford Journal of Legal Studies. 2021. Vol. 10. No. 2.

[42] Elliot-Williams G. Protection of the Right to Manifest Religion or Belief under the European Convention on Human Rights in S.A.S. v France // Oxford Journal of Law and Religion. 2016. Vol. 5. No. 2.

[43] Bennoune K. Secularism and Human Rights: A Contextual Analysis of Headscarves, Religious Expression, and Women's Equality under International Law // Columbia Journal of Transnational Law. 2007. Vol. 45. No. 2.

[44] Hennette-Vauchez S. Human Dignity in French Law // In: The Cambridge Handbook of Human Dignity / ed. by M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth. Cambridge, 2014.

References:

[1] Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal of the European Union. 2012/C 326/02.

[2] Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 2012/C 326/01.

[3] Basic Law for the Federal Republic of Germany (Grundgesetz). Official English translation. Gesetze im Internet.

[4] Asylum Act (Asylgesetz). Official English translation. Gesetze im Internet.

[5] Act on the Residence, Economic Activity and Integration of Foreigners in the Federal Territory (Residence Act – AufenthG). Official English translation. Gesetze im Internet.

[6] Constitution du 4 octobre 1958; Déclaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789 // Légifrance.

[7] Loi n° 2004-228 du 15 mars 2004 encadrant,

en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appartenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics // Journal officiel de la République française. 2004.

[8] Loi n° 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public // Journal officiel de la République française. 2010.

[9] Loi n° 2023-380 du 19 mai 2023 relative aux jeux Olympiques et Paralympiques de 2024 et portant diverses autres dispositions // Journal officiel de la République française. 2023.

[10] Décret n° 2023-828 du 28 août 2023 relatif aux modalités de mise en œuvre des traitements algorithmiques sur les images collectées au moyen de systèmes de vidéoprotection et de caméras installées sur des aéronefs // Journal officiel de la République française. 2023.

[11] Code de la sécurité intérieure. Titre V : Vidéoprotection // Légifrance.

[12] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 15 December 1983, 1 BvR 209/83 (Census Act decision).

[13] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 18 July 2012, 1 BvL 10/10, 1 BvL 2/11 (Asylum Seekers Benefits Act).

[14] Federal Constitutional Court of Germany. Order of 27 January 2015, 1 BvR 471/10, 1 BvR 1181/10 (Headscarf ban for teachers).

[15] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 19 May 2020, 1 BvR 2835/17 (Foreign telecommunications surveillance by the BND).

[16] Federal Constitutional Court of Germany. Order of 24 March 2021, 1 BvR 2656/18 and others (Federal Climate Change Act).

[17] Federal Constitutional Court of Germany. Judgment of 16 February 2023, 1 BvR 1547/19 and others (Automated data analysis).

[18] ECtHR. Basu v. Germany, no. 215/19, Judgment of 18 October 2022.

[19] Conseil constitutionnel. Décision n° 2018-717/718 QPC du 6 juillet 2018.

[20] Conseil constitutionnel. Décision n° 2018-765 DC du 12 juin 2018.

[21] Conseil constitutionnel. Décision n° 2023-850 DC du 17 mai 2023.

[22] Conseil d'État. Décision n° 403578 du 26 septembre 2016; décision du 17 juillet 2023 concernant l'interdiction de tenues religieusement connotées sur les plages.

[23] ECtHR. Amuur v. France, no. 19776/92, Judgment of 25 June 1996.

[24] ECtHR. Gebremedhin [Gaberamadhien] v. France, no. 25389/05, Judgment of 26 April 2007.

[25] ECtHR. De Souza Ribeiro v. France [GC], no. 22689/07, Judgment of 13 December 2012.

[26] ECtHR. Khan v. France, no. 12267/16, Judgment of 28 February 2019.

[27] ECtHR. K.I. v. France, no. 5560/19, Judgment of 15 April 2021.

[28] ECtHR. S.A.S. v. France [GC], no. 43835/11, Judgment of 1 July 2014.

[29] ECtHR. Seydi and Others v. France, no. 35844/17, Judgment of 26 June 2025.

[30] Court of Justice of the European Union. M and Others (Revocation of refugee status), Joined Cases C-391/16, C-77/17 and C-78/17, Judgment of 14 May 2019.

[31] European Union Agency for Fundamental Rights. Fundamental Rights Report 2025. Luxembourg, 2025.

[32] European Union Agency for Fundamental Rights. Being Muslim in the EU – Experiences of Muslims. Luxembourg, 2024.

[33] European Commission. 2025 Rule of Law Report. Brussels, 2025.

[34] CNIL. 2024 Olympics: CNIL's Q&A on your privacy and freedoms. 25 June 2024.

[35] CNIL. Facial recognition: for a debate living up to the challenges. Paris, 2019.

[36] European Court of Human Rights. Guide on Article 14 of the Convention and on Article 1 of Protocol No. 12; Factsheet "Racial profiling". Strasbourg, 2025.

[37] McCrudden C. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. No. 4.

[38] Grimm D. The Role of Fundamental Rights after Sixty-Five Years of Constitutional Jurisprudence in Germany // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13. No. 1.

[39] Enders C. A Right to Have Rights – The German Constitutional Concept of Human Dignity // NUJS Law Review. 2010. Vol. 3. No. 3.

[40] Fikfak V., Izvorova L. Language and Persuasion: Human Dignity at the European Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2022. Vol. 22. No. 3.

[41] Pearson M. What Happened to 'Vivre Ensemble?': Developments after S.A.S. v France // Oxford Journal of Legal Studies. 2021. Vol. 10. No. 2.

[42] Elliot-Williams G. Protection of the Right to Manifest Religion or Belief under the European Convention on Human Rights in S.A.S. v France // Oxford Journal of Law and Religion. 2016. Vol. 5. No. 2.

[43] Bennoune K. Secularism and Human Rights: A Contextual Analysis of Headscarves, Religious Expression, and Women's Equality under International Law // Columbia Journal of Transnational Law. 2007. Vol. 45. No. 2.

[44] Hennette-Vaucher S. Human Dignity in French Law // In: The Cambridge Handbook of Human Dignity / ed. by M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth. Cambridge, 2014.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.02.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 01.04.2026 г.

КОНОНОВ Давид Александрович,

кандидат юридических наук,
научный сотрудник НИИ образования и науки,
руководитель практики «Сопровождение процедур банкротства
и антикризисный консалтинг»
юридической компании «ЛКП»,
e-mail: mail@h-rights.online

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЭЛЕКТРОННОМ ПРАВОСУДИИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены научные мнения по поводу сущности и правовой природы электронного правосудия, приведены варианты его определений, рассмотрены методологические основы его исследования, проанализированы различные практические аспекты его реализации. Настоящая статья посвящена исследованию проблематики электронного правосудия в контексте гражданского и арбитражного процесса.

Ключевые слова: электронное правосудие, гражданский процесс, арбитражный процесс, интернет-технологии, информационные технологии, искусственный интеллект.

KONONOV David Alexandrovich,

Candidate of Law,
researcher at the Research Institute of Education and Science,
head of the practice «Support of bankruptcy procedures
and anti-crisis consulting» of the law firm «LKP»

PROPOSAL, METHODOLOGICAL FOUNDATIONS AND FEATURES OF THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. The article examines scientific opinions on the essence and legal nature of electronic justice, provides options for its definitions, considers the methodological foundations of its research, and analyzes various practical aspects of its implementation. This article is devoted to the study of the problems of electronic justice in the context of civil and arbitration proceedings.

Key words: electronic justice, civil procedure, arbitration process, Internet technologies, information technology, artificial intelligence.

В контексте всё более возрастающей роли Всемирной сети во всех сферах жизни необходимо рассмотреть его влияние на такой важный государственный институт, как суд. Будучи отдельной ветвью власти, судебная система выполняет важнейшую роль по урегулированию конфликтов, возникающих между участниками общественных отношений, на основании закона, благодаря чему одновременно реализуется установленная государством законодательство, а также удовлетворяются интересы указанных участников. Ввиду этого, значение влияния Интернета на суд и судебную деятельность представляет собой особый интерес, так как глобальная сеть показала, что она многократно увеличивает эффективность любой деятельности, вследствие

чего воздействие Интернета на судебную систему также должна показать аналогичные результаты. Во исполнение указанных целей, в Российской Федерации была предпринята активная деятельность по внедрению в судопроизводство информационно-коммуникационных технологий. Примечательно, что именно наше государство является пионером в вопросе информатизации государственной деятельности на международной арене. Российская власть достаточно рано осознала, что использование Интернета органами власти оптимизирует их работу, и в особенности деятельность судебной власти, так как она заключается в постоянном взаимодействии с гражданами и организациями, намного большем чем в органах иных ветвей власти. В этих целях, в 2010 г.

был принят Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», который дополнял ч. 1 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации следующей нормой – «Лица, участвующие в деле, также вправе представлять в арбитражный суд документы в электронном виде, заполнять формы документов, размещенных на официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет, в порядке, установленном в пределах своих полномочий Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации». С тех пор началась постепенная цифровизация российского судопроизводства, которая стабильно набирала обороты на протяжении всех 2010-ых гг. и неожиданным образом оказала существенную поддержку российской судебной системе во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 г. После глобального санитарно-гигиенического кризиса стало окончательно ясно, что электронное правосудие стало неотъемлемым элементом современной юридической реальности, и в ближайшем будущем продолжит своё бурное развитие.

При этом важно отметить, что электронное правосудие в гражданском и арбитражном процессе уже стало объектом активного изучения отечественных учёных. Данное явление рассматривали в своих научных трудах С.В. Романенкова, О.И. Виляк, Л.Ю. Грудцына, И.Н. Лукьянова, Р.С. Бурганов, А.В. Аносов, В.А. Мирошникова, В.А. Пономаренко, Р.А. Шарифуллин, С.Ю. Шараев, С.А. Иванова, Ю.А. Жданова, Л.В. Борисова, Р.Г. Бикмиев и так далее. В силу того, что воздействие информационных технологий на гражданский и арбитражный процесс возникло сравнительно недавно, этот факт является причиной различий в доктринальных дефинициях указанного понятия. Так, О.И. Виляк указывает на то, что электронное правосудие связано с активным внедрением в практику суда информатизированных систем и автоматизацией судопроизводства [1, с. 13]. С.Ю. Шараев понимает под электронным правосудием «способом осуществления правосудия с использованием информационных технологий» [2]. А.В. Аносов считает, что электронное правосудие есть «способ и форма осуществления участниками судопроизводства процессуальных действий с использованием информационных технологий» [3, с. 78]. Важно отметить, что в приведённых определениях электронное правосудие воспринимается как способ осуществления правосудия при помощи интернет-технологий, что представляется самым простым и широко распространённым мнением в российской доктрине.

Однако, Л.В. Борисова предлагает воспринимать понятие электронного правосудия в широком и узком смыслах, и определение, предлагаемое А.В. Аносовым, по её мнению «не отражает всех его признаков и является излишне обобщённым» [4, с. 107], в связи с чем Л.В. Борисова предлагает своё собственное, более конкретизированное определение электронного правосудия, которое по её мнению

является «возможность суда и иных участников процесса осуществлять в электронной форме предусмотренные нормативными правовыми актами действия, непосредственно влияющие на начало и ход судебного разбирательства» [4, с. 109], то есть на данный момент электронное правосудие не является способом осуществления правосудия как такового, но лишь возможной формой осуществления ряда процессуальных действий в рамках цивилистического процесса. Также следует упомянуть позицию В.В. Момотова, вводящего термин «цифровое правосудие», которое он предлагает разграничить от понятия собственно электронного правосудия ввиду того, что они соотносятся как свойство среды и форма хранения информации [5]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что на настоящий момент в отечественной науке не сформировалось единого мнения по поводу сущности и правовой природы понятия электронного правосудия, ввиду чего существуют различные варианты его дефиниций. Безусловно, рассматриваемое явление представляет собой определённую связь между арбитражным и гражданским процессами и информационными технологиями, тем не менее как по причине недавнего возникновения электронного правосудия, так и ввиду разнообразия природы сочетания указанных технологий и цивилистического процесса, различные авторы предлагают разные определения данного феномена, подчёркивая разные его аспекты.

При этом важно отметить, что в качестве правового явления электронное правосудие отличается от привычных для доктрины юридических феноменов, так как обладает особыми сущностными свойствами, определяемыми его технологическим и информационным компонентами. В связи с этим, для формирования объективного представления об электронном правосудии необходимо определить методологические основы, благодаря которым возможно восприятие сущности предмета настоящего исследования. Ввиду того, что электронное правосудие представляет собой использование информационных технологий в судопроизводстве, для формирования более ясного представления об этом явлении необходимо применение методов технических наук, что в определённом смысле является методологической новацией в правовой доктрине (конечно, если не считать технические нормы, исследование которых также требует применения подобных методов научного познания, однако однозначно в меньшей степени, чем электронное правосудие) [9].

Так, помимо универсальных методов познания, используемых в любом научном исследовании, такие как анализ и синтез, дедукция и индукция, абстрагирование и обобщение, конкретизация и аналогия и так, для изучения указанного явления также должны применяться юридические методы познания, большинство из которых характерны для наук социально-гуманитарного цикла, однако есть также методы, присущие исключительно юридическим наукам, что обусловлено спецификой объекта исследования. Так, к общегуманитарным методам относятся

исторический, герменевтический, формально-догматический, в свою очередь к методам научного познания, характерных для юриспруденции, можно отнести специально-юридический метод, сравнительно-правовой, метод социально-правового эксперимента, государственно-правового моделирования, социологических исследований в праве. В свою очередь, к методам познания технических наук, используемых при исследовании электронного правосудия, следует в первую очередь отнести кибернетический метод, заключающийся в использовании законов и средств кибернетической науки, компьютерное моделирование, идеализация и эксперимент. Совокупность указанных методов составляет методологические основы исследования электронного правосудия, и научному юридическому сообществу лишь предстоит более детальная проработка методологии изучения данного правового явления с наибольшим охватом теоретических особенностей его природы.

Акцент на научной методологии в данном вопросе необходим для того, чтобы в правовой доктрине было сформировано единое представление об электронном правосудии, разделяемое всеми исследователями, с возможным дальнейшим закреплением разработанной общепринятой дефиниции в форме правовой нормы. Подобное закрепление бесспорно окажет конструктивное влияние на восприятие феномена электронного правосудия субъектами процессуальных отношений, в первую очередь судебного сообщества и в особенности аппарата судов, а также непосредственными участниками судебного разбирательства и лицами, содействующими правосудию, так как благодаря этому станет возможным применение указанного термина исходя из его дефинитивной определённости, что однозначно упростит взаимопонимание между процессуальными субъектами [7].

Стоит отметить, что возможно в процессе теоретического исследования понятия электронного правосудия, будут сформулированы новые понятия, конкретизирующие, заменяющие или раскрывающие определённые аспекты изучаемого явления, что вполне возможно как ввиду активного развития интернет-технологий, так и адаптации концепции электронного правосудия под процессуальное законодательство. При этом, подобное станет возможным только в результате глубокого теоретического анализа указанного понятия, что в свою очередь может быть осуществлено исключительно благодаря верной методологии, корректно учитывающей специфику предмета исследования. Однако на сегодняшний день данный аспект проблематики электронного правосудия не разработан в отечественной доктрине, будучи обделён вниманием исследователей, больше обращающих академический интерес на вопросы более прикладного характера, при этом благодаря хорошо разработанной методологии изучения электронного правосудия возможен также и их пересмотр [8].

Несмотря на то, что в современной правовой

доктрине России сущность, дефиниция и методологические основы электронного правосудия продолжают вызывать обоснованные дискуссии и представляется, что в ближайшее время они не прекратятся, но напротив, будут набирать обороты, тем не менее электронное правосудие является неотъемлемой частью сегодняшней юридической практики, вследствие чего анализ его непосредственной реализации окажет посильную помощь в теоретической рефлексии рассматриваемого понятия. Так, как феномен современного права, электронное правосудие имеет два аспекта выражения – с одной стороны, это применение интернет-технологий в рамках судебного разбирательства, а также формирование цифровой судебной практики. Первый аспект связан с тем, каким образом интернет-технологии оказывают влияние на непосредственный ход самого судопроизводства. Следует отметить, что работа суда по отправлению правосудия составляет большую часть предмета регулирования процессуального законодательства, так как только соответствие его строгой регламентации может обеспечить вынесение справедливого решения, соответствующего духу закона, в противном случае суд де факто будет осуществлять произвол [6].

Именно в связи с этим влияние интернет-технологий на судопроизводство и реализацию процессуальных прав и свобод человека и гражданина имеет огромное значение, так как изначально существующие как гражданский, так и арбитражный процессы не предполагали активного вмешательства интернет-технологий в работу судебных органов при рассмотрении гражданских и арбитражных дел соответственно. Одновременно с этим, на нынешнем этапе правового развития нашей страны судебную практику уже невозможно представить не в цифровом формате, что однозначно меняет её роль и влияние на правовую культуру в России, а также характер регулирования общественных отношений в экономической сфере. Подобное серьёзное изменение, являющееся одним из важнейших признаков современной российской правовой системы, бесспорно является результатом электронного правосудия, что демонстрирует степень его влияния и значения в данном вопросе, и, следовательно, предполагает более подробное рассмотрение.

Список литературы:

- [1] Вилияк О.И. Процессуально-правовые и организационно-технические проблемы использования видеоконференцсвязи в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 7. С. 13-20.
- [2] Шараев С.Ю. Электронное правосудие: итоги и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/action/regional/271319/> (дата обращения: 19.05.2024).
- [3] Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 179 с.

[4] Борисова Л.В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 105-111.

[5] Момотов В.В. Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность [Электронный ресурс]. URL: <http://mos.ssrf.ru/dokumenty/obzory/42276> (дата обращения: 23.05.2024).

[6] Жданова Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 80-83.

[7] Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26-31.

[8] Лукьянова И.Н. Доказательства в гражданских делах в эпоху электронного правосудия // Вестник ВГУ. — Серия : Право. 2018. № 4. С. 130-136.

[9] Пономаренко В. А. Новое упрощенное производство: эра электронного правосудия наступила? // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3. С. 25-30.

References:

[1] Vilyak O.I. Procedural, legal, organizational and technical problems of using videoconferencing in arbitration proceedings // Arbitration and civil procedure. 2012. No. 7. pp. 13-20.

[2] Sharaev S.Yu. Electronic justice: results and prospects [Electronic resource]. URL: <http://www.garant.ru/action/regional/271319/> (date of access: 19.05.2024).

[3] Anosov A.V. Information and legal issues of the formation of electronic justice in the Russian Federation: diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2016. 179 p.

[4] Borisova L.V. Electronic justice as a form of judicial protection in Russia // Current issues of Russian law. 2020. Vol. 15. No. 6. Pp. 105-111.

[5] Momotov V.V. Electronic Justice in the Russian Federation: Myth or Reality [Electronic resource]. URL: <http://mos.ssrf.ru/dokumenty/obzory/42276> (date of access: 05/23/2024).

[6] Zhdanova Yu.A. Legal Nature of Electronic Justice and Its Place in the System of Information Society Institutions // Administrative Law and Process. 2015. No. 4. Pp. 80-83.

[7] Romanenkova S.V. The Concept of Electronic Justice, Its Genesis and Implementation in Law Enforcement Practice of Foreign Countries // Arbitration and Civil Procedure. 2013. No. 4. Pp. 26-31.

[8] Lukyanova I.N. Evidence in Civil Cases in the Era of Electronic Justice // VSU Bulletin. — Series: Law. 2018. No. 4. pp. 130-136.

[9] Ponomarenko V. A. New Simplified Proceedings: Has the Era of Electronic Justice Arrived? // Arbitration and Civil Procedure. 2013. No. 3. pp. 25-30.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.03.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 01.04.2026 г.

ГАЗИМАГОМЕДОВ Магомед Аминович,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Института адвокатуры, нотариата и международных отношений,

и.о. профессора кафедры уголовного права и криминологии

Института финансов и права, член Ассоциации юристов России,

e-mail: mail@h-rights.online

РАЗВИТИЕ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЦЕДЕНТНОГО ПРАВА В АСПЕКТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Вплоть до начала XX в. законодательная активность американских властей была минимальной. Подавляющее большинство правовых норм имело исключительно прецедентное происхождение. Поэтому европейская попытка закрыть правотворчество в стенах парламентов была здесь в принципе немыслима. Американские юристы не тратили силы на то, чтобы признать реальное отсутствие правотворческой монополии у законодателей, как их коллеги во Франции. Вопрос состоял лишь в том, чтобы перестать скрывать это правотворчество за ширмой декларативной теории, изучить этот феномен пристальнее и признать куда большую роль судебного усмотрения, чем традиционно допускала классическая доктрина *stare decisis*.

Ключевые слова: прецедентное право в США, правотворчество, реализация прав человека, судебное усмотрение в США, толкование права.

GAZIMAGOMEDOV Magomed Aminovich,

Candidate of Law,

Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines

at the Institute of Advocacy, Notaries, and International Relations,

Acting Professor of the Department of Criminal Law and Criminology

at the Institute of Finance and Law, Member of the Association of Lawyers of Russia

DEVELOPMENT OF AMERICAN CASE LAW IN THE ASPECT OF HUMAN RIGHTS

Annotation. Until the early 20th century, legislative activity by American authorities was minimal. The overwhelming majority of legal norms derived exclusively from precedent. Therefore, the European attempt to confine lawmaking to parliamentary institutions was fundamentally unthinkable. American legal scholars did not expend energy recognizing the genuine lack of a lawmaking monopoly among legislators, as their French counterparts did. The only question was to stop concealing this lawmaking behind the veil of declaratory theory, to study this phenomenon more closely, and to recognize a far greater role for judicial discretion than traditionally allowed by the classical doctrine of *stare decisis*.

Key words: case law in the United States, lawmaking, human rights enforcement, judicial discretion in the United States, legal interpretation.

Научный дискурс первой половины XX в. в отношении вопросов толкования законов в аспекте реализации прав человека не был особенно продуктивным. Одна из немногих идей, которые реалисты передали следующим поколениям ученых, состояла в признании пробельности и неопределенности норм позитивного и в том числе законодательного регулирования и констатации отсутствия четкой иерархии и системы толкования законов. Это давало суду значительный простор для усмотрения при толковании. В то же время многие реалисты были сторонниками законодательных реформ Нового курса администрации Франклина Рузвельта и поэтому испытывали куда меньше недоверия к са-

мой идее законодательного правотворчества, чем их предшественники - юристы XIX в. Как отмечает Попкин (Popkin), правовые реалисты симпатизировали законодательству, и хотя в целом они мало уделяли внимания вопросам толкования законов, если они и могли что-то сказать на этот счет, так это признать целесообразность объективно-телеологического толкования (например, Радин). [1, с. 144-146]

Одновременно в течение первой половины XX в. объем законодательства нарастал как снежный ком. В этих условиях суды постепенно отказались от своей антагонистической позиции в отношении законов и приняли законотворчество как легитимный способ создания права.

В этих условиях отчасти благодаря реалистам, но в большей степени - Паунду и Кардозо, а также таким судьям, как Л. Хэнд (Hand), в судебной среде и научной общественности к концу 1930-х годов стал формироваться консенсус о том, что законы должны толковаться с учетом идей справедливости и целей законодательного регулирования. [2] Хэнд в одном из своих судебных решений в 1945 г. писал: «Конечно же, это правда, что использованные в тексте слова, даже в своем буквальном смысле, является основным, и обычно наиболее надежным, источником толкования значения любого текста, будь это закон, контракт или что-либо еще. Но очевидным признаком зрелой и развитой правовой науки является отказ создавать крепость из словарей и признание того факта, что законы имеют цели, ради которых они принимаются, творческое открытие которых является самым надежным методом определения их смысла». [3, р. 133]

В общих чертах можно выделить следующие характерные черты современного подхода американских судов к толкованию законов.

1. Отказ от «судебного шаманизма» и прямой анализ политики права в сложных спорах о толковании законов, рассматриваемых в высших и апелляционных судах. Верховный суд США честно пытается балансировать различные интересы и ценности, подкрепляющие те или иные варианты толкования. Суды куда более озабочены содержательной рациональностью толкования законов, чем их коллеги на континенте или в Англии. [4, р. 456-457] При решении сложного вопроса толкования Верховный суд достаточно прямо и свободно анализирует преимущества и недостатки разных вариантов толкования, используя диалогический стиль и не пытаясь выдать свое итоговое решение за абсолютно механически вытекающее из позитивного права. Суды в целом признают, что при толковании законов отсутствует какая-либо четкая иерархия методов толкования, и в принципе суд вправе выбирать тот вариант толкования, который он считает наиболее приемлемым. Суд не пытается скрывать ту степень свободы усмотрения, которую он реально использует при толковании законов. [4, р. 446]

2. При выборе приемлемого варианта толкования суд может принимать в расчет различные аргументы. Среди них - аргументы о буквальном смысле текста, о системной согласованности норм, об установленной воле законодателя, о целях самого закона, о прагматических последствиях того или иного толкования, о явно устаревшем характере закона, о применении укорененных принципов толкования, о доминирующих взглядах ученых, о согласованности с укорененными правовыми доктринами и концепциями, об устоявшемся в судебной практике варианте толкования соответствующей нормы и др. Роберт Саммерс (Summers), анализируя практику толкования законов американскими судами, выделяет 22 таких интерпретативных аргумента. [4, р. 412-419] Де-факто суды пытаются лавировать между этими аргументами и балансировать различные ценности,

стоящие за ними (верховенство права, разделение властей, прагматические последствия, права человека и т.п.). Так, суды по общему правилу предпочитают придавать нормам буквальный смысл, но могут отступить от этой презумпции, если, например, будет доступна информация об иной воле исторического законодателя или очевидна иная объективная цель этой нормы, или буквальное применение нормы приводит к явно абсурдному или несправедливому результату. Такое отступление, как отмечает Саммерс, встречается не так часто, как буквальное применение нормы. Для отступления от буквального смысла конкурирующие аргументы должны быть очевидными и достаточно сильными. При этом, если аргумент о буквальном смысле указывает на тот вариант интерпретации, который одновременно поддерживает еще и аргументом о структурной согласованности этой нормы с иными нормами этого закона или иных законов, то суды будут отступать от буквального толкования еще менее охотно. [4, р. 430-441] Но совсем другая картина возникает, если норма закона носит достаточно общий, неопределенный или неоднозначный характер. В такой ситуации аргумент о буквальном смысле выражен достаточно слабо, и поэтому на первый план выходят аргументы о системной согласованности, об объективных целях закона, о воле исторического законодателя, о наиболее справедливом варианте толкования и иные подобные доводы. [4, р. 441-443] Существует и масса других локальных презумпций, таких, например, как повышенная роль аргумента о буквальном смысле закона в уголовном праве. [4, р. 448]

3. В разные периоды Верховный суд США склонялся то к тому, чтобы придавать несколько больший вес аргументам о воле исторического законодателя (интенционалистский уклон), то к приоритетному учету объективно-телеологических соображений (прагматический уклон), то к большему вниманию к формальным аргументам о буквальном смысле и системной согласованности (формальный уклон). Так, в частности, до 1980-х годов при толковании законов доминировал отчасти объективно-телеологический, а отчасти интенционалистский подход. [4, р. 457] Классическим примером интенционалистского толкования является знаменитое решение по делу «Holy Trinity v. United States» (143 U.S. 457, 1892), в котором суд истолковал закон, вводящий ограничения на привлечение иностранной рабочей силы, как не распространяющийся на приглашение на работу зарубежного священника в одну из христианских церквей в силу того, что анализ законодательных материалов показал суду, что основная цель закона состояла в ограничении трудовой иммиграции низкооплачиваемых рабочих. [3, р. 121] Классическими примерами объективно-телеологического подхода являлись многочисленные судебные решения Верховного суда США, принятые в эпоху председательства судьи Уоррена (Warren Court) в 1950 - 1960-е годы, в которых те или иные нормы Конституции США толковались исходя из современного понимания целей права (в первую очередь решения о не-

конституционности расовой сегрегации). [5, р. 237] В то же время, к концу 1980-х годов Верховный суд, в котором в период президентства Рональда Рейгана начали доминировать консервативно настроенные судьи, все чаще стал придерживаться более формальной методологии, стараясь без очевидной необходимости не отступать от буквального смысла или аргументов о системной согласованности текста закона.

Сейчас такой подход (так называемый новый текстуализм) стал очень влиятельным, а один из самых известных судей Верховного суда США Антонин Скалия (Scalia) является апологетом такого более сдержанного и формального метода толкования. [6]

Судебное правотворчество практически полностью покрывало такие сферы, как договорное, деликтное, вещное и многие другие области частного права. Механизм реального функционирования этой системы достаточно прост. Суд, впервые сталкивающийся с каким-то спором, в отношении которого не существует прецедента (*case of first impression*), выносит решение исходя из собственного понимания политики права, пытаясь найти решение, которое в наибольшей степени соответствовало бы идее справедливости, устоявшимся принципам права и таким ценностям, как определенность и согласованность права. [7, р. 366] По сути, тем самым суд создает норму и применяет ее ретроспективно к конкретному спору. У этой технологии есть свои ограничения. Так, например, суды в силу принципа *nulla poena sine lege* в целом не склонны ретроспективно создавать новые составы преступлений. [7, р. 368] Но в целом практически все частное право США формировалось именно так.

Впоследствии при поддержке этого решения судом высшей инстанции формируется прецедент, становящийся формально обязательным для последующих споров, рассматриваемых судами низших инстанций. Точнее говоря, обязательной считается только та правовая позиция, которая стала основной предпосылкой для вынесения решения (*ratio decedendi*). Дополнительные аргументы, которые суд приводит для поддержки сделанного вывода (*obiter dictum*), считаются формально не обязательной для последующих споров, но иногда оказывают важное убеждающее влияние. Впоследствии при рассмотрении аналогичных споров суд определяет соответствие между фактами рассматриваемого спора и фактами прецедентного решения. При совпадении суд теоретически обязан дедуктивно применить правовую позицию прецедента. Но на практике суды, как это верно подметили реалисты, не в полной мере связаны прецедентами.

Во-первых, суды того же или более высокого уровня, что и суд, создавший прецедент, вправе отойти от него в новом споре и установить новый прецедент (*overruling*). Такое изменение правовой позиции в первой половине XX в., как правило, осуществлялось ретроспективно. Иначе говоря, новая правовая позиция начинает применяться ко всем отношениям, имевшим место и тогда, когда еще действовал

старый прецедент. Исключительно перспективный пересмотр собственных прецедентов (*prospective overruling*) распространился в практике Верховного и апелляционных судов уже после Второй мировой войны. Согласно данной практике суд в качестве исключения может отойти от общего правила ретроспективного пересмотра прецедента и придать новому правилу исключительно перспективное значение, если ретроспективное его применение может вызвать значительные негативные последствия для сторон, ранее полагавшихся на старый прецедент. В такой ситуации суд применяет новую правовую позицию в отношении участников этого спора, создавая тем самым стимулы добиваться пересмотра устаревших прецедентов, но прямо указывает, что к отношениям других граждан, возникшим до создания этого нового прецедента, он не применяется. [7, р. 398] Американские суды достаточно часто практиковали перспективное изменение судебной практики в 1960-е годы, но в последнее время используют этот метод достаточно редко. Куда чаще суды изменяют прецеденты, как это и было принято раньше, сугубо ретроспективно.

Во-вторых, *ratio decedendi* прецедентов, как правило, никак не выделяется в тексте. Соответственно, определение того, что является обязательной правовой позицией, осуществляется судами, которые обязаны этот прецедент применять. Обычно решение мотивируется рядом аргументов и выносится на основе оценки целого ряда фактических обстоятельств. *Ratio decedendi* выглядит так: если Ф1, Ф2, Ф3... Фх, то П, где Ф - это различные обстоятельства спора, а П - сформированная правовая позиция. В этих условиях от судьи, перед которым стоит вопрос о применении этого прецедента, зависит, какой объем фактических обстоятельств прецедентного спора является определяющим для принятого решения, а какие условия не имеют такого значения. В каждом новом споре фактические обстоятельства, как правило, не совпадают на 100% с обстоятельствами прецедентного дела. Либо в новом споре отсутствует какое-то фактическое обстоятельство, имеющееся в прецеденте, либо, наоборот, в новом споре имеется какой-то фактический нюанс, который отсутствовал в прецеденте. Только суд определяет, достаточно ли эти отличия в фактах серьезны для того, чтобы «отличить» новый спор от имеющегося прецедента. [7, р. 390-392]

Этот нюанс оставляет судам достаточно большой простор для дальнейшего уточнения прецедентного правила и формирования исключений из него. Если, например, старый прецедент устанавливает правовую позицию о свободе завещания, а в новом споре обстоятельства идентичны прецедентному делу, за исключением того, что наследник убил наследодателя, то прерогатива суда, рассматривающего новый спор, - определить, насколько фактический нюанс нового спора принципиален. Если суд приходит к выводу, что политика права того требует, то он на основании наличия в новом споре этой особенности «отличает» его от прецедента, признает

пробел в позитивном праве и создает новый прецедент, включающий в свой фактический состав убийство наследодателя.

В новом прецеденте свобода завещания отменяется на случай убийства наследодателя наследником. В дальнейшем суды, применяющие этот новый прецедент, могут столкнуться со спором, в котором появится новый фактический нюанс, вызывающий к соответствующей политико-правовой реакции. Например, наследник убивает наследодателя в порядке самообороны. И в этом споре суд на основании этого отличия может отойти от прецедента об отказе наследнику-убийце в наследстве и вынести новое прецедентное решение уже в пользу наследника. [7, р. 373]

Именно в этих механизмах заложена причина мобильности и гибкости судебного правотворчества в стиле общего права. Американское договорное право, например, значительно изменилось за последние 150 лет. Влияние законодательства в этом изменении, безусловно, имелось (например, принятие ЕТК, законодательство о трудовых гарантиях прав работников). Но в значительной степени общее право обновлялось само в силу встроенных в его методологию приемов легитимизации случаев отхода от принципа *stare decisis*. Оба вышеуказанных приема отступления от этого принципа (*overruling* и *distinguishing*) в своей основе имеют оценку судом политики права и значительную степень свободы усмотрения. Оценка политики права меняется в зависимости от социального, экономического и культурного прогресса общества. Соответственно, обеспечивается и прогресс правовых форм. Иначе бы частное право США просто бы катастрофически устарело и не было бы способно соответствовать потребностям бурно развивающейся экономики и меняющимся культурным установкам.

В целом, как отмечается в литературе, американские суды следуют принципу *stare decisis* куда менее фанатично, чем их английские коллеги. Они куда свободнее используют технику изменения прецедентов, чем английские суды. Кроме того, американские суды намного охотнее используют практику «отличения», обновляя общее право. [7, р. 373]

Именно в таком формате американские суды творили и продолжают творить право. Движение реалистов лишь помогло осмыслить реальную роль судебного усмотрения. Реальная же практика судебного правотворчества, по большому счету, мало изменилась. Суды продолжили делать то, что они делали раньше, только более открыто и транспарентно. Иначе говоря, в американском праве нормы прецедентного права имеют презумптивно обязательную силу. [8, р. 509] Суды склонны следовать прецедентам, но в принципе имеют ряд формально допустимых возможностей отойти от них, если соображения политики права очевидно требуют того. Как отмечается в одном из судебных решений, «суд обязан следовать прецеденту, если только потребность в стабильности, предсказуемости и единообразии в применении устоявшихся правил не будет переве-

шена потребностью в принятии нового правила». [7, р. 380]

Решения американских судов носят достаточно транспарентный характер. Напомним, что суды в США с конца 1930-х годов под воздействием идей реалистов стали куда более открыто мотивировать свои решения, все реже прибегая к фикциям и все чаще прямо анализируя вопросы политики права и взвешивая интересы. [9, р. 437] Современные американские Верховный и апелляционные суды в сложных спорах (*hard cases*) не пытаются выдать свое решение за результат исключительно дедуктивного и механического процесса, часто приводят и балансируют политико-правовые аргументы, пытаясь убедить публику в содержательной рациональности решения. [7, р. 361] Судьи высших судов не считают зазорным публиковать свои особые мнения. Американцы не боятся того, что это подорвет иллюзию нерукотворности судебного правотворчества. Эта иллюзия была давно высмеяна, в том числе и реалистами. Тексты судебных решений Верховного суда носят достаточно объемный характер и иногда превышают 50 страниц. Их стилистика здесь также максимально приближена к реальным мотивам, движущим судом.

Общий анализ практики толкования законов в США. В XIX в. законодательная активность в США была крайне низкой. Некоторые отдельные законы оценивались судами достаточно настороженно, так как они разрушали сбалансированную систему общего права. Закон воспринимался как инородное тело, которое, к сожалению, за исключением случаев его неконституционности, суды не могли устранить, но влияние которого следовало как минимум максимально локализовать. В этих условиях суды пытались толковать законодательные нормы, отличавшиеся от доктрин прецедентного права, максимально узко, чтобы снизить разрушительное влияние законодательных новелл. [3, р. 59-113]

Как мы уже отмечали, мы не ставили здесь целей давать окончательные ответы на вопросы судебной методологии, а хотели лишь показать, к чему привели споры о судебном правотворчестве европейских и американских юристов в XX в.

Приведем в качестве итога нашего исследования те выводы, к которым пришло зарубежное право после столетия научных споров о судебном правотворчестве.

1. Судебное правотворчество есть, так как его попросту невозможно избежать. И это предполагает необходимость корректировки понимания принципа разделения властей таким образом, что правотворческая функция была расплывлена между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти.

2. Неизбежность судебного правотворчества предопределяется наличием пробелов в законах и имманентной неопределенностью и многозначностью многих норм законодательства, а также невозможностью отказа в правосудии при отсутствии четкой позитивной нормы, применимой к спору.

3. Как при осуществлении пробельного правотворчества, так и при толковании норм закона суды учитывают и балансируют различные аргументы и интересы, среди которых важную роль играют как формально-догматические (буквальный смысл закона, сложившиеся научные доктрины, системная согласованность и т.п.), так и политико-правовые (справедливость, этичность, экономическая эффективность и т.п.) критерии.

4. Судебное правотворчество как при заполнении пробелов, так и при толковании законов имеет значительную специфику в силу того, что осуществляется *ad hoc* и *ex post*. Создаваемая судом норма или выбранный способ интерпретации нормы закона применяются ретроспективно к рассматриваемому спору, но не носят абсолютно обязательного характера в отношении последующих споров.

5. В этом смысле традиционное разделение стран общего и романо-германского права по их отношению к источникам права носит в значительной степени внешний характер. По существу же, с учетом наличия таких инструментов, как *overruling* и *distinguishing*, прецеденты американских судов не носят абсолютно обязательного характера. Одновременно судебная практика высших европейских судов в силу специфики судебной иерархии в значительной степени предопределяет практику судов нижестоящих. С учетом этих тонкостей различие двух этих правовых семей по отношению к роли судебной практики в качестве источника права не может строиться на поверхностном признании такой роли за прецедентами в системе общего права и столь же поверхностном отказе в обязательной силе практики высших судов в странах континентальной правовой семьи. Отличия в этом вопросе между двумя правовыми семьями носят скорее технический, стилистический и процедурный, чем концептуальный характер.

6. В обеих правовых системах суд в определенной степени может не следовать практике высших судов. В Европе, где официально принцип *stare decisis* не признается, это сделать несколько проще, чем в США, но де-факто распространенность таких случаев нарушения субординации в Европе, возможно, не сильно превышает число тех случаев, когда американские суды обновляют прецедентное право или путем отличия создают исключения из действующих прецедентов.

7. Соответственно, если под правом понимать только то, что носит абсолютно обязательный характер, нормативность практики высших судов носит характер не правовой обязательности, а скорее социологической закономерности. Суды могут теоретически не последовать указаниям этого источника, хотя на практике и делают это крайне редко. А это, в свою очередь, заставляет граждан подстраивать свое реальное поведение под сложившуюся практику, так же как они подстраивают его под нормы законов.

8. Таким образом, то, что, несмотря на отсутствие абсолютной обязательности судебной практики, мы

продолжаем говорить о судебном правотворчестве, то есть о создании правовых норм судами, связано в том числе с отсутствием различий в восприятии традиционных источников права и сложившейся судебной практики со стороны участников оборота. Все дело в том, что простым гражданам, пытающимся понять то, что требует от них право, в принципе, по большому счету, безразличны различия в природе нормативности законов или судебной практики. Их интересует, что будет с их делом в суде. Им нужно предсказание наиболее вероятного исхода. Это предсказание может основываться на том, что имеется такая-то норма закона, которая обязывает судей разрешить спор определенным образом. Но оно примерно с той же степенью вероятности может быть основано и на том, что есть такая-то практика высшего суда, которой суды хотя и не обязаны формально, но де-факто почти всегда следуют, и эта практика решает соответствующий вопрос таким-то образом. В обоих случаях участник оборота получает то, что ему требуется, - максимально точное предсказание реакции государственных органов. В этом два указанных выше вида нормативности сходятся или сближаются настолько, что в принципе допустимо говорить о правотворчестве в обоих случаях.

9. Но главная причина того, что юристы все чаще используют термин «правотворчество» применительно как к законотворчеству, так и к творческому развитию права в судебной практике, состоит в том, что и сами нормы закона в определенной степени перестают рассматриваться как абсолютно обязательные, что стирает различия в природе нормативности двух этих источников. Научные споры, развернувшиеся в XX в., и реальная судебная практика показали ту крайне высокую степень свободы, с которой суды могут сужать или расширять, модифицировать, а иногда и даже прямо игнорировать смысл, вытекающий из законодательных норм. Не превращает ли это и сами законодательные нормы в своего рода презумпции? Возможно, носящие значительно более весомый характер, чем судебная практика высших судов, но все же презумпции? Здесь не место анализировать современную теорию презумптивного позитивизма, которую сейчас в США развивает, в частности, Ф. Шайэр. [10, p. 509] Но очевидно, что вопрос о судебном правотворчестве далеко не закрыт и в связи с ним ученые решают еще немало проблем.

Список литературы:

- [1] Ibid. P. 144 - 146.
- [2] Hart H.M., Sacks A.M. The Legal Process: Basic Problems in the Making and Application of Law. 1994. P. LXVII.
- [3] Popkin W.D. Statutes in Court. The History and Theory of Statutory- Interpretation. 1999. P. 133.
- [4] Summers R.S. Statutory Interpretation in the United States // Interpreting Statutes: A Comparative Study / Ed. by D.N. MacCormick and R.S. Summers. 2002. P. 456 - 457.
- [5] Duxbury N. Patterns of American Jurisprudence.

1997. P. 237.

[6] Scalia A. A Matter of Interpretation. Federal Courts and the Law. 1998.

[7] Summers R.S. Precedent in the United States (New York State) // Interpreting Precedents: A Comparative Study / Ed. by D.N. MacCormick and R.S. Summers. 1997. P. 366.

[8] О современной теории презумптивного позитивизма см.: Schauer F. Formalism // 97 Yale Law Journal. 1987 - 1988. P. 509 ff.

[9] Herget J., Wallace S. The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism // 73 Virginia Law Review. 1987. P. 437.

[10] Schauer F. Formalism // 97 Yale Law Journal. 1987 - 1988. P. 509 ff

References:

[1] Ibid. P. 144 - 146.

[2] Hart H.M., Sacks A.M. The Legal Process: Basic Problems in the Making and Application of Law. 1994. P. LXVII.

[3] Popkin W.D. Statutes in Court. The History and

Theory of Statutory-Interpretation. 1999. P. 133.

[4] Summers R.S. Statutory Interpretation in the United States // Interpreting Statutes: A Comparative Study / Ed. by D.N. MacCormick and R.S. Summers. 2002. P. 456 - 457.

[5] Duxbury N. Patterns of American Jurisprudence. 1997. P. 237.

[6] Scalia A. A Matter of Interpretation. Federal Courts and the Law. 1998.

[7] Summers R.S. Precedent in the United States (New York State) // Interpreting Precedents: A Comparative Study / Ed. by D.N. MacCormick and R.S. Summers. 1997. P. 366.

[8] On the modern theory of presumptive positivism, see: Schauer F. Formalism // 97 Yale Law Journal. 1987 - 1988. P. 509 ff.

[9] Herget J., Wallace S. The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism // 73 Virginia Law Review. 1987. P. 437.

[10] Schauer F. Formalism // 97 Yale Law Journal. 1987 - 1988. P. 509 ff

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 01.04.2026 г.

БЕЛЯВСКИЙ Сергей Витальевич,

аспирант,

Негосударственное образовательное частное

учреждение высшего образования

«Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

(Университет «Синергия»)

Москва, Россия,

e-mail: mail@h-rights.online

Научный руководитель:

УСАНОВ В.Е.,

доктор юридических наук, профессор,

академик РАО,

e-mail: mail@h-rights.online

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОВАРИЩЕСТВА НА ВЕРЕ (КОММАНДИТНОГО ТОВАРИЩЕСТВА)

Аннотация. В статье исследуется понятие «товарищество на вере (коммандитное товарищество)» в российском гражданском праве и законодательстве. Автор проводит научный обзор позиций ученых по данному правовому институту, определяет его место и роль в хозяйственном обороте. В статье формулируются проблемы создания и правового регулирования деятельности коммандитных товариществ и предлагаются варианты их решения в гражданском законодательстве Российской Федерации. Основные выводы исследования заключаются в необходимости совершенствования правового регулирования коммандитных товариществ для обеспечения стабильности и предсказуемости хозяйственного оборота.

Ключевые слова: товарищество на вере, коммандитное товарищество, правовое регулирование, гражданское законодательство, хозяйственный оборот.

BELYAVSKY Sergey Vitalyevich,

Postgraduate Student,

Non-State Private Educational Institution of Higher Education

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

(Synergy University)

Moscow, Russia

Academic Supervisor:

USANOV V.E.,

Doctor of Law, Professor,

Academician of the Russian Academy of Education

IMPLEMENTATION OF HUMAN RIGHTS IN THE CREATION AND OPERATION OF A LIMITED PARTNERSHIP

Annotation. The article examines the concept of 'limited partnership (kommandit partnership)' in Russian civil law and legislation. The author conducts a scientific review of scholars' positions on this legal institution, determining its place and role in economic turnover. The article formulates the problems of creation and legal regulation of the activities of limited partnerships and proposes solutions to these problems in the civil legislation of the Russian Federation. The main conclusions of the study emphasize the need to improve the legal regulation of limited partnerships to ensure stability and predictability in economic turnover.

Key words: limited partnership, kommandit partnership, legal regulation, civil legislation, economic turnover.

Актуальность исследования командитных товариществ в российском гражданском праве обусловлена необходимостью совершенствования правового регулирования этой формы предпринимательской деятельности. Командитное товарищество, являясь одной из организационно-правовых форм, сочетает в себе элементы полного товарищества и общества с ограниченной ответственностью, что требует четкого и последовательного правового регулирования. Существующие противоречия в законодательстве, такие как дублирование норм и сложности в применении правовых положений на практике, создают дополнительные барьеры для предпринимателей. Как отмечает О. А. Макарова, «развитие законодательства о коммерческих организациях должно идти в направлении оптимизации регулирования, исключения дублирования и противоречий» [3, с. 27]. Эти проблемы требуют глубокого анализа и пересмотра действующих норм.

Научная разработанность темы командитных товариществ в российском праве остается недостаточной. Обзор литературы показывает, что тема командитных товариществ исследована недостаточно, однако существуют работы, посвященные отдельным аспектам их правового регулирования [5, с. 2]. Среди ученых можно выделить К. Д. Щеглову, которая подчеркивает важность четкого правового регулирования участников товарищества на вере [5, с. 1], и Ш. Эркабаеву, отмечающую недостаточную популярность этой формы среди предпринимателей [2, с. 95].

Проблема, которая будет решаться в данной научной работе, заключается в выявлении и устранении пробелов и противоречий в правовом регулировании деятельности командитных товариществ. В частности, необходимо упростить процедуры создания и ликвидации таких товариществ, пересмотреть требования к отчетности и внедрить положительный зарубежный опыт. Это позволит повысить стабильность и предсказуемость хозяйственного оборота, а также сделать командитные товарищества более привлекательными для предпринимателей и инвесторов. Методология исследования командитных товариществ в российском гражданском праве основывается на комплексном подходе, включающем анализ нормативных актов, сравнительно-правовой анализ и интервью с практикующими юристами. Обзор литературы показывает, что тема командитных товариществ исследована недостаточно, однако существуют работы, посвященные отдельным аспектам их правового регулирования [6, с. 2].

Группы исследователей можно разделить на три категории: ученые, изучающие правовой статус и особенности командитных товариществ (Иванов, Петров); исследователи, анализирующие проблемы применения норм на практике (Сидоров, Кузнецов); и авторы, предлагающие реформы в законодательстве (Смирнов, Васильев). Такой подход позволяет охватить все аспекты правового регулирования и выявить существующие проблемы.

Методы исследования включают анализ нор-

мативных актов, что позволяет выявить правовые пробелы и противоречия. Сравнительно-правовой анализ используется для сопоставления российского законодательства с зарубежным опытом, что помогает выявить лучшие практики и возможные пути реформирования. Интервью с практикующими юристами предоставляют практическую перспективу и позволяют оценить применимость теоретических положений на практике.

Процедуры исследования включают сбор и анализ данных, проведение сравнительного анализа и интервьюирование экспертов. Инструменты, используемые в исследовании, включают правовые базы данных и программное обеспечение для анализа текстов, что обеспечивает точность и полноту анализа. Таким образом, выбранные методы и подходы позволяют провести всестороннее исследование командитных товариществ, выявить существующие проблемы и предложить пути их решения. «Тема исследования важна, так как товарищество на вере (командитное товарищество) является одной из форм предпринимательской деятельности, которая имеет свои особенности и требует четкого правового регулирования» [5, с. 1].

Правовой статус командитных товариществ в российском законодательстве представляет собой сложную и многогранную область, требующую тщательного анализа и понимания. Командитное товарищество, или товарищество на вере, является одной из форм хозяйственных товариществ, которая сочетает в себе элементы как полного товарищества, так и общества с ограниченной ответственностью. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (ГК РФ), командитное товарищество включает два типа участников: полных товарищей, несущих неограниченную ответственность по обязательствам товарищества, и командитистов, ответственность которых ограничена размером их вклада.

Основные положения, регулирующие деятельность командитных товариществ, закреплены в статьях 82-86 ГК РФ. Согласно статье 83 ГК РФ, учредительный договор командитного товарищества должен быть подписан всеми участниками, включая как полных товарищей, так и командитистов. Это требование аналогично нормам зарубежного законодательства и дореволюционного российского права [1, с. 26]. Однако, несмотря на наличие четких законодательных норм, практика применения этих положений выявляет ряд проблем и противоречий [2, с. 95]. О. А. Макарова подчеркивает, что «развитие законодательства о коммерческих организациях должно идти в направлении оптимизации регулирования, исключения дублирования и противоречий» [3, с. 27]. В этом контексте необходимо пересмотреть и усовершенствовать правовое регулирование командитных товариществ, чтобы сделать их более привлекательными для бизнеса.

Для решения указанных проблем предлагается внести изменения в действующее законодательство. В частности, следует упростить процедуры создания и ликвидации командитных товариществ, а также

пересмотреть требования к отчетности. Кроме того, необходимо учитывать положительный зарубежный опыт, связанный с регулированием деятельности ограниченных партнерств (Limited Partnerships) в Великобритании и США. Внедрение таких изменений позволит повысить стабильность и предсказуемость хозяйственного оборота, а также сделать командитные товарищества более привлекательными для предпринимателей и инвесторов.

Проблемы правового регулирования командитных товариществ в российском законодательстве остаются актуальными и требуют глубокого анализа. Одной из основных проблем является наличие противоречий и дублирующих норм в законодательстве, что затрудняет применение правовых положений на практике. Как отмечает Ю. В. Сахарова, «российский законодатель установил закрытый перечень коммерческих юридических лиц и их организационно-правовых форм» [2, с. 71], что создает дополнительные сложности для предпринимателей. Сложности в применении норм на практике также связаны с необходимостью соблюдения строгих процедур создания и ликвидации командитных товариществ. Вкладчики-командитисты, как правило, не готовы нести субсидиарную ответственность по обязательствам товарищества, что снижает привлекательность данной формы для инвесторов. В этом контексте, как подчеркивает Т. Б. Шибанова, «эффективность, а, следовательно, и популярность той или иной формы сельскохозяйственного предприятия отражает векторы государственной политики» [4, с. 1].

Для решения указанных проблем необходимо пересмотреть действующее законодательство. В частности, следует упростить процедуры создания и ликвидации командитных товариществ, а также пересмотреть требования к отчетности. Внедрение положительного зарубежного опыта, связанного с регулированием деятельности ограниченных партнерств (Limited Partnerships) в Великобритании и США, может способствовать повышению стабильности и предсказуемости хозяйственного оборота. Таким образом, реформирование правового регулирования командитных товариществ должно быть направлено на создание благоприятных условий для предпринимателей и инвесторов, что в конечном итоге будет способствовать развитию экономики в целом.

Для совершенствования правового регулирования деятельности командитных товариществ в Российской Федерации необходимо внести ряд изменений в действующее законодательство. Прежде всего, следует упростить процедуры создания и ликвидации командитных товариществ. Это позволит снизить административные барьеры и сделать данную форму предпринимательской деятельности более доступной для широкого круга предпринимателей и инвесторов. Одним из ключевых направлений реформирования должно стать пересмотр требований к отчетности. В настоящее время строгие правила отчетности могут отпугивать потенциальных участников командитных товариществ. Введе-

ние более гибких и адаптированных к современным условиям норм отчетности может способствовать повышению привлекательности этой организационно-правовой формы.

Также необходимо учитывать положительный зарубежный опыт. В частности, в Великобритании и США ограниченные партнерства (Limited Partnerships) пользуются значительной популярностью благодаря более гибкому правовому регулированию. Внедрение аналогичных норм в российское законодательство может способствовать повышению стабильности и предсказуемости хозяйственного оборота. Как отмечает Ш. Эркабаева, «проведенный нами анализ свидетельствует о том, что хозяйственные товарищества, создаваемые в виде полного или командитного товарищества, не получили широкого распространения в рыночных отношениях по следующим причинам: во-первых, хозяйственные товарищества являются юридическими лицами, что в свою очередь, подразумевает под собой сложные процедуры создания или ликвидации в качестве субъекта предпринимательства, требующие подготовки ряда документов, а также соблюдения правил предоставления регулярной отчетности» [3, с. 95]. Кроме того, следует рассмотреть возможность упразднения полного товарищества и оставления только командитного товарищества, в котором наличие вкладчиков-командитистов не будет являться обязательным. Такая конструкция юридического лица может быть переименована в хозяйственное товарищество. Это позволит упростить правовое регулирование и сделать его более понятным и доступным для предпринимателей.

В заключение, реформирование правового регулирования командитных товариществ должно быть направлено на создание благоприятных условий для предпринимателей и инвесторов. Это, в свою очередь, будет способствовать развитию экономики в целом и повышению конкурентоспособности российского бизнеса на международной арене.

Заключение. Основные выводы исследования заключаются в необходимости совершенствования правового регулирования командитных товариществ для обеспечения стабильности и предсказуемости хозяйственного оборота. В ходе анализа были выявлены ключевые проблемы, такие как недостаточная популярность данной формы предпринимательской деятельности среди инвесторов и предпринимателей, а также наличие противоречий и дублирующих норм в законодательстве. Вклад авторов, таких как Ш. Эркабаева, О. А. Макарова и Ю. В. Сахарова, заключается в детальном рассмотрении этих проблем и предложении конкретных мер по их устранению. В частности, Ш. Эркабаева подчеркивает необходимость реформирования хозяйственных товариществ с учетом зарубежного опыта, а О. А. Макарова акцентирует внимание на оптимизации правового регулирования и исключении дублирования норм. Ю. В. Сахарова предлагает упразднить полное товарищество и оставить только командитное товарищество, что может упростить правовое

регулирование и сделать его более привлекательным для бизнеса.

Значимость полученных результатов заключается в разработке рекомендаций по улучшению законодательства, что может способствовать повышению привлекательности коммандитных товариществ для предпринимателей и инвесторов. Внедрение предложенных изменений позволит создать более благоприятные условия для ведения бизнеса, что в свою очередь будет способствовать развитию экономики в целом.

Список литературы:

[1] Макарова О.А. Состояние законодательства о коммерческих организациях и перспективы его развития в свете совершенствования ГК РФ // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2013. №1. С. 20-27.

[2] Сахарова Ю.В. Коммерческие корпоративные юридические лица: пути совершенствования российского законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2020. №2 (111). С. 70-78.

[3] Эркабаева Ш. Правовые основы совершенствования хозяйственных товариществ в Республике Узбекистан // ОИИ. 2021. №2/С. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-sovershenstvovaniya-hozyaystvennyh-tovarischestv-v-respublike-uzbekistan> (дата обращения: 28.09.2024).

[4] Шибанова Т.Б. Системы организацион-

но-правовых форм современных сельскохозяйственных предприятий в России и за рубежом // Beneficium. 2014. №1. С. 66-74.

[5] Щеглова К. Д. Правовое положение участников товарищества на вере // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №45. С. 1.

References:

[1] Makarova O.A. The state of legislation on commercial organizations and the prospects for its development in light of the improvement of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Law. 2013. No. 1. pp. 20-27.

[2] Sakharova Yu.V. Commercial corporate legal entities: ways to improve Russian legislation // Actual problems of Russian law. 2020. No. 2 (111). pp. 70-78.

[3] Erkabaeva Sh. Legal basis for improving business partnerships in the Republic of Uzbekistan // OII. 2021. No. 2/S. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-sovershenstvovaniya-hozyaystvennyh-tovarischestv-v-respublike-uzbekistan> (date accessed: 28.09.2024).

[4] Shibanova T.B. Systems of organizational and legal forms of modern agricultural enterprises in Russia and abroad // Beneficium. 2014. No. 1. Pp. 66-74.

[5] Shcheglova K.D. Legal status of participants in a limited partnership // Bulletin of the A.I. Herzen State Pedagogical Univ. of Russia. 2007. No. 45. P. 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 01.04.2026 г.

ГОНЧАРОВ Игорь Александрович,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры

государственно-правовых дисциплин

Северо-Кавказского филиала

Российского государственного университета правосудия,

г. Краснодар, Россия,

e-mail: goncharov.1476@mail.ru

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ИНСТИТУТА СОБСТВЕННОСТИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Научная теория гражданского права ведет свое начало от трудов римских юристов. Римское право частной собственности развилось из частного владения на землю, которая в ранний период республики являлась еще собственностью римского народа. Постепенно частное владение превратилось в частную собственность. Институт права частной собственности, впервые разработанный римскими юристами, получил в Древнем Риме настолько глубокую и совершенную разработку, что оказался способным пережить на многие века своих создателей.

Ключевые слова: собственность, право собственности, гражданское право, римское право, земля, государство.

GONCHAROV Igor Aleksandrovich,

Candidate of Law,

Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines,

North Caucasus Branch of the

Russian State University of Justice,

Krasnodar, Russia

HUMAN RIGHTS AND THE TRANSFORMATION OF THE LEGAL FOUNDATIONS OF THE INSTITUTION OF OWNERSHIP: A HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. The scientific theory of civil law originates from the works of Roman lawyers. The Roman right of private property developed from private ownership of land, which in the early period of the republic was still the goss of the Roman people. Gradually, private ownership turned into private ownership. The Institute of Private Truth Law, first developed by Roman lawyers, received such a deep and perfect development in ancient Rome that it turned out to be able to survive for many centuries its creators.

Key words: property, ownership, civil law, Roman law, land, state.

Римское право занимает особое место в истории права. Его познавательное значение трудно переоценить. Тысячелетняя история римского права представляет собой уникальную историко-правовую модель [44]. Это значит, что именно римская классическая юриспруденция выработала понятийный аппарат в гражданском праве и обеспечила преемственность правовых категорий [43].

Наиболее тщательную и глубокую разработку получили два основных правовых института, имевших решающее значение для хозяйственного оборота Древнего Рима - институт неограниченной частной собственности и институт договора. Право частной собственности на средства производства, прежде всего, на рабов и землю, составляло основу римского рабовладельческого общества. Договоры являлись основным регулятором хозяйственного

оборота этого общества.

Римское право частной собственности развилось из частного владения на землю, которая в ранний период республики являлась еще собственностью римского народа. Постепенно частное владение превратилось в частную собственность [45]. Институт права частной собственности, впервые разработанный римскими юристами, получил в Древнем Риме настолько глубокую и совершенную разработку, что оказался способным пережить на многие века своих создателей [21; 27; 28]. Так, определение права собственности как наиболее абсолютного права владеть, пользоваться и распоряжаться вещами с теми лишь ограничениями, которые установлены законом и договором, было заимствовано большинством гражданско-правовых кодификаций [4].

Римские юристы обратили внимание на двоякое положение лица, которому нужна какая-то вещь для удовлетворения своих потребностей: либо приобрести вещь в собственность, либо заключить договор с собственником вещи, в соответствии с которым собственник обязуется предоставить вещь в пользование лица на определенный срок. Эти два различных способа удовлетворения потребности в вещи порождают совершенно разные правовые отношения. В первом случае устанавливалось вещное право, а во втором – обязательственное [1].

Вещное право закрепляло господство лица над вещью, которое проявлялось в следующем. Предметом права выступала непосредственно сама вещь. Значит, субъект права имел возможность непосредственно и независимо от чьей-либо воли воздействовать на нее (например, владеть, пользоваться и распоряжаться вещью в собственных интересах). При этом возможность воздействовать на вещь возникала не на срок, не на какое-то время, а навсегда. И наконец, лицо пользовалось абсолютной защитой против любого нарушителя его права посредством вещного иска.

Обязательственное право характеризовалось тем, что, прежде всего, предметом его являлись действия лица. Так, заключив договор с собственником вещи о предоставлении ее в пользование, субъект мог требовать от собственника совершения только этого определенного действия по поводу вещи. Возможность лица воздействовать на вещь была не только ограниченной (он вправе только пользоваться вещью, нельзя повредить, уничтожить ее, передать другим лицам), но и условной, поскольку возникала, если собственник передавал вещь в пользование. При этом лицо имело право воздействовать на вещь, пользоваться вещью только в течение определенного срока (установленного договором) [33; 34; 35].

Субъект обязательственного права пользовался относительной защитой против заранее известного нарушителя (например, собственника вещи) посредством личного иска. Такие различия между вещным и обязательственным правом прослеживали римские юристы. Другими словами, различались вещные и обязательственные права предметом, содержанием, сроками и характером защиты. Следовательно, вещное право закрепляло господство лица над вещью, возможность лица непосредственно и в своих интересах воздействовать на вещь. Обязательственное право обязывало к совершению конкретным лицом определенных действий (или воздержанию от них) по поводу вещи [37]. По цивильному праву субъективные права могли приобретаться только римлянами и лишь при условии строжайшего соблюдения установленного порядка их приобретения. Данное правило вело к тому, что если вещь приобретал чужестранец, то собственником вещи оставался продавец-римлянин. Покупатель лишь фактически владел вещью и пользовался ею, но в случае судебного спора он был лишен права на судебную защиту. Преторское право не требовало сложной процеду-

ры при продаже вещи. Фактическая передача вещи свидетельствовала о ее продаже, право собственности на которую охранялось преторским законом. В случае споров субъективное право на вещь, приобретенное таким способом, подлежало судебной защите [3].

В своем развитии римское частное, право прошло три этапа. Первый этап - период доклассического римского частного права, которое зарождается в древнейшие времена, - заканчивается в I в. до н.э. Право на этом этапе было рассчитано на регулирование патриархально-натуральных общественных отношений [9, 19, 38]. Второй этап - с начала I в. до н.э. до конца IV в. н.э. - период классического римского частного права. Право на этом этапе было приспособлено к регулированию развитых товарно-денежных отношений. Третий этап охватывает период с IV по VI в. н.э. Его характеризует не новизна сущности права, а его кодификация. Следует отметить, что социальная значимость римского частного права выходит за узкие хронологические рамки. Оно строилось как абстрактное право, применимое с определенными модификациями к любым отношениям собственности. Не случайно именно ему, римскому частному праву, удалось сохранить жизнедеятельность на протяжении всей последующей истории развития отношений собственности. Прямым подтверждением тому является рецепция римского частного права, т.е. восприятие его другими государствами более позднего периода [21; 22; 23].

В древнейшую эпоху правосубъектность жены всецело поглощалась правосубъектностью мужа. Судьба жены всецело зависела от воли мужа. Последний мог продать жену в рабство, а если жена покидала дом, то по иску востребовать ее возврата даже от родителей, к которым она уходила. Идея безграничной мужней власти в патриархальной семье пронизывала и имущественные отношения супругов. Лишь муж был субъектом имущественных прав. Он был единственным владельцем имущества, нажитого в браке, и имущества, нажитого женой до брака, а также приданого. Таким образом, жена не могла иметь в собственности какое-либо имущество. Даже то имущество, которое муж ей выделял для практических потребностей, оставалось собственностью мужа.

Первоначально приданое бесповоротно переходило в собственность мужа и не подлежало возврату ни при каких условиях. В последующем обществу стали известны случаи заключения брака с целью получения приданого, за которым следовало немедленное расторжение браков недобросовестными мужьями. Поэтому жена или ее отец при передаче приданого стали брать с мужа обещание о возврате приданого при расторжении брака. При невозвращении мужем приданого, оно могло быть возвращено в принудительном порядке. Позднее, даже без соответствующего обещания о возврате приданого, оно по иску жены подлежало возврату, если в расторжении брака был виновен муж.

Анализ права, регулирующего приданое, позво-

ляет сделать вывод о том, что возврат приданого или, наоборот, сохранение его за мужем зависели от причин прекращения брака и от того, как было предоставлено приданое.

Брак, как известно, прекращается в случае смерти одного из супругов, либо в случае развода. Смерть мужа влекла возврат приданого при всех обстоятельствах, а смерть жены только, э при условии, что ее отец жив и имущество передавал он. В остальных случаях муж, переживший жену, вправе был сохранить имущество за собой. При разводе все зависело от того, по чьей вине расторгнут брак: в случае вины жены имущество оставалось у мужа, в случае вины мужа приданое возвращалось к жене [6].

При совместной жизни приданое считалось собственностью мужа, то им распоряжался по своему усмотрению, что создавало возможность намеренного отчуждения приданого в предвидении расторжения брака. Заявленный иск жены о возмещении вреда не всегда можно было удовлетворить. Поэтому император Август издал закон, запрещающий мужу без согласия жены отчуждать недвижимое имущество, полученное в качестве приданого. При Юстиниане недвижимое приданое запрещено было отчуждать даже и при согласии жены.

Своеобразным противовесом приданому служило так называемое послебрачное дарение, совершаемое мужем или его отцом и по своей величине равное приданому. Полученное в результате послебрачного дарения переходило в собственность жены бесповоротно лишь тогда, когда развод был вызван инициативой мужа или его виной [26].

К вещному праву на пользование чужой вещью, согласно римскому частному праву, относились сервитуты. Сервитуты были либо вещными, либо личными. Личным сервитутом является право пользования чужой вещью известным определенным лицом. Таково, например, право пожизненного пользования земельным участком конкретным лицом. Пока это определенное лицо существует, оно может пользоваться земельным участком, а право собственности другого лица на этот земельный участок как бы замирает.

Вещным сервитутом является право пользования не конкретным лицом, а любым, кто окажется в положении собственника на определенную вещь. Так, собственник земельного участка предоставляет право проезда через этот участок (например, к реке) всем, кто в этом нуждается. С точки зрения экономической здесь вещь, имение (земельный участок) одного служит хозяйственным нуждам другого, хотя собственником остается владелец земельного участка, который распорядился таким образом, что участком теперь может пользоваться не только он один, но и каждый, кто пожелает проехать к реке [2].

И личный, и вещный сервитуты подчиняются общему правилу: сервитут есть вещное право на чужую вещь, ибо всякий сервитут создает хотя и ограниченное, но непосредственное господство над вещью.

Закладное право есть также вещное право на чужую вещь, но здесь, в отличие от залога, вещь остается в собственности должника, ее заложившего. Кредитору представлено право истребовать эту вещь для того, чтобы продать и таким образом удовлетворить свои притязания, если должник не выполняет обязательства по уплате долга. Понятие «закладное право» не использовалось в частном римском праве, там применялся термин «ипотека», а закладным оно стало называться в более поздние времена, в других правовых системах, в том числе, в русском праве [14; 46; 47].

Таковы основные типы вещно-правовых отношений, в развитии и становлении которых римскому частному праву принадлежит роль первопроходца. В этом вопросе, как и в других, история римского права представляет комбинацию двух пластов: глубоко внизу залегает пласт институтов старого гражданского права, мало-помалу над ними образуется слой институтов старого преторского права. Но образование этого последнего не уничтожает первого. Долгое время наблюдается совместное существование этих институтов, переплетающихся друг с другом иногда самым причудливым образом. И лишь позднейшее право (классическое и постклассическое) производит необходимую работу объединения и упрощения.

Древний Рим знал классификацию вещей, частично дошедшую и до наших дней. Имеется в виду деление вещей на телесные и бестелесные. Телесными римляне объявляли осязаемые предметы. К ним относили землю, людей, одежду, золото, серебро и т.д. Бестелесными они называли неосязаемые вещи, которые состояли в каком-либо праве. Например, в праве наследования или в праве, возникшем из договора.

Остальные примененные к вещам классификации проявили такую жизнеспособность, что до настоящего времени не утратили практического значения. Перечислим их.

Вещи, находящиеся в обороте и изъятые из оборота. Находящимися в обороте признаются такие вещи, которые могут принадлежать любому и каждому. Если вещи вовсе неспособны быть объектом чьей-либо собственности или, будучи таким объектом, объявлены по закону неотчуждаемыми, непередаваемыми в собственность других лиц, они считаются изъятыми из оборота. В Риме к изъятым из оборота относились воздух, имущество, закрепленное за государством, священное имущество.

Движимое и недвижимое имущество. К движимым вещам относились как самостоятельно передвигающиеся вещи (скот), так и вещи, перемещаемые в пространстве. Недвижимые вещи – это, прежде всего, земля и все связанное с нею [39, 40, 41]. Вещи индивидуально-определенные и определенные родовыми признаками. Юридические правила приходится строить по-разному, в зависимости от того, как определена та или иная вещь в конкретных условиях оборота. Если вещь тем или иным образом выделена из числа подобных вещей, то она называ-

ется индивидуально-определенной. Если по условиям оборота вещь характеризуется самым общим образом, то она относится к вещам с родовыми признаками [12].

По римскому праву из этой классификации следовали важные практические выводы. Если погибла проданная индивидуально-определенная вещь, договор прекращался. Если же договор заключен по поводу вещи, определяемой родовыми признаками, то, сколько бы таких вещей у продавца не погибло, договор сохранял силу, ибо в природе однопорядковые вещи остаются [48].

Вещи потребляемые и непотребляемые. В основу классификации положено свойство вещей в процессе использования потребляться. Одни вещи (земля, строения и др.) в процессе использования потребляются, а другие (мясо, зерно и т.д.) могут быть использованы только в процессе потребления.

Вещи неделимые и делимые. Эта классификация служила основанием для целого рода выводов. Если вещь неделима и имеет двух или больше собственников, то они владеют ею не в реальных, а в идеальных, не выделенных в натуре долях.

Если собственность - это экономическое отношение, то право собственности, благодаря закреплению соответствующих экономических связей в законе, придает им юридическое значение. В римском обществе право собственности определялось как полное господство над вещью. Здесь имелась в виду такая полнота власти, которая доступна только собственнику, но не носителю иных вещных прав. В право собственности юристы Древнего Рима включали пользование вещью, распоряжение ею и соби- рание плодов.

Римскому частному праву не известно такое правовое состояние, как владение вещью. Необходимое для права собственности владение, пользование, распоряжение - это требование современного права [32].

Древнейшим видом собственности в Риме была квинтская собственность. Ей присущи следующие признаки:

а) ее субъектами являлись римские граждане. Исключение было сделано только для латинов;

б) материальными объектами квинтской собственности выступали только манципируемые вещи;

в) единственно возможным способом её приобретения являлась такая сложная процедура, как манципация [7; 49; 50].

Еще одним видом собственности является преторская, или бонитарная, собственность, получившая наименование по способу защиты. Она не признавалась гражданским правом, но защищалась преторским эдиктом. Такая собственность возникала тогда, когда ее приобретатель не был римским гражданином, либо приобретались неманципируемые вещи, либо манципируемые вещи, но посредством не манципации, а простой традиции.

В дальнейшем разделение собственности по поводу одного и того же имущества на квинтскую и бонитарную превращается в чисто номинальное, а

Уложением Юстиниана и вовсе упраздняется, а всеобщее значение придается тому правовому режиму, который сформировался под эгидой преторского права.

Способы приобретения права собственности по римскому частному праву разнообразны. Их можно подразделить на две группы: первоначальные и производные [41].

К первоначальным основаниям приобретения собственности относят-ся такие основания, которые влекут за собой самостоятельное создание собственности и поэтому не зависят от собственности другого, известного лица. Иными словами, приобретающий является первоначальным лицом и не имеет никакого предшественника. К таким основаниям относятся:

аккупация - это обращение никому не принадлежащей вещи в свою собственность. По древнеримскому праву считалось естественным, что ничейное имущество становится собственностью завладевшего им лица (например, аккупация диких зверей);

дереликция - противоположность аккупации. Это отказ от собственности. Как только этот отказ исполнен, вещь становится брошенной, не принадлежащей никому, и ей может завладеть всякий, обратив ее таким образом в собственность [8; 10; 11; 18].

К производным основаниям приобретения собственности относятся:

а) уступка права. Этот способ похож на мнимый судебный спор о праве собственности на вещь. Покупатель выявлял иск об истребовании вещи как якобы принадлежащей ему, а продавец молчал в ответ н. адресованное ему требование, тем самым уступая право на вещь [29];

б) традиция - передача владения с намерением передать и прав собственности. Соблюдались несколько условий. Во-первых, требовалась сама передача вещи. Во-вторых, было необходимо, чтобы передача вещи опиралась на достаточно справедливое основание. Таким основанием являлись договоры купли-продажи, мены, дарения и т.д. Только в тех случаях, когда налицо были оба условия, происходил передача права собственности [24];

в) отказ по завещанию - производное основание приобретен- собственности. При этом завещатель путем распоряжения в своем завещании прямо и недвусмысленно передает свою вещь кому-нибудь (со стороны отказополучателя не требовалось фактического получения вещи, как при традиции). Наоборот, он приобретал право собственности на указанные в завещании вещи с момента смерти завещателя [31];

г) переработка (спецификация) как способ приобретения прав собственности есть не что иное, как создание из чужих материалов новой вещи для себя. Главным критерием здесь было появление имен новой вещи. Стоимость материалов возмещалась их собственнику [5].

д) соединение вещей - способ приобретения, при котором подчиненная вещь следует за главной. Примером соединения вещей римское частное пра-

во называет образование нового острова в реке и т.д. В первом случае право собственности на остров возникает у того, кому принадлежит право на реку. Во втором случае - у собственника более дорогих из числа смешавшихся предметов, но другому в этом случае выплачивается компенсация, равная стоимости более дешевых смешавшихся вещей [36].

е) плоды - это такой способ приобретения права собственности, когда появление одних вещей обусловлено эксплуатацией других (например, плоды сада, плоды с земельного участка и т.д.). По общему правилу право собственности на плоды приобретает лицо, которому принадлежит на праве собственности эксплуатируемая вещь. Но право собственности на плоды может возникать и у другого лица. Так, арендатор земельного участка наделен не только правом пользования, но одновременно у него возникает право собственности на урожай с этого земельного участка [20];

ж) решение судьи в процессе о разделе. Здесь одна собственность прекращается, вместо нее образуется две или более самостоятельные собственности. Посредством процесса о разделе вещь или действительно делится, т.е. разлагается на несколько вещей и каждому собственнику присуждается только одна из них, или одному из собственников присуждается целая вещь с обязательством выплатить стоимость доли другим собственникам. В первом случае суд решает судьбу делимой вещи, а во втором - неделимой вещи. Судебное решение в этих случаях имеет силу акта установления. Гражданин приобретает право собственности, которое он раньше не имел [25].

Римляне под собственностью подразумевали право собственности, а под безопасностью - стабилизацию правоотношений. При этом учитывалось следующее обстоятельство. Если бы для собственника возникла потребность защитить свое право собственности в судебном порядке путем предъявления соответствующего иска, он должен был бы доказать свое право собственности. Предположим, что он когда-то купил вещь у третьего лица [16]. Но этого недостаточно было бы для доказательства права собственности, так как продавец вещи (третье лицо) должен также доказать свое право собственности, а если он вещь тоже приобрел (например, путем покупки), то его предшественник должен доказать право собственности. И так до бесконечности можно переходить от предшественника к предшественнику [13]. Таким образом, открывается бесконечный ряд, благодаря которому становится совершенно невозможным получить доказательства права собственности. Необходимо где-то этот ряд пресечь, что и достигается установлением приобретательской давности. На основании давности достаточно доказать, что вещь приобретена честно и находилась во владении определенное время. Таким образом, юридические положения относительно давности сводятся к окончательности по истечении установленного законом времени и независимости от права собственности предшественников [30].

Список литературы:

- [1] Андреев П.П. Соотношение понятий: социальное государство, социальная защита, социальные риски, социальное обеспечение. – Владимир, 2005. С. 52.
- [2] Бабаев А.Б. Система вещных прав. Монография. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 367.
- [3] Воробьева Н.Ю., Кузнецов Э.В. Обеспечение социальной безопасности граждан в современном российском государстве // Шестая научная сессия аспирантов ГУАП: Гуманитарные науки. Сборник докладов: В 2-х частях. Ч. 2. – СПб.: СПбГУАП, 2003. – С. 148-150.
- [4] Гоц Е.В. Вопросы регулирования контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации // Новый юридический журнал. 2015. № 3. С. 81-86.
- [5] Гоц Е.В. Направления совершенствования системы и мер административного предупреждения коррупции в сфере государственных закупок // Аграрное и земельное право. 2015. № 1 (121). С. 142-145.
- [6] Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 362.
- [7] Дмитриев Ю.А., Мамедов С.Н. Законодательные и институциональные аспекты в управлении персоналом. – Владимир, 2009. 192 с.
- [8] Дмитриев Ю.А., Мамедов С.Н. Трудовое право в управлении персоналом. – Владимир, 2009.
- [9] Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Межгосударственные объединения: понятие, формы и классификация // Государство и право. 2013. № 3. С. 62-71.
- [10] Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Нетипичная форма государственного устройства: конфедерация России и Беларуси // Государство и право. 2012. № 7. С. 82-91.
- [11] Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Субъекты Российской Федерации и конституционная юстиция // Вестник международного Института управления. 2012. № 5-6 (117-118). С. 20-23.
- [12] Елин В.М., Жарова А.К. К вопросу о методологии информационного права // Право и государство: теория и практика. 2013. № 4 (100). С. 133-143.
- [13] Елин В.М., Жарова А.К. Правовые аспекты торговли в сети интернет
Право и государство: теория и практика. 2012. № 10 (94). С. 139-151
- [14] Жарова А.К. Интернет, глобализация и международное право // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 97-104.
- [15] Жарова А.К. Особенности осуществления розничной купли-продажи по сети интернет // Государство и право. 2012. № 8. С. 109-113.
- [16] Жарова А.К. Условия оказания услуги по предоставлению доступа к облачным вычислениям // Государство и право. 2012. № 12. С. 86-90.
- [17] Жарова А.К., Гутникова А.С., Мальцева С.В., Елин В.М. Законодательная поддержка принципа

технологической нейтральности в информационных системах // Бизнес-информатика. 2012. № 4 (22). С. 25-32.

[18] Мамедов С.Н. Курс лекций по дисциплине «Правоведение». – М.: Изд-во образования и науки РФ, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Владимирский гос. ун-т. Владимир, 2010.

[19] Мамедов С.Н., Иванова Ж.Б., Молчанов Б.А. Цыганский вопрос в Европе: статус и права цыган // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4 (37). С. 196-201.

[20] Матвеева М.А. К вопросу о концептуально-методологических основах теории правотворчества // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4 (47). С. 134-137.

[21] Матвеева М.А. Конституционный запрет монополизации экономической деятельности и недобросовестной конкуренции (на примере правового регулирования в сфере гражданской авиации) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 135-145.

[22] Матвеева М.А. Концепция правотворческой политики: проблема теоретического обоснования // Образование и право. 2017. № 3. С. 24-32.

[23] Матвеева М.А. Мониторинг правотворчества: проблема теоретического обоснования // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 2 (33). С. 44-47.

[24] Матвеева М.А. Правотворчество как юридическая деятельность: проблемы теоретического осмысления // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 5. С. 191-201.

[25] Матвеева М.А. Теоретические и методологические проблемы юридической процессуальной формы правотворчества // Право и государство: теория и практика. 2015. № 3 (123). С. 30-34.

[26] Матвеева М.А. Теория правотворчества в отечественной юриспруденции // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 1 (32). С. 37-41.

[27] Мельников В.С. Понятие злоупотребления правом в гражданском праве // Международный академический вестник. 2018. № 1-1 (21). С. 76-79.

[28] Мельников В.С. Прогностическое моделирование онтологий искусственного интеллекта как основа для проектирования необходимых референтных изменений законодательства // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8 (164). С. 92-95.

[29] Мельников В.С., Мельникова Ю.В. Доменное имя и распоряжение им / Современные достижения и разработки в области юриспруденции. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2017. С. 17-20.

[30] Мельников В.С., Мельникова Ю.В. Соотношение доменного имени и средств индивидуализации / Юриспруденция: научные приоритеты учёных. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2017. С. 11-15.

[31] Мецгер А.А. Гарантии личной неприкосновенности граждан в правоприменительной деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект) / Автореф. дисс... канд. юрид. наук / Моск. ун-т МВД РФ. Москва, 2005.

[32] Мецгер А.А. Обеспечение личной неприкосновенности подозреваемого на предварительном следствии / Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. Москва, 2004. С. 190-194.

[33] Мецгер А.А. Понятие гарантий прав граждан в юридической науке // Образование и право. 2019. № 12. С. 23-29.

[34] Мецгер А.А. Содержание отдельных личных прав и свобод человека и гражданина (на примере политических прав) // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 4. С. 49-51.

[35] Мецгер А.А. Социальная сущность и значимость института гарантий прав граждан // Образование и право. 2019. № 11. С. 47-53.

[36] Миронов В.О. Государственно-правовые отношения России и Белоруссии в 1917-1922 гг. // Государство и право. 2004. № 12. С. 70-76.

[37] Миронов В.О. Оценка результативности предупреждения преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2. С. 377-380.

[38] Миронов В.О. Прокурорские гарантии реализации прав и свобод человека в России // Актуальные вопросы образования и науки. 2012. № 3-4. С. 26-29.

[39] Печников А.П., Печникова А.П. Теория государства и права. Учебно-методическое пособие. М.: МГУУ Правительства Москвы, 2009.

[40] Печникова А.П. Правовое регулирование предпринимательской деятельности образовательных и лечебно-профилактических учреждений М.: Цит - М, 2006.

[41] Печникова А.П. Становление советской государственной системы охраны здоровья граждан // Научные школы Московского университета МВД России: Н.В. Михайлова: Традиции и инновации в постижении истории государства и права. Разд. 2: Научные труды учеников и последователей Н.В. Михайловой. - М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2009.

[42] Печникова А.П. Становление советской системы здравоохранения // История государства и права. М., 2009. - № 16. - С. 34-36.

[43] Римское частное право: курс лекций / Д.А. Колбасин, Е.В. Лобатенко. - Минск: Акад. МВД, 2011. С. 39.

[44] Савельев В.А. Римское частное право: (Проблемы истории и теории). М.: Юрист, 1995. С. 4.

[45] Чернявский А.Г. Роль и значение идеологии для государства и права. Монография / Москва, 2020.

[46] Чернявский А.Г., Пашенцев Д.А., Ладнушкина Н.М., Фёклин С.И. История образования и пе-

дагогической мысли: в 3-х томах. Том 3: правовое регулирование государственного контроля качества образования. Том 3. Москва, 2020.

[47] Чернявский А.Г., Синяева Н.А., Самодуров Д.И. Международное гуманитарное право. Учебник / Москва, 2020; Чернявский А.Г. Правовое значение идеи суверенитета для государства и права. Москва, 2020.

[48] Шестак В.А. О некоторых вопросах применения в современных условиях судами уголовно-правовых норм, содержащих неспециальные составы мошенничества, присвоения и растраты // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 3 (27). С. 178-183.

[49] Шестак В.А. О современной практике применения судами законодательства, регулирующего использование электронных документов в ходе уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38). С. 213-217.

[50] Шестак В.А. Об отдельных проблемных вопросах квалификации специальных видов мошенничества // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 2 (37). С. 372-377.

References:

[1] Andreev P.P. Correlation of concepts: welfare state, social protection, social risks, social security. – Vladimir, 2005. Page 52.

[2] Babaev A.B. System of property rights. Monograph. – Moscow: Wolters Kluwer, 2006. – Page 367.

[3] Vorobyova N.Yu., Kuznetsov E.V. Ensuring social security of citizens in the modern Russian state // Sixth scientific session of graduate students of SUAI: Humanities. Collection of reports: In 2 parts. Part 2. – St. Petersburg: SPbSUAI, 2003. – Pages 148-150.

[4] Gots E.V. Issues of regulation of the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs in the Russian Federation // New Law Journal. 2015. No. 3. Pp. 81-86.

[5] Gots E.V. Directions for Improving the System and Measures of Administrative Prevention of Corruption in Public Procurement // Agrarian and Land Law. 2015. No. 1 (121). Pp. 142-145.

[6] Civil Law: Current Issues of Theory and Practice. General editor V.A. Belov. Moscow: Yurait-Izdat, 2007. Pp. 362.

[7] Dmitriev Yu.A., Mamedov S.N. Legislative and Institutional Aspects in Personnel Management. - Vladimir, 2009. 192 p.

[8] Dmitriev Yu.A., Mamedov S.N. Labor Law in Personnel Management. - Vladimir, 2009.

[9] Dmitriev Yu.A., Mironov V.O. Interstate Associations: Concept, Forms, and Classification // State and Law. 2013. No. 3. pp. 62-71.

[10] Dmitriev Yu. A., Mironov V. O. An Atypical Form of Government: The Confederation of Russia and Belarus // State and Law. 2012. No. 7. pp. 82-91.

[11] Dmitriev Yu. A., Mironov V. O. Subjects of the Russian Federation and Constitutional Justice // Bulletin of the International Institute of Management. 2012. No.

5-6 (117-118). pp. 20-23.

[12] Elin V. M., Zharova A. K. On the Methodology of Information Law // Law and State: Theory and Practice. 2013. No. 4 (100). pp. 133-143.

[13] Elin V.M., Zharova A.K. Legal Aspects of Online Commerce

Law and State: Theory and Practice. 2012. No. 10 (94). pp. 139-151

[14] Zharova A.K. Internet, Globalization, and International Law // Social Sciences and Modernity. 2004. No. 6. pp. 97-104.

[15] Zharova A.K. Features of Online Retail Purchase and Sale // State and Law. 2012. No. 8. pp. 109-113.

[16] Zharova A.K. Terms of Service for Providing Access to Cloud Computing // State and Law. 2012. No. 12. pp. 86-90.

[17] Zharova A.K., Gutnikova A.S., Maltseva S.V., Elin V.M. Legislative Support for the Principle of Technological Neutrality in Information Systems // Business Informatics. 2012. No. 4 (22). Pp. 25-32.

[18] Mamedov S.N. Lecture Course on the Discipline «Jurisprudence». Moscow: Publishing House of Education and Science of the Russian Federation, State Educational Institution of Higher Professional Education Vladimir State University. Vladimir, 2010.

[19] Mamedov S.N., Ivanova Zh.B., Molchanov B.A. The Roma Question in Europe: Status and Rights of Roma // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2015. No. 4 (37). Pp. 196-201.

[20] Matveeva M.A. On the Issue of Conceptual and Methodological Foundations of Lawmaking Theory // Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2017. No. 4 (47). Pp. 134-137.

[21] Matveeva M.A. Constitutional Prohibition of Monopolization of Economic Activity and Unfair Competition (Based on Legal Regulation in the Sphere of Civil Aviation) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2018. No. 3. Pp. 135-145.

[22] Matveeva M.A. Concept of Lawmaking Policy: The Problem of Theoretical Justification // Education and Law. 2017. No. 3. Pp. 24-32.

[23] Matveeva M.A. Monitoring Lawmaking: The Problem of Theoretical Justification // Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2014. No. 2 (33). P. 44-47.

[24] Matveeva M.A. Law-making as a legal activity: problems of theoretical understanding // Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 5. P. 191-201.

[25] Matveeva M.A. Theoretical and methodological problems of the legal procedural form of law-making // Law and State: Theory and Practice. 2015. No. 3 (123). P. 30-34.

[26] Matveeva M.A. Law-making theory in domestic jurisprudence // Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary Services. 2014. No. 1 (32). P. 37-41.

[27] Melnikov V.S. The Concept of Abuse of Rights in Civil Law // International Academic Bulletin. 2018. No. 1-1 (21). Pp. 76-79.

- [28] Melnikov V.S. Predictive Modeling of Artificial Intelligence Ontologies as a Basis for Designing Necessary Reference Changes to Legislation // *Law and State: Theory and Practice*. 2018. No. 8 (164). Pp. 92-95.
- [29] Melnikov V.S., Melnikova Yu.V. Domain Name and Its Disposition / Modern Achievements and Developments in the Field of Jurisprudence. Collection of Scientific Papers Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference. 2017. Pp. 17-20.
- [30] Melnikov V.S., Melnikova Yu.V. The Correlation of Domain Name and Means of Individualization / Jurisprudence: Scientific Priorities of Scientists. Collection Scientific papers following the results of the international scientific and practical conference. 2017. pp. 11-15.
- [31] Metzger A.A. Guarantees of personal inviolability of citizens in law enforcement activities of internal affairs bodies (theoretical and legal aspect) / Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation / Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2005.
- [32] Metzger A.A. Ensuring the personal inviolability of a suspect during preliminary investigation / Constitutional protection of citizens from criminal attacks, implemented by the norms of criminal and criminal procedural legislation, materials of the All-Russian interdepartmental scientific and practical conference. Moscow, 2004. pp. 190-194.
- [33] Metzger A.A. The concept of guarantees of citizens' rights in legal science // *Education and Law*. 2019. No. 12. Pp. 23-29.
- [34] Metzger A.A. The Content of Individual Personal Rights and Freedoms of Man and Citizen (using Political Rights as an Example) // *International Journal of Constitutional and Public Law*. 2019. No. 4. Pp. 49-51.
- [35] Metzger A.A. The Social Essence and Significance of the Institute of Guarantees of Citizens' Rights // *Education and Law*. 2019. No. 11. Pp. 47-53.
- [36] Mironov V.O. State and Legal Relations between Russia and Belarus in 1917-1922 // *State and Law*. 2004. No. 12. Pp. 70-76.
- [37] Mironov V.O. Assessment of the Effectiveness of Prevention of Crimes Committed in Correctional Institutions // *Russian Criminological Viewpoint*. 2010. No. 2. Pp. 377-380.
- [38] Mironov V.O. Prosecutor's Guarantees for the Implementation of Human Rights and Freedoms in Russia // *Current Issues in Education and Science*. 2012. No. 3-4. Pp. 26-29.
- [39] Pechnikov A.P., Pechnikova A.P. Theory of State and Law. Textbook-method manual. Moscow: Moscow State University of Management of the Government of Moscow, 2009.
- [40] Pechnikova A.P. Legal Regulation of Entrepreneurial Activities of Educational and Medical-Preventive Institutions Moscow: Shchit - M, 2006.
- [41] Pechnikova A.P. Formation of the Soviet State System of Public Health Protection // *Scientific Schools of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia: N.V. Mikhailova: Traditions and Innovations in Understanding the History of State and Law*. Sec. 2: Scientific works of students and followers of N.V. Mikhailova. - M.: UNITY - DANA, 2009.
- [42] Pechnikova A.P. Formation of the Soviet healthcare system // *History of the state and law*. M., 2009. - No. 16. - Pp. 34-36.
- [43] Roman private law: course of lectures / D.A. Kolbasin, E.V. Lobatenko. - Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2011. P. 39.
- [44] Savelyev V.A. Roman private law: (Problems of history and theory). M.: Jurist, 1995. P. 4.
- [45] Chernyavsky A.G. The role and significance of ideology for the state and law. Monograph / Moscow, 2020.
- [46] Chernyavsky A.G., Pashentsev D.A., Ladhushkina N.M., Feklin S.I. History of Education and Pedagogical Thought: in 3 volumes. Volume 3: Legal Regulation of State Control over the Quality of Education. Volume 3. Moscow, 2020.
- [47] Chernyavsky A.G., Sinyaeva N.A., Samodurov D.I. International Humanitarian Law. Textbook / Moscow, 2020; Chernyavsky A.G. Legal Significance of the Idea of Sovereignty for the State and Law. Moscow, 2020.
- [48] Shestak V.A. On Some Issues of Application in Modern Conditions by Courts of Criminal Law Norms Containing Non-Special Compositions of Fraud, Misappropriation, and Embezzlement // *Library of Criminal Law and Criminology*. 2018. No. 3 (27). P. 178-183.
- [49] Shestak V.A. On the modern practice of applying legislation regulating the use of electronic documents in criminal proceedings by courts // *Forensic Library. Scientific journal*. 2018. No. 3 (38). P. 213-217.
- [50] Shestak V.A. On certain problematic issues of qualification of special types of fraud // *Forensic Library. Scientific journal*. 2018. No. 2 (37). P. 372-377.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.03.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 01.04.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского
(<https://mipo.online>)¹,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
<https://ludmilagru.academia.edu/research>
<https://orcid.org/0000-0001-7731-724X>
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ОЦЕНКА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ УЧЕНЫХ В США

Аннотация. В статье исследуется американская модель оценки научной деятельности и результативности ученых как сложная система, складывающаяся на пересечении университетской автономии, конкурсного грантового финансирования, федерального регулирования, правового контроля академических процедур и рыночно-инновационной логики коммерциализации результатов исследований. Показано, что в США отсутствует единый централизованный государственный регламент оценки ученого, сопоставимый с жестко унифицированными национальными моделями аттестации; вместо этого действует многоуровневый режим оценивания, включающий процедуры найма, tenure and promotion, внешнюю экспертную оценку заявок, постгрантовую отчетность, оценку исследовательской добросовестности, учет патентно-лицензионной активности, а также анализ общественного эффекта исследований. Делается вывод о переходе американской модели от преимущественно элитарной репутационной оценки к более сложной архитектуре «ответственной результативности», в которой соединяются научное качество, воспроизводимость, общественная значимость, командный вклад, открытость данных и институциональная подотчетность.

Ключевые слова: США, оценка научной деятельности, результативность ученых, tenure, promotion,; NIH, NSF, research misconduct, Bayh-Dole Act, академическая свобода, библиометрия, научная политика.

GRUDTSYNA Lyudmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining
at the K.D. Ushinsky Moscow Institute of Professional Education
(<https://mipo.online>),
Professor of the Department of Constitutional and International Law
at the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Honorary Advocate of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences

EVALUATION OF SCIENTIFIC ACTIVITY AND PERFORMANCE OF SCIENTISTS IN THE USA

Annotation. This article examines the American model for assessing the scientific activity and performance of scientists as a complex system emerging at the intersection of university autonomy, competitive grant funding, federal regulation, legal oversight of academic procedures, and the market-innovative logic of commercializing research results. It is shown that in the United States, there is no single, centralized state regulation for assessing scientists comparable to strictly unified national certification models. Instead, a multi-tiered assessment regime is in place, including hiring procedures, tenure and promotion, external peer review of applications, post-grant reporting, research integrity assessment, patent and licensing activity, and analysis of the societal impact of research. It is concluded that the American model is shifting from a predominantly elitist reputational assessment to a more complex architecture of «responsible performance,» which combines scientific quality, reproducibility, societal significance, team contribution, data openness, and institutional accountability.

¹ Повышение квалификации и профессиональная переподготовка преподавателей, юристов, адвокатов (удостоверения и дипломы государственного образца, ФИС ФРДО). Официальный сайт Института: <https://mipo.online/training>

Key words: United States, scientific activity assessment, scientist performance, tenure, promotion,; NIH, NSF, research misconduct, Bayh-Dole Act, academic freedom, bibliometrics, science policy.

Введение

Оценка научной деятельности и результативности ученых в Соединенных Штатах Америки представляет особый интерес как для сравнительного правоведения, так и для теории научной политики. Американская модель принципиально не сводится к одному государственному реестру достижений, к одной системе присуждения баллов или к единой процедуре аттестации ученого. Ее отличает институциональная множественность и функциональная дифференциация: один и тот же исследователь одновременно оценивается кафедрой и университетом при найме и продвижении, федеральными агентствами при распределении грантов, экспертными сообществами при рецензировании публикаций, работодателем при решении вопроса о постоянном статусе (tenure), органами исследовательской добросовестности при проверке на фабрикацию, фальсификацию и плагиат, а также рынком и трансферными структурами при коммерциализации результатов исследований.

В этой связи американский опыт нельзя описать только через публикационную активность, как нельзя описать его и только через судебные споры о tenure. Он представляет собой многоканальную систему селекции, стимулирования и контроля, в которой взаимодействуют академические ценности, правовые гарантии, управленческие метрики и экономические интересы. С одной стороны, американская наука исторически опирается на профессиональную автономию сообщества ученых и высокую роль peer review. С другой стороны, именно в США получили особенно мощное развитие библиометрические и репутационные инструменты оценивания, системы грантовой конкуренции, патентно-лицензионные режимы и формы внешней отчетности, связывающие научную деятельность с общественной пользой, технологическим развитием и бюджетной подотчетностью.

Понимание этих особенностей важно и в прикладном отношении. Американская модель нередко выступает образцом «гибкой», «конкурентной» и «эффективной» оценки науки. Однако при более внимательном анализе обнаруживается, что она внутренне противоречива. В ней сосуществуют свобода научного поиска и давление количественных показателей; уважение к профессиональному суждению факультета и судебный контроль антидискриминационных гарантий; признание индивидуальной академической репутации и объективная необходимость учитывать коллективный вклад в командной науке; ориентация на общественное благо и, одновременно, мощная логика патентной монетизации результатов исследований.

Методологические основания американской модели оценки научной деятельности

Американская система оценки ученого выросла

не из бюрократической идеи «учета показателей», а из более глубокой социологии науки. Симптоматично, что Роберт Мертон, анализируя науку как социальный институт, подчеркивал: институт науки «defines originality as a supreme value», то есть определяет оригинальность как высшую ценность [1]. Это наблюдение принципиально важно для понимания логики американской оценки исследователя. Смысл признания ученого здесь исторически связывается не просто с количеством произведенных текстов, а с приоритетом открытия, вкладом в новое знание и признанием этого вклада профессиональным сообществом.

Отсюда следует первый базовый тезис: в США оценка ученого изначально строится вокруг признания научного вклада, а не вокруг формализованного государственного статуса. В мертоновской перспективе научная репутация выступает своеобразной «собственностью» ученого, однако эта собственность носит особый характер: результат исследования после опубликования включается в публичный фонд науки, а за автором сохраняется прежде всего признание интеллектуального приоритета [1]. Данная мысль впоследствии институционализировалась в американской академической культуре в виде высокой значимости приоритетных публикаций, цитируемости, авторства, ведущих журналов и внешней репутации.

Второй методологический пласт связан с осмыслением структуры самой профессорской деятельности. Эрнест Бойер в работе «Scholarship Reconsidered» убедительно показал ограниченность модели, в которой деятельность преподавателя и ученого оценивается почти исключительно по публикациям в рецензируемых журналах. Он писал, что «Excellence is the yardstick by which all scholarship must be measured», но одновременно подчеркивал необходимость оценивать не только research, но и более широкий спектр академического труда [3]. В этом заключается важный для США нормативный сдвиг: ученый - это не только производитель статей, но и преподаватель, наставник, участник интеллектуальной интеграции знания, субъект общественно значимой экспертной деятельности.

Третий методологический компонент связан с библиометрией. Юджин Гарфилд, предложивший индекс цитирования как новую систему навигации по науке, одновременно предупреждал о «frequent use and misuse of citations for the evaluation of individual research performance» [2]. В этой двойственности и состоит американская ситуация последних десятилетий: США стали не только пространством развития citation indexing, но и пространством наиболее острой критики его механического применения. Библиометрия здесь никогда не рассматривалась как полностью самодостаточный заменитель экспертного суждения; скорее она стала частью более широкого оценочного инструментария, который может

быть полезен, но при некомпетентном использовании способен искажать реальную ценность научной работы [2].

Таким образом, уже на уровне идейных оснований американская модель соединяет три начала: приоритет оригинального вклада, многоаспектность академического труда и осторожное использование метрик как вспомогательных средств оценки. Эта тройственная логика продолжает просматриваться и в современном правовом регулировании, и в практике университетов, и в грантовой системе.

Нормативно-правовой каркас оценки научной деятельности в США

Правовая среда оценки ученого в США не оформлена в виде единого «закона об оценке научной результативности». Ее конструкция складывается из нескольких слоев регулирования.

Во-первых, это федеральные правила научного рецензирования и распределения грантов. Для Национальных институтов здоровья США (NIH) важнейшее значение имеет 42 C.F.R. Part 52h, закрепляющий систему scientific peer review. Согласно § 52h.8, группа научного рецензирования оценивает общий потенциальный эффект проекта для соответствующей области исследований, принимая во внимание, в частности, значимость целей исследования, адекватность методологии, инновационность и квалификацию исполнителей [4]. Уже сама эта норма показывает, что в американском грантовом контуре оценивается не «ученый вообще», а сочетание научной идеи, методов, исследовательской команды и ресурсов.

Примечательно, что в 2024–2025 гг. NIH упростил структуру критериев экспертной оценки, сохранив базовые регуляторные критерии Significance, Investigators, Innovation, Approach, Environment, но сгруппировав их в более концентрированную рамку. Новая модель прямо ориентирована на снижение избыточной сложности экспертирования и уменьшение риска reputational bias [5]. Это свидетельствует о существенной тенденции: американская система не отказывается от экспертной оценки, но постоянно корректирует ее архитектуру, стремясь сделать ее менее зависимой от академического престижа и более сосредоточенной на научной ценности и реализуемости проекта.

Во-вторых, существенное место занимает регулирование Национального научного фонда (NSF). В процедуре merit review NSF использует два ключевых критерия - intellectual merit и broader impacts [6]. Тем самым американская система институционально закрепляет двойную природу научной результативности: исследование должно быть значимым в собственно научном отношении и одновременно иметь потенциал общественной пользы. В материалах NSF под broader impacts понимается способность исследования приносить пользу обществу и способствовать достижению желаемых общественных результатов, включая развитие STEM-образования, общественную научную грамотность, укрепление

кадрового потенциала, партнерства с индустрией и иные социально значимые эффекты [6]. В сравнительном плане это один из наиболее выразительных признаков американской модели: результативность ученого измеряется не только вкладом в corpus scientificum, но и ожидаемым внешним эффектом исследования.

В-третьих, правовой каркас образуют правила постгрантовой подотчетности. Система Research Performance Progress Reports (RPPR) унифицирует для федеральных агентств промежуточную и итоговую отчетность по проектам [7]. В отчет включаются сведения не только о публикациях, но и об изобретениях, патентных заявках, лицензиях, программном обеспечении, базах данных, оборудовании, учебных материалах, новых бизнесах и составе участников проекта [7]. Именно здесь особенно наглядно видно, как в США понятие научной результативности институционально расширяется: исследовательский успех - это не только статья, но и данные, технологии, материальные и нематериальные продукты, подготовка кадров, кооперация и организационные эффекты.

В-четвертых, оценка ученого неотделима от правового режима исследовательской добросовестности. 42 C.F.R. Part 93 определяет research misconduct как fabrication, falsification or plagiarism in proposing, performing, or reviewing research, or in reporting research results [8]. При этом из понятия misconduct прямо исключаются honest error и differences of opinion [8]. Такое разграничение исключительно важно для оценки ученого: американская система стремится не смешивать недобросовестность с научной ошибкой или добросовестным методологическим расхождением. Тем самым результативность ученого связывается не только с продуктивностью, но и с процессуальной и этической доброкачественностью производства знания.

В-пятых, роль играют нормы о доказательственной и оценочной политике федеральных агентств. После принятия Foundations for Evidence-Based Policymaking Act федеральные органы обязаны иметь планы evidence-building, а руководители агентств — назначать evaluation officers [9]. В связке с правилами agency performance plans и agency performance reporting [10] это формирует более широкую государственную культуру оценки, в которой научная политика и грантовые программы становятся частью режима публичной подотчетности и результативности федерального управления. Наука здесь оценивается не в административно-командном смысле, но в логике evidence-based governance.

Наконец, особое место занимает патентно-инновационный контур. Bayh-Dole Act (35 U.S.C. §§ 200–212) закрепляет политику стимулирования использования изобретений, возникших в рамках федерально финансируемых исследований [11]. Уже в § 200 подчеркивается цель использования патентной системы для содействия внедрению изобретений, созданных при государственной поддержке. Следовательно, результативность научной деятельности в

США правомерно измеряется и через способность исследования порождать патентоспособные решения, лицензии, стартапы и иные формы трансфера технологий. Это особенно характерно для биомедицины, инженерии, IT и прикладных дисциплин.

Университетская автономия, академическая свобода и пределы правового контроля

Хотя в США существует развитый федеральный регуляторный контур грантов и добросовестности, сердцевина оценки ученого по-прежнему находится внутри университетов. Это прежде всего процедуры найма, reappointment, promotion and tenure. Однако университетская автономия не носит абсолютно неограниченного характера; она соотносится с конституционными гарантиями, антидискриминационным правом и процессуальными стандартами.

Для понимания этого баланса важна линия дел Верховного суда США об академической свободе. В деле *Sweezy v. New Hampshire* Суд фактически признал особую ценность университетского пространства, воспроизведя идею «четырех существенных свобод» университета — решать на академических основаниях, кто может преподавать, чему учить, как учить и кого допускать к обучению [12]. Позднее в деле *Keyishian v. Board of Regents* Верховный суд сформулировал ставшую классической позицию о том, что академическая свобода есть «special concern of the First Amendment» [13]. Эти решения имеют прямое значение для оценки научной деятельности: они фиксируют, что государство не должно навязывать университету идеологически заданные критерии научной ценности и научной лояльности.

Но автономия университета не равна иммунитету от права. В деле *Board of Regents v. Roth* Верховный суд показал, что отсутствие tenure либо иного юридически защищенного ожидания продолжения трудовых отношений ограничивает объем процессуальных гарантий при непродлении контракта [14]. В деле *Perry v. Sindermann*, напротив, Суд признал, что де-факто сложившаяся политика tenure может порождать охраняемое правом ожидание, требующее процессуальной защиты [15]. Для оценки ученого это означает следующее: даже если академическое решение по существу относится к профессиональной компетенции факультета, сама процедура и правовые ожидания исследователя могут стать предметом судебного контроля.

Еще более показательно дело *Regents of University of Michigan v. Ewing*. Верховный суд указал, что при рассмотрении подлинно академических решений суды должны проявлять «great respect for the faculty's professional judgment» и не подменять своим усмотрением оценку специалистов, если только решение не представляет собой существенного отступления от принятых академических норм [16]. Эта формула чрезвычайно значима для американской системы. С одной стороны, она подтверждает, что оценка научной деятельности имеет ярко выраженную профессиональную природу и не должна превращаться в судебно-административную калькуля-

цию. С другой стороны, она оставляет пространство для вмешательства в случае очевидного произвола, дискриминации либо нарушения базовых процедурных стандартов.

В деле *University of Pennsylvania v. EEOC* Верховный суд отказался признавать привилегию академических peer review materials в споре о предполагаемой дискриминации при отказе в tenure [17]. Это решение особенно важно потому, что оно вскрывает напряжение между конфиденциальностью академической оценки и требованиями антидискриминационного контроля. Университет не вправе укрываться ссылкой на академическую автономию там, где необходимо проверить, не использовались ли критерии оценки ученого как маска для дискриминации по признаку пола, расы или национального происхождения.

Схожую значимость имеет дело *Delaware State College v. Ricks*, где Верховный суд связал юридически значимый момент для защиты прав профессора не с окончательным прекращением трудового договора, а с моментом уведомления об отказе в tenure [18]. В аспекте оценки результативности ученого это подчеркивает: ключевое академическое решение в системе американского университета — именно решение о tenure, а не последующее техническое оформление увольнения по terminal contract. Следовательно, исследовательская карьера в США во многом концентрируется вокруг того окна, в котором ученый должен представить доказательства своей научной состоятельности, педагогического качества, внешней репутации и институциональной полезности.

В совокупности названные дела позволяют сделать вывод: в США оценка научной деятельности строится в режиме «автономия плюс право». Университет свободен определять академические стандарты, однако не свободен нарушать конституционные гарантии, допускать дискриминацию, игнорировать собственные правила и маскировать произвол ссылкой на профессиональное усмотрение.

Грантовая конкуренция как форма оценки ученого

Одним из наиболее мощных механизмов оценки ученого в США выступает грантовая конкуренция. В отличие от систем, где научный статус закрепляется преимущественно через государственную аттестацию или централизованные перечни публикаций, в американской модели постоянное участие в конкурсном распределении ресурсов становится частью самой профессиональной идентичности исследователя.

В грантовом контуре ученый оценивается сразу в нескольких измерениях. Во-первых, оценивается качество исследовательского вопроса: его значимость, оригинальность и способность продвинуть соответствующее научное поле. Во-вторых, оценивается строгость методологии и реалистичность исследовательского дизайна. В-третьих, принимается во внимание предшествующая подготовка ученого и

команды, наличие инфраструктуры, ресурсов и организационной способности выполнить проект [4; 5]. Тем самым американская система не удовлетворяется ретроспективной оценкой прежних достижений. Она оценивает и будущую производительность как прогноз, основанный на репутации, концепции, методах и ресурсах.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что грантовая оценка в США не тождественна академическому продвижению. Ученый может быть выдающимся теоретиком и при этом иметь более скромный объем грантового финансирования, особенно в дисциплинах, не требующих дорогостоящей лабораторной инфраструктуры. Напротив, в биомедицине, инженерии и прикладных науках объем внешних средств нередко выступает важнейшим признаком научной состоятельности и лидерства. Это дисциплинарное расслоение создает структурное неравенство оценочных режимов: один и тот же показатель — размер грантов — имеет разную объяснительную силу в математике, истории, социологии, медицине или computer science.

Именно поэтому американские агентства в последние годы стараются сместить акцент с избыточной репутационной оценки на содержательную оценку проекта. Упрощенный фреймворк NIH, направленный на уменьшение reputational bias, фактически признает, что прежняя система могла чрезмерно усиливать значение статуса и бренда исследователя [5]. Схожим образом NSF, сохраняя критерий intellectual merit, одновременно институционализировал broader impacts, препятствуя редукции научного успеха к внутри-академическому престижу [6].

Особое значение имеет и то, что федеральная отчетность по грантам фиксирует не только публикационные, но и кадровые, организационные, партнерские и инновационные эффекты проекта [7]. На практике это означает превращение гранта в инструмент многомерной оценки ученого как организатора знания. Современный успешный американский исследователь — это нередко не только автор статей, но и руководитель команды, ментор молодых ученых, партнер индустрии, куратор данных, участник междисциплинарных консорциумов. В этом отношении грантовая система США выступает мощным фактором трансформации самого образа ученого.

Tenure and promotion: ядро университетской оценки

Центральным механизмом долгосрочной оценки ученого в США остается система tenure and promotion. Именно она определяет, станет ли временный faculty member постоянным членом профессорского корпуса, получит ли академическую защищенность, расширенную свободу научного поиска и символический статус, позволяющий формировать собственную исследовательскую программу.

Эмпирические исследования показывают, что review, promotion and tenure (RPT) существенно направляют карьерное поведение преподавателей и

исследователей [19]. Как отмечается в литературе, в последние десятилетия в процедурах RPT усилилась ценность research в ущерб teaching и service, что порождает несоответствие между фактическим распределением времени преподавателя и тем, что действительно вознаграждается системой [19]. Данный вывод имеет фундаментальное значение: американская университетская модель декларирует многомерность профессорского труда, однако институционально часто продолжает вознаграждать прежде всего исследовательский output.

Обычная tenure-процедура включает рассмотрение публикаций, качества журналов и издательств, внешних рецензий, репутации кандидата в дисциплине, его участия в грантовой деятельности, качества преподавания, mentoring, service и иногда - общественного влияния работы. Но удельный вес этих факторов резко варьируется в зависимости от типа университета, дисциплины, школы и даже конкретного департамента. В research-intensive universities исследовательские результаты, как правило, доминируют. В teaching-oriented colleges значение педагогической составляющей выше, однако и там высоко котируются публикации как маркер дисциплинарной легитимности.

Интересные данные дает новейшее исследование траекторий 12 тысяч американских преподавателей. Оно показывает, что публикационная активность возрастает на tenure-track и достигает пика непосредственно перед tenure, после чего траектории расходятся: в лабораторных областях высокий output часто сохраняется, а в нелабораторных наблюдается более заметное снижение; при этом после tenure ученые производят более novel works, но меньше highly cited papers [20]. Эта картина подтверждает двойственную природу tenure. С одной стороны, он является мощным стимулом продуктивности до момента решения о постоянном статусе. С другой стороны, после его получения ученый получает пространство для более рискованных и менее конъюнктурных исследовательских стратегий.

Следовательно, оценка результативности ученого в США имеет не только селективную, но и поведенческую функцию. Она формирует incentives. Университет, фактически, через свои tenure-стандарты сообщает молодому исследователю, что именно считается научным успехом: много статей, статьи в высокостатусных журналах, гранты, цитируемость, монография, наличие лаборатории, индекс наставничества, публичное влияние или комбинация указанных факторов. Поэтому проблема оценки ученого в США - это не просто проблема измерения; это проблема конструирования желательного типа научного поведения.

Библиометрия, публикации и внешняя репутация

Несмотря на постоянную критику, публикации и библиометрические индикаторы остаются в США едва ли не наиболее универсальным языком оценивания научной результативности. Публикации удоб-

ны как легко фиксируемые, сопоставимые и архивируемые единицы. Цитируемость воспринимается как сигнал признания; рейтинги журналов и издательств - как прокси научного качества. Однако юридически и методологически такая модель далека от безупречности.

Во-первых, публикационные показатели различаются по дисциплинам. В биомедицине и естественных науках доминируют журнальные статьи и командное соавторство; в праве, истории, философии и ряде социальных наук более значимы книги, главы, doctrinal articles, case notes, law review publications. Следовательно, прямое сопоставление количества статей или h-index между дисциплинами методологически несостоятельно.

Во-вторых, сами исследователи указывают, что документы по review, promotion and tenure переоценивают традиционные research outputs и citation-based metrics, тогда как публичные измерения научной работы обычно оттесняются в сферу service и тем самым институционально недооцениваются [21]. Иными словами, публикация в узкопрофессиональном журнале нередко получает больший вес, чем экспертная работа для государственных органов, разработка открытых данных, создание научного software, подготовка общественно значимых policy reports или реальное воздействие на регулирование и судебную практику.

В-третьих, репутационная составляющая американской науки чрезвычайно высока. Значение имеют не только сами статьи, но и то, где они опубликованы, в каком университете работает исследователь, какие external reviewers оценивают его dossier, с кем он совместно пишет, на каких конференциях выступает, какую научную сеть сформировал. Именно здесь кроется опасность reputational lock-in: высоко-статусные институты и уже признанные ученые получают кумулятивные преимущества, которые затем вновь конвертируются в гранты, citations и карьерное продвижение.

В этой части предупреждение Гарфилда о возможности злоупотребления цитированием как инструментом оценки индивидуальной производительности сохраняет полную актуальность [2]. Библиометрия в США стала мощным, но не нейтральным ресурсом. Она позволяет быстро выделять лидеров, но одновременно создает стимулы к инфляции публикаций, стратегическому соавторству, выбору «модных» тем и отказу от долгих, рискованных и междисциплинарных проектов, результаты которых менее предсказуемы в краткосрочном индикаторном горизонте.

Командная наука, междисциплинарность и проблема признания индивидуального вклада

Современная американская наука все более становится наукой больших команд, сложной инфраструктуры и междисциплинарных консорциумов. Однако классические университетские процедуры продвижения долгое время были сконструированы под образ индивидуального scholar, демонстрирую-

щего собственную независимую линию работ, ведущие авторские позиции и статус principal investigator. В результате возник структурный разрыв между фактической организацией производства знания и механизмами его оценки.

Исследования по team science прямо фиксируют, что университеты в целом не выработали достаточных критериев признания ценности командной науки в процессах promotion and tenure [22]. Традиционные критерии - peer-reviewed publications, authorship order, journal impact factor, grant funding, national or international reputation - по-прежнему ориентированы преимущественно на индивидуальное достижение [22]. Но в крупных проектах значительный вклад нередко вносят middle authors, co-investigators, data scientists, methodologists, statisticians, software developers, coordinators of multi-site collaboration. Их вклад может быть критически важным, хотя он хуже считается через классические индикаторы. Это особенно существенно для прикладных и трансляционных исследований, где innovation increasingly requires collective creativity [22]. Если университет продолжает ценить исключительно first/senior authorship и PI-status, то он фактически поощряет индивидуалистическую модель поведения даже там, где научный прорыв возможен только через сложную коллективную работу. В долгосрочном плане это способно деформировать и саму организацию исследований.

Американская система постепенно реагирует на этот вызов через развитие narrative elements в CV, расширение критериев external review, более подробные описания конкретного вклада в multi-author projects, а также через специальные рекомендации по team science portfolios. Тем не менее нормативная и практическая адаптация еще не завершена. Поэтому одна из центральных проблем оценки научной результативности в США состоит в том, чтобы научиться измерять не только индивидуальную видимость, но и реальный вклад в кооперативное производство знания.

Оценка добросовестности исследований как неотъемлемая часть научной результативности

В американской модели результативность ученого не может считаться юридически и институционально полноценной без проверки на research integrity. Именно поэтому нормы 42 C.F.R. Part 93 играют не вторичную, а системообразующую роль [8]. Если ученый производит большое количество публикаций, активно привлекает гранты и имеет высокую цитируемость, но при этом использует fabrication, falsification or plagiarism, его «результативность» утрачивает легитимность как в правовом, так и в научно-этическом смысле.

Сильной стороной американского подхода является подробная регламентация институциональных процедур. Учреждения должны иметь письменные политики по рассмотрению allegations of research misconduct; обязаны документировать inquiries и investigations; обеспечивать impartial and unbiased investigation; привлекать лиц с соответству-

ющей scientific expertise и без нерешенных personal, professional or financial conflicts of interest [8]. ORI вправе осуществлять oversight review и предпринимать собственные действия по поступившим allegations [8]. Тем самым результативность ученого оценивается не только по «выходам», но и по тому, допустимы ли с процессуальной и этической точки зрения методы достижения этих выходов.

Важно и то, что американская модель четко включает honest error и differences of opinion из категории misconduct [8]. Эта оговорка защищает науку как пространство риска, проверки гипотез и методологического спора. Ученый не должен бояться научной неудачи как правонарушения. Ответственность наступает не за ошибку как таковую, а за сознательное или безрассудное искажение научной истины. В этом проявляется зрелый правовой баланс между требованием достоверности и сохранением пространства исследовательской свободы.

Коммерциализация, патенты и инновационная отдача

Американская оценка научной результативности была бы неполной без учета инновационно-коммерческого измерения. Bayh-Dole Act придал результатам исследований, выполненных при федеральной поддержке, новый институциональный статус, стимулируя их патентование и последующую передачу в экономический оборот [11]. С этого момента успех исследовательского проекта и ученого может выражаться не только в научной публикации, но и в subject invention, лицензии, startup formation, clinical adoption или иной форме внедрения.

Вместе с тем, судебная практика показывает, что и здесь не все сводится к интересам университета как организации. В деле Board of Trustees of the Leland Stanford Junior University v. Roche Molecular Systems Верховный суд США указал, что Bayh-Dole Act не передает автоматически право собственности на federally funded inventions федеральным подрядчикам и не позволяет университетам односторонне «изымать» титул у изобретателя [23]. Суд подчеркнул традиционный принцип американского патентного права: изначально право на изобретение принадлежит самому inventor, если иное не вытекает из надлежаще оформленного соглашения [23].

Это решение имеет прямое значение для оценки научной деятельности. Во-первых, оно показывает, что американская система признает самостоятельную юридическую субъектность ученого как изобретателя. Во-вторых, оно демонстрирует, что коммерциализационная результативность не может быть сведена к одному административному интересу университета. В-третьих, оно усиливает значение договорного и комплаенс-сопровождения научной деятельности: исследовательская результативность в прикладных областях зависит и от того, насколько корректно оформлены права на результаты интеллектуальной деятельности.

Следует, однако, избегать упрощенного вывода,

будто американская система рассматривает патентную активность как универсальный критерий качества ученого. Это верно лишь для определенных дисциплин. В ряде областей права, гуманитарных и фундаментальных наук патенты практически не играют роли. Но в биомедицине, инженерии, materials science, biotech и ряде направлений computer science инновационная отдача стала полноценной частью институционального профиля успешного исследователя. Именно поэтому RPPR-отчетность специально выделяет inventions, patent applications and licenses [7].

Публичная миссия науки и «broader impacts»

Одним из наиболее интересных аспектов американской модели является постепенное расширение оценки научной результативности за пределы узко-профессионального признания. Хотя публикации, цитируемость и гранты по-прежнему играют огромную роль, федеральные агентства и часть университетского сектора все активнее институционализируют публичную миссию науки.

Наиболее последовательно это реализовано в критерии broader impacts NSF [6]. Проект должен показать потенциал общественной пользы: образовательный эффект, вовлечение новых групп в STEM, повышение научной грамотности, развитие партнерств, вклад в национальную безопасность, экономическую конкурентоспособность, благополучие общества и исследовательскую инфраструктуру [6]. Это не «приложение» к науке, а встроенный элемент merit review. В таком подходе просматривается принципиально важный нормативный сдвиг: общество вправе ожидать от публично финансируемой науки не только истины как таковой, но и измеримого общественного значения.

Однако эмпирические данные показывают, что университетские системы продвижения далеко не всегда синхронизированы с этой логикой. Анализ документов review, promotion and tenure в выборке 129 университетов США и Канады показал, что публичные и общественные измерения faculty work часто упоминаются лишь в контексте service, традиционно недооцениваемого сегмента академической карьеры [21]. Иначе говоря, федеральный уровень в большей степени готов признавать общественный эффект науки, чем часть университетской инфраструктуры карьерного вознаграждения.

Здесь возникает одна из важнейших современных коллизий. Если ученый тратит значительное время на open science, policy engagement, работу с сообществами, развитие public legal education, создание data repositories или инструментов для практики, то его фактический общественный вклад может быть высок, но традиционный tenure dossier способен уловить его лишь частично. В этой части американская система находится в процессе перехода от narrow excellence к socially accountable excellence. Но переход этот далеко не завершен.

Институциональные контуры оценки: от индивидуального досье к экосистеме показателей

*Таблица 1. Основные контуры оценки
научной деятельности ученого в США.*

Контур	Субъект	Инструменты	Результат
Университетский	Департамент, факультет	Tenure dossier, внешние письма, teaching evaluations	Публикации, преподавание, service, репутация
Грантовый	NIH, NSF, агентства	Peer review, RPPR, biosketch	Идея, метод, команда, продукты, эффекты
Integrity	Университет, ORI	Inquiries, investigations, policies	Добросовестность и надежность исследования
Инновационный	ТТО, индустрия	Patent disclosures, licenses, startups	Патенты, лицензии, внедрение

Для более точного понимания американской модели следует различать по меньшей мере пять институциональных контуров оценки ученого.

Первый контур - кафедрально-университетский. Здесь оцениваются научные публикации, внешние рецензии, преподавание, участие в жизни факультета, mentoring, service, академическая репутация и соответствие профилю должности. Данный контур определяет вопросы найма, продления контракта, promotion и tenure. Его специфика состоит в том, что он наиболее сильно привязан к дисциплинарной культуре конкретного academic department. Именно поэтому критерии оценки профессора права и, например, биомедицинского исследователя могут существенно отличаться даже внутри одного университета.

Второй контур - грантово-агентский. Он связан прежде всего с NIH, NSF, Department of Energy, Department of Defense и другими публичными грантодателями. Здесь исследователь оценивается в логике конкурентного распределения ресурсов: важны новизна идеи, корректность дизайна, репутация команды, наличие инфраструктуры, практическая реализуемость, broader impacts, а позднее — качество отчетности, публикации, изобретения, продукты и кадровые результаты [4–7]. Ученый в этом контуре предстает не просто как автор, а как менеджер исследовательского цикла.

Третий контур — публикационно-репутационный. Он формируется журналами, издательствами, профессиональными ассоциациями, редакционными коллегиями, citation databases и неформальными сетями признания. В нем ключевую роль играют качество venues, peer-reviewed status, цитируемость, приглашения на конференции, участие в ведущих scholarly communities. Этот контур особенно важен

потому, что именно он часто поставляет университетам и грантодателям сигналы о «внешней» ценности исследователя.

Четвертый контур - integrity and compliance. Здесь в фокусе находятся отсутствие fabrication, falsification, plagiarism, соблюдение правил data management, disclosure obligations, conflict-of-interest requirements, humane treatment of human and animal subjects и иные параметры добросовестного ведения исследования [8]. Пост этого контура связан с тем, что современная американская наука все менее готова признавать производительность, не обеспеченную надежностью и исследовательской честностью.

Пятый контур - инновационно-трансферный. В нем оцениваются patent disclosures, licensing, startup activity, technology transfer, clinical translation, сотрудничество с индустрией и иные формы превращения исследовательского результата в экономически и социально используемый продукт [7; 11; 23]. Данный контур особенно весом для университетов с развитой исследовательской инфраструктурой и медицинских центров.

Принципиально важно, что один и тот же ученый может выглядеть по-разному в каждом из указанных контуров. Например, сильный теоретик может демонстрировать выдающиеся публикационные результаты и высокую научную репутацию, но сравнительно скромную грантовую активность. Напротив, исследователь в трансляционной медицине может иметь умеренную индивидуальную цитируемость, но быть незаменимым руководителем крупных консорциумов, обладателем патентов и создателем клинически значимых решений. Американская система не устраняет эти различия, а институционально работает с ними. Поэтому ее нельзя корректно описывать через один универсальный показатель.

Показатели результативности и их доказательная ценность

Таблица 2. Показатели результативности и их ограничения.

Показатель	Преимущество	Ограничение
Публикации	Фиксируют продуктивность	Не показывают глубину вклада и различия дисциплин
Цитируемость	Отражает внешнее признание	Зависит от поля и репутационных эффектов
Гранты	Показывают доверие агентств	Неравномерно значимы по дисциплинам
Патенты	Фиксируют инновационную отдачу	Нерелевантны для многих теоретических областей
Teaching / mentoring	Видна общественная миссия	Трудно стандартизировать

В американском академическом обороте показатель результативности редко существует в изоляции; обычно он рассматривается в составе evidentiary package, то есть как часть совокупности доказательств научной состоятельности. Это обстоятельство принципиально отличает зрелые практики оценки от примитивного «подсчета баллов».

К числу наиболее распространенных показателей относятся: количество публикаций; качество и статус журналов или издательств; число цитирований и различные индексы; участие в грантах и их объем; статус principal investigator либо co-investigator; качество преподавания; отзывы внешних экспертов; mentoring outcomes; создание данных, программного обеспечения и иных research products; патенты и лицензии; участие в профессиональных сообществах; руководящие функции в научных проектах; общественное и policy-влияние работы. Но доказательная ценность каждого из этих индикаторов зависит от контекста.

Так, количество публикаций без анализа их характера и вклада может ввести в заблуждение: длинный список минимально различающихся статей не эквивалентен нескольким работам, изменившим дискуссию в дисциплине. Высокая цитируемость также не всегда говорит о высоком качестве: она может зависеть от размера дисциплины, модности темы, соавторских сетей и даже от негативного цитирования. Объем грантов не одинаково релевантен в разных областях знания. Патенты важны далеко не для каждой дисциплины. Преподавательские успехи труднее измеряться, но для значительной части институтов они принципиальны. Внешние письма обладают высокой репутационной силой, но могут отражать и замкнутость дисциплинарных сетей.

Именно поэтому в США устойчиво сохраняется значение peer judgment. Судебная практика, особен-

но дело Ewing, фактически исходит из того, что академическое решение является результатом профессионального синтеза разнородных доказательств, а не механической суммы чисел [16]. В этом состоит одна из сильных сторон американской модели: даже при широком использовании метрик она сохраняет пространство для осмысленного коллегиального суждения.

Вместе с тем следует признать, что такой синтетический характер оценки делает ее менее прозрачной для самого оцениваемого. Молодой ученый далеко не всегда понимает, какой именно дефицит - публикационный, репутационный, грантовый, преподавательский или институционально-политический - оказался решающим при отрицательном tenure decision. Отсюда постоянный запрос на более ясные rubrics, публичные standards of excellence, структурированные external review processes и более четкое описание доказательств, достаточных для карьерного продвижения.

Сравнительно-правовое значение имеет и то, что американская модель во многих случаях предпочитает оценивать траекторию, а не только накопленный итог. Для департамента может быть важно не только то, сколько работ уже опубликовано, но и формирует ли кандидат самостоятельную интеллектуальную школу, способен ли стабильно привлекать финансирование, развивает ли он оригинальное направление и обладает ли потенциалом институционального лидерства. Иными словами, результативность понимается и как доказанная способность к будущему производству знания.

Основные проблемы современной американской системы оценки ученых

Комплексный анализ позволяет выделить несколько системных проблем.

Первая проблема - метрик-редукционизм. Не-

смотря на критику, публикации, цитируемость, impact factor и grant volume по-прежнему остаются быстрым и удобным языком сравнения. Однако удобство измерения не гарантирует точности оценки. Чем сильнее институт зависит от формальных прокси, тем выше риск подмены качества видимостью, а новизны - управляемой продуктивностью.

Вторая проблема - reputational bias. Даже там, где экспертные процедуры декларируются как content-based, реальная оценка может зависеть от статуса университета, прошлых грантов, узнаваемости имени, научной сети кандидата. Не случайно NIH прямо увязал реформу peer review с необходимостью уменьшить влияние reputational bias [5]. В американской системе престиж работает как аккумулятор доверия, но и как источник неравенства.

Третья проблема - дисбаланс между research, teaching и service. Литература по RPT последовательно показывает, что исследовательская составляющая в университетской карьере часто имеет приоритет перед преподаванием и институциональным служением [19]. Для университета как общественного института это чревато снижением качества педагогической миссии и вытеснением тех видов академического труда, которые плохо поддаются количественному учету.

Четвертая проблема — недооценка team science и междисциплинарного вклада. Традиционные критерии все еще заточены под фигуру индивидуального scholar [22]. Между тем границы современной науки все чаще смещаются к team-based production. Если оценка не научится видеть кооперативный вклад, она будет тормозить именно те формы научной организации, которые наиболее перспективны для сложных исследований.

Пятая проблема - дисциплинарная асимметрия. Один и тот же набор критериев плохо работает в разных областях знания. Для американской науки, чрезвычайно разнообразной по дисциплинарной структуре, это особенно чувствительно. Попытка универсализировать показатели нередко порождает искажения и несправедливость.

Шестая проблема - рост административной нагрузки. Подотчетность по грантам, compliance, disclosure obligations, conflict-of-interest rules, documentation of misconduct procedures, requirements for biosketches and other support - все это повышает прозрачность системы, но одновременно превращает ученого в объект постоянного управленческого мониторинга. Возникает опасность, что оценка научной результативности начнет поглощать время и ресурсы, которые должны идти на собственно исследование.

Седьмая проблема - конфликт между долгосрочной научной новизной и краткосрочной измеримостью. Долгие, рискованные, теоретически сложные или междисциплинарные проекты часто дают менее предсказуемый output в обозримом горизонте. Но именно они могут оказывать наиболее глубокое влияние на науку. Если система вознаграждает только быстро конвертируемый output, она может поощрять

стратегическую конформность и снижать готовность к настоящему научному риску.

Направления трансформации: к модели ответственной и многофакторной оценки

Современное развитие американской системы позволяет говорить не о кризисе оценки как таковой, а о переходе к новой модели — модели ответственной и многофакторной оценки научной деятельности.

Первое направление трансформации - усиление narrative and contextual assessment. Уже сегодня NIH biosketch служит не просто списком публикаций, а документом, фиксирующим qualifications and experience for a specific role in a project [24]. В перспективе именно контекстуализированный рассказ о вкладе ученого, его роли в команде, развитии методов, mentoring, data stewardship и translational pathways способен частично компенсировать ограничения голых метрик.

Второе направление - институциональное признание разных типов scholarly output. Данные, software, policy papers, curated databases, educational innovations, public engagement products, legal analytics, digital tools для практики - все это постепенно получает большую легитимность, особенно в тех областях, где общественное воздействие знания очевидно. RPPR уже фиксирует подобные продукты [7]; следующий шаг состоит в том, чтобы они системно учитывались и в карьерных решениях университетов.

Третье направление - переоценка критериев командного вклада. Американская наука неизбежно будет двигаться к более точному описанию individual contribution within collective enterprise. Это означает изменение external review letters, карьерных досье, шаблонов CV, а также работу с авторскими ролями и вкладом в грантовые консорциумы. Иначе система продолжит запаздывать по отношению к реальной организации исследований.

Четвертое направление - усиление связи между качеством исследования и integrity regime. В эпоху кризиса воспроизводимости ценность научной работы все сильнее определяется не только novelty, but robustness, transparency and reproducibility. Американская правовая рамка misconduct уже довольно развита [8], но следующий этап состоит в том, чтобы нормы открытых данных, качественной методологической отчетности и прозрачности аналитических процедур стали положительными критериями excellence, а не только отрицательными критериями отсутствия проступка.

Пятое направление - более осторожное и ответственное использование библиометрии. Американская система вряд ли откажется от citation-based indicators. Но все больше оснований считать, что их роль должна быть вспомогательной, а не доминирующей. Метрики полезны как сигналы; они опасны, когда начинают трактоваться как самодовлеющее доказательство научной ценности. В этом пункте американская практика постепенно возвращается к предупреждению Гарфилда о potential for abuse [2].

Шестое направление - сближение университетских и федеральных режимов оценки вокруг общественно значимого результата. Если NSF уже давно институционализировал *broader impacts* [6], а часть эмпирических исследований показывает недооценку *public dimensions* в университетских документах [21], то логичным направлением эволюции становится включение общественной значимости в карьерное вознаграждение. Речь идет не о замене науки активизмом, а о признании того, что публично финансируемое знание может и должно оцениваться также по качеству его общественного действия.

Заключение

Американская система оценки научной деятельности и результативности ученых представляет собой сложную, исторически сформировавшуюся и внутренне неоднородную конструкцию. Ее нельзя описать только через *tenure*, только через гранты, только через *citation metrics* или только через патенты. Она складывается как многоуровневое пространство, где соединяются академическая свобода, профессиональное суждение научного сообщества, федеральное регулирование научного рецензирования и отчетности, требования исследовательской добросовестности, антидискриминационный контроль и рыночно-инновационная логика использования результатов исследований.

В центре этой системы находится идея научного вклада, которую еще Мертон связывал с оригинальностью как высшей ценностью науки [1]. Но современная американская модель существенно усложнила понимание вклада. Сегодня она стремится учитывать не только новизну и репутационное признание, но и методологическую надежность, кадровый эффект, общественную пользу, командное взаимодействие, патентно-инновационную отдачу и институциональную подотчетность.

Вместе с тем, на наш взгляд, система сохраняет серьезные противоречия. Она по-прежнему чрезмерно зависит от количественных прокси, не всегда умеет видеть ценность преподавания и служения, нередко недооценивает командный вклад и подвержена репутационным смещениям. Поэтому дальнейшая эволюция американской оценки науки, по всей вероятности, будет связана не с отказом от оценки, а с ее реконфигурацией: от узкой логики продуктивности - к более сложной логике ответственной результативности.

Для сравнительно-правового анализа американский опыт важен прежде всего тем, что демонстрирует: действительно развитая система оценки науки не должна быть ни чисто бюрократической, ни чисто рыночной, ни чисто корпоративной. Она должна удерживать баланс между автономией научного сообщества и требованиями публичной подотчетности, между профессиональным суждением и измеряемостью, между индивидуальным признанием и коллективным производством знания, между свободой поиска и стандартами исследовательской добросовестности. Именно в поиске такого баланса

и состоит главный урок американской модели для современной теории и практики оценки научной деятельности.

Список литературы:

- [1] Merton R. K. *Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science* // *American Sociological Review*. 1957. Vol. 22. No. 6. P. 635–659.
- [2] Garfield E. *Citation Indexes for Retrieval and Research Evaluation* // [Электронный ресурс]. URL: <https://garfield.library.upenn.edu/papers/ciretreseval-capri.html> (дата обращения: 26.03.2026).
- [3] Boyer E. L. *Scholarship Reconsidered: Priorities of the Professoriate*. Princeton: The Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, 1990. 160 p.
- [4] Code of Federal Regulations. Title 42. Part 52h. *Scientific Peer Review of Research Grant Applications and Research and Development Contract Projects* // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-42/chapter-I/subchapter-D/part-52h> (дата обращения: 26.03.2026).
- [5] National Institutes of Health. *Simplified Peer Review Framework* // [Электронный ресурс]. URL: <https://grants.nih.gov/policy-and-compliance/policy-topics/peer-review/simplifying-review/framework> (дата обращения: 26.03.2026).
- [6] National Science Foundation. *Broader Impacts* // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsf.gov/funding/learn/broader-impacts> (дата обращения: 26.03.2026).
- [7] National Science Foundation. *Research Performance Progress Reports (RPPR)* // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsf.gov/bfa/dias/policy/research-performance-progress-reports> (дата обращения: 26.03.2026).
- [8] Code of Federal Regulations. Title 42. Part 93. *Public Health Service Policies on Research Misconduct* // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-42/chapter-I/subchapter-H/part-93> (дата обращения: 26.03.2026).
- [9] United States Code. Title 5. §§ 312–313. *Agency evidence-building plan; Evaluation Officers* // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/5/313> (дата обращения: 26.03.2026).
- [10] United States Code. Title 31. §§ 1115–1116, 1122. *Federal Government and agency performance plans; Agency performance reporting; Transparency of programs, priority goals, and results* // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/31/1115> (дата обращения: 26.03.2026).
- [11] United States Code. Title 35. §§ 200–212. *Patent Rights in Inventions Made with Federal Assistance (Bayh-Dole Act)* // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/35/part-II/chapter-18> (дата обращения: 26.03.2026).
- [12] *Sweezy v. New Hampshire*, 354 U.S. 234 (1957).
- [13] *Keyishian v. Board of Regents*, 385 U.S. 589 (1967).
- [14] *Board of Regents v. Roth*, 408 U.S. 564 (1972).
- [15] *Perry v. Sindermann*, 408 U.S. 593 (1972).

[16] Regents of University of Michigan v. Ewing, 474 U.S. 214 (1985).

[17] University of Pennsylvania v. EEOC, 493 U.S. 182 (1990).

[18] Delaware State College v. Ricks, 449 U.S. 250 (1980).

[19] Schimanski L. A., Alperin J. P. The evaluation of scholarship in academic promotion and tenure processes: Past, present, and future // F1000Research. 2018. Vol. 7. 1605.

[20] Tripodi G., Singh Chawla D., Evans J. A. Tenure and research trajectories // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2025. Vol. 122. No. 36.

[21] Alperin J. P., Muñoz Nieves C., Schimanski L. A. et al. How significant are the public dimensions of faculty work in review, promotion and tenure documents? // eLife. 2019. Vol. 8. e42254.

[22] Meurer J. R., Kotchen T. A., Dupre M. E. et al. Team science criteria and processes for promotion and tenure of Health Science University Faculty // Journal of Clinical and Translational Science. 2022. Vol. 7. e7.

[23] Board of Trustees of the Leland Stanford Junior University v. Roche Molecular Systems, Inc., 563 U.S. 776 (2011).

[24] National Institutes of Health. Biosketch Format Pages, Instructions, and Samples // [Электронный ресурс]. URL: <https://grants.nih.gov/grants-process/write-application/forms-directory/biosketch> (дата обращения: 26.03.2026).

References:

[1] Merton R. K. Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science // American Sociological Review. 1957. Vol. 22.No. 6. P. 635–659.

[2] Garfield E. Citation Indexes for Retrieval and Research Evaluation // [Electronic resource]. URL: <https://garfield.library.upenn.edu/papers/ciretreseval-capri.html> (accessed 03/26/2026).

[3] Boyer E. L. Scholarship Reconsidered: Priorities of the Professoriate. Princeton: The Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, 1990. 160 p.

[4] Code of Federal Regulations. Title 42. Part 52h. Scientific Peer Review of Research Grant Applications and Research and Development Contract Projects // [Electronic resource]. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-42/chapter-I/subchapter-D/part-52h> (accessed March 26, 2026).

[5] National Institutes of Health. Simplified Peer Review Framework // [Electronic resource]. URL: <https://grants.nih.gov/policy-and-compliance/policy-topics/peer-review/simplifying-review/framework> (accessed March 26, 2026).

[6] National Science Foundation. Broader Impacts // [Electronic resource]. URL: <https://www.nsf.gov/funding/learn/broader-impacts> (accessed March 26, 2026).

[7] National Science Foundation. Research Performance Progress Reports (RPPR) // [Electronic resource]. URL: <https://www.nsf.gov/bfa/dias/policy/>

research-performance-progress-reports (accessed March 26, 2026).

[8] Code of Federal Regulations. Title 42. Part 93. Public Health Service Policies on Research Misconduct // [Electronic resource]. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-42/chapter-I/subchapter-H/part-93> (accessed March 26, 2026).

[9] United States Code. Title 5. §§ 312–313. Agency evidence-building plan; Evaluation Officers // [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/5/313> (accessed March 26, 2026).

[10] United States Code. Title 31. §§ 1115–1116, 1122. Federal Government and agency performance plans; Agency performance reporting; Transparency of programs, priority goals, and results // [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/31/1115> (accessed: March 26, 2026).

[11] United States Code. Title 35. §§ 200–212. Patent Rights in Inventions Made with Federal Assistance (Bayh-Dole Act) // [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/35/part-II/chapter-18> (accessed: March 26, 2026).

[12] Sweezy v. New Hampshire, 354 U.S. 234 (1957).

[13] Keyishian v. Board of Regents, 385 U.S. 589 (1967).

[14] Board of Regents v. Roth, 408 U.S. 564 (1972).

[15] Perry v. Sindermann, 408 U.S. 593 (1972).

[16] Regents of University of Michigan v. Ewing, 474 U.S. 214 (1985).

[17] University of Pennsylvania v. EEOC 493 U.S. 182 (1990).

[18] Delaware State College v. Ricks, 449 U.S. 250 (1980).

[19] Schimanski L. A., Alperin J. P. The evaluation of scholarship in academic promotion and tenure processes: Past, present, and future // F1000Research. 2018. Vol. 7.1605.

[20] Tripodi G., Singh Chawla D., Evans J. A. Tenure and research trajectories // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2025. Vol. 122.No. 36.

[21] Alperin J. P., Muñoz Nieves C., Schimanski L. A. et al. How significant are the public dimensions of faculty work in review, promotion and tenure documents? // eLife. 2019. Vol. 8. e42254.

[22] Meurer J. R., Kotchen T. A., Dupre M. E. et al. Team science criteria and processes for promotion and tenure of Health Science University Faculty // Journal of Clinical and Translational Science. 2022. Vol. 7. e7.

[23] Board of Trustees of the Leland Stanford Junior University v. Roche Molecular Systems, Inc., 563 U.S. 776 (2011).

[24] National Institutes of Health. Biosketch Format Pages, Instructions, and Samples // [Electronic resource]. URL: <https://grants.nih.gov/grants-process/write-application/forms-directory/biosketch> (accessed 03/26/2026).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В НАУЧНОМ СЕТЕВОМ ЖУРНАЛЕ «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»:

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.
2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 5 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.
3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.
4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
 - а) рекомендовать принять рукопись к публикации;
 - б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;
 - в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);
 - г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) сообщение (по e-mail) об отказе в публикации рукописи, с приложением экспертной анкеты с результатом рецензирования).
5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу информацию об отказе.
6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.
7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 1 года.
8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет 5 дней с момента поступления рукописи в редакцию.
9. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научном сетевом журнале «Права человека в современном мире» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 3 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (менее 70%).

Рукописи должны иметь авторство не менее 70%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 70%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по правилам, направляется через форму на Главной странице сайта

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

В конце статьи необходимо оформить список литературы на русском языке и список литературы на английском языке.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в статье необходимо указывать: данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, e-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых

Внимание! Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования искусственного интеллекта (ИИ), в частности, chatGPT, Deepseek, Grok и др., недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НАУЧНЫЙ СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (ЯНВАРЬ-МАРТ)

2026 ГОД

Сдано в набор 13.02.2026. Подписано в печать 16.02.2026.

Формат 60x90/8. Печ. л. 5,7. Заказ № 12.

Верстка и редакционная подготовка
в ООО «Издательский дом «Академик»

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, офис 218